Между прошлым и будущим

Карен ШАХНАЗАРОВ

Родился в 1952 году в Краснодаре. В 1975 году окончил режиссёрский факультет ВГИКа, где занимался в мастерской Игоря Таланкина. Широкую известность как режиссёр и сценарист приобрел с выходом в 1983 году на экраны СССР музыкального фильма «Мы из джаза», названного по опросу читателей журнала «Советский экран» лучшим фильмом года и удостоенного также нескольких международных призов.

Режиссёр, сценарист, продюсер десятков фильмов, в том числе «Зимний вечер в Гаграх» (1985), «Курьер» (1986), «Город Зеро» (1988), «Цареубийца» (1991), «Сны» 1993, «Американская дочь» (1995), «Палата № 6» (2009), «Белый тигр» (2012), «Анна Каренина. История Вронского» (2017). Лауреат многочисленных отечественных и зарубежных премий в области киноискусства, кавалер орденов Александра Невского, «За заслуги перед Отечеством» и других.

Генеральный директор киноконцерна «Мосфильм», член попечительского совета Высшей школы телевидения МГУ. Член Общественной палаты Российской Федерации. Живет в Москве.

ВОЗМОЖНО ВСЁ

С выдающимся кинорежиссером и общественным деятелем беседует наш земляк писатель, драматург, режиссер Михаил КРУПИН

Родился в 1967 году в Горьком. Окончил радиофизический факультет Нижегородского госуниверситета, Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького, аспирантуру Литинститута. Автор семи книг прозы и стихов, публикаций в журналах «Юность», «Москва», «Наш современник», «Литературной газете» и других изданиях. Лауреат Всероссийской литературной премии им. В. Шишкова (2006), Международной премии имени Валентина Пикуля (2017), победитель Сценарного конкурса Фонда кино (2014). Живет в Москве.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Одной из досадных особенностей современного информационного поля является тот факт, что даже любопытнейшие мысли больших русских художников и деятелей культуры (скажем, таких как Карен Георгиевич Шахназаров), рассеянные по различным ток-шоу, никогда не складываются в концепцию единого мировоззрения. Происходит это потому, что каждое ток-шоу преследует узконаправленную цель и чаще всего не имеет логической связи с другими передачами цикла.

Это обстоятельство и спровоцировало мое естественное, как мне представляется, желание побеседовать с Кареном Шахназаровым неспешно и обстоятельно, расспросить о его мировоззрении в целом. Вскоре мне эта возможность представилась – и я услышал его развернутую оценку процессов в России и в мире, узнал ответы и на те свои вопросы, что имели отношение даже не к сегодняшнему дню, а к многим излучинам нашей цивилизации в ее историческом целом.

Думается, один из интереснейших методов Шахназарова в осмыслении современности – это поиск аналогий с прошлым и построение на основе этих аналогий гармоничной, при этом порой парадоксальной картины. Мне представляется особо привлекательным, что причинно-следственные связи, выявляемые знаменитым режиссером, неизменны по всей хронологической шкале истории. То есть современность Шахназарова начинается в невидимой для многих глубине веков. Его выводы, в отличие от выводов многих современных политологов, обеспечены завидной исторической эрудицией и некой особенной «образной» аналитикой, характерной, на мой взгляд, именно для русского художника.

Разумеется, всякий художник – философ по определению, с приличным багажом оригинальных идей. Но ведь писатель, живописец, режиссер не обязаны все без исключения мысли передавать опосредованно, языком искусства – то есть языком образов, драматических коллизий, гипербол и метафор, порою ярких и простых, а порой настолько тонких, что не всякому читателю явлен бывает их смысл. А уж режиссеры, таким образом, точно рисковали бы «самое интересное» оставить за кадром. Им просто не успеть втиснуть все свои идеи и мысли в каждую кинокартину. Ведь продюсеры ищут финансирование гораздо медленней, чем творческая мысль летит.

Слава богу, художники порой высказываются напрямую. В публицистических статьях и дневниковых записях. В дружеской переписке, публичных выступлениях, интервью. А теперь и в блогах (хотя, только это между нами, Карен Георгиевич их совсем не уважает). То ли дело – письма и дневники Пушкина, журнал «Дневник писателя» Достоевского, «Комментарии» Георгия Адамовича, давно ставшие классикой, или «Постижение истории» Тойнби.

Хотя, если честно, всё это тоже блоги. Просто лучшие блоги становятся книгами. Иногда ими становятся и большие развернутые интервью, претендующие на геополитическую целостность.

Другими словами, в этот момент благодарный зритель Карена Шахназарова превращается на время в читателя. Поскольку есть надежда, что и его читателю, как зрителю, не быть разочарованным. А быть ему безмерно озадаченным великой жизнью. Ее безмерностью и непредсказуемостью – от истока до воображаемого устья.

Михаил КРУПИН

Идея должна быть проста

Карен ШАХНАЗАРОВ: Я считаю, что сегодня, так или иначе, только евразийская идея способна сцементировать империю. Но она должна быть сформулирована достаточно ясно и просто – только тогда она будет понятна широким массам. Идея только тогда вдохновит их. У Льва Гумилева всё это, к сожалению, сформулировано слишком по-научному. Сегодня жизненно необходимо переложить ее на более простой и доходчивый, народный язык, чтобы она овладела «коллективным бессознательным».

Михаил КРУПИН: Примерно так, как Ленин переложил учение Маркса? «Власть Советам1 – он сказал, это всем понятно». «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!», «Мир народам!» – гениальные слоганы, по-моему.

К. Ш.: Говоря современным языком, это закон PR-технологий. Большие идеи захватывают, когда они очень просто сформулированы. Ведь советская идея очень проста. В том числе и в этом отразилась гениальность Ленина. Очень сложные, теоретически многоходовые вещи он формулировал необыкновенно просто. И они становились доступны для людей, прямо скажем, малограмотных. Вот почему он и выиграл, кстати. Это свойство великих людей. Ведь и идеи христианства сформулированы очень просто.

Все слова Христа – ясны, прозрачны, образны, просты. И Евангелие очень просто написано. Также и Коран, вообще все великие религиозные книги. К сожалению, и такие антиидеи, как нацизм, захватили массы только потому, что были очень просто и привлекательно выражены.

Я к тому это говорю, что, на мой взгляд, евразийство – это та идея, которая может сцементировать наше пространство, если будет сформулирована достаточно просто и ясно.

Имперское и национальное

К. Ш.: Уже Петр I обращался не к русским, а к россиянам. То есть, может быть, этот алгоритм в отношении к соотечественникам и заложил именно Петр I. Принимая к сведению его природную гениальность и все достижения его царствования, думаю, что и эта его «реформа в обращении к народу» не какая-то случайность.

М. К.: Насколько мне помнится, даже в обращении к армии перед Полтавской битвой Петр ни разу не произнес «русские», а говорил «Отечество», «Россия», «благочестие российское» и тому подобное.

К. Ш.: И это неслучайно. Именно Петр придал формальную (в хорошем смысле слова) завершенность российской евразийской империи. Иван Грозный заложил ее основы, а Петр I ее уже оформил идеологически. Поэтому он и обращается именно к россиянам. То есть – не только русских он считает своими соотечественниками и гражданами своего государства, а и татар, башкиров, калмыков, прибалтов, которых тогда называли лифляндцами, малороссов, лопарей… И он всех объединяет этим.

Впоследствии в истории были у нас и обратные тенденции. Но все-таки по сравнению с национализмом немецким или англосакским русский национализм остался, по сути, в зачаточном состоянии. А интернациональная идея СССР вообще на 70 лет подавила любой национализм. В том числе и русский. Поскольку он был с советскими идеями просто несовместим. Ты должен был прежде всего быть советским. Поэтому даже совсем невинные проявления национального самосознания в Советском Союзе пресекались в зародыше.

М. К.: Позвольте, но были же этнографические коллективы, народные театры, различные национальные ансамбли. Изучались культуры народов и народностей СССР, всюду создавались центры изучения этих культур. Открывались выставки, музеи…

К. Ш.: Разумеется, но при этом власть четко отслеживала, чтобы всё это ни на шаг не приближалось к области политики. Это было неприемлемо. Для советской идеи не только русский, а вообще ничей национализм был неприемлем. Ни грузинский, ни армянский, ни эстонский, ни украинский.

М. К.: Но ведь даже товарища Сталина, главного вождя СССР на протяжении 30 лет, сегодня многие считают русским националистом. На мой взгляд, для этого имеются веские основания. Взять хотя бы его тост во время празднования Победы над Германией – именно «за русский народ». Хотя против армии Вермахта (кстати, тоже многонациональной) все народы СССР воевали…

К. Ш.: Да, Сталин очень ценил именно русских, еще бы! – кто-кто, а Сталин не мог не ценить способность русского народа к беспредель-

ному терпению, к самопожертвованию. Не мог не ценить его преданность, его многогранные таланты. Но при этом Сталин и сам не допускал перехлеста в этом деле, и другим не позволял, поскольку Сталин строил интернациональную империю и не мог допустить дисбаланс в этом деле.

М. К.: Для меня еще вот в чем загадка: почему Сталин, будучи уже безраздельным властелином империи, оставил эти ленинские границы между республиками? Ведь нарезка этих границ в 1921 году, по сути, была вынужденным явлением. Почему Сталин, даже в пору своего наивысшего могущества, эту ерунду не отменил? Ведь что же больше национальных границ, как таковых, питает сепаратизм? Есть границы – значит, есть нация, и возможно отделение, создание своего государства. А нет границ – соответственно этих проблем просто нет! Что от чего отделять?

К. Ш.: Думаю, здесь вы, Михаил, ошибаетесь. Если имеется народ с тягой к самостоятельной жизни – охотников провести границы всегда хватит. Им главное – выждать подходящий исторический момент. Правомерность этих мыслей 1917 год демонстрирует воочию. Тогда многие границы между Россией и национальными республиками стали возникать еще при Керенском, без всякого вмешательства Ленина.

Так что союзные границы СССР 1922 года появились отнюдь не на пустом месте. И даже в годы наивысшего могущества Сталина взять и отменить их было далеко не просто. А куда народы денешь?

М. К.: Объявить всех единым советским народом.

К. Ш.: К этому большевики и вели, но при всем своем максимализме понимали, что процесс формирования единого народа из множества, так сказать, «подвластных племен» – дело совсем небыстрое. За несколько десятилетий здесь ничего не происходит. К тому же у всех ключевых ленинских решений был статус священных. Сталину не так-то просто было что-то переформатировать.

Но главное – стоит ли вообще упрекать Ленина за эти границы? Как ни крути, это была одна из основополагающих идей, которая позволила ему собрать страну. Как было иначе смонтировать фрагменты распавшейся Российской империи? Он придумал объединить эти куски как равноправные национальные республики! Думаю, мы до сих пор недооцениваем это решение.

М. К.: Наверное, умом это можно понять, а вот сердцем… Ведь Ленин придал тогда Украинской ССР все пролетарские регионы Донбасса, Луганска, Екатеринослава, да и порты Одессы, Николаева, Херсона, о которых никогда в истории и речь не заходила, что они там чьи-то, не русские. Причина этого ясна: Ленин, преследуя сиюминутные цели, стремился аграрной республике подарить пролетарский «электорат», который на съездах будет голосовать правильно и вообще придерживаться ленинского курса. Но сейчас от этого не легче.

А Казахстану какие огромные территории были подарены – и русские промышленные центры Южного Урала, и плодороднейшие целинные земли. Только за то, чтобы казахи поддерживали СССР. А потом там нефть нашли…

В итоге все эти великодушные подарки, да и сама нарезка исторически неоправданных границ стали очень хорошо питать… даже не национализм, а именно сепаратизм наших окраин. Неужели Сталин этого не видел?

К. Ш.: У меня на этот счет совсем другое мнение. Причем оно не противоположно вашему, просто совсем другое. То, что во время образования

СССР Ленин подарил часть исконно российских территорий национальным республикам, было, на мой взгляд, тактическим ходом большого политика.

Разумеется, при этом ни Ленин, ни Сталин не предполагали, что эти территории и их богатства когда-нибудь уйдут из их государства. Но, если взглянуть шире, что при этом переделе произошло? По сути, коренное переустройство евразийского пространства. Причем экономически более правильное. Поскольку Ленин и Сталин (что бы там ни говорили о них нынешние либералы) были сильными хозяйственниками и экономистами. Да, в итоге – параллельно с развитием экономики этих республик, с усилением их производственных мощностей – развивались и тенденции к сепаратизму. То есть к обретению полной самостоятельности. Но даже после 1991 года эти новые самостоятельные государства все равно остались неотъемлемой частью Евразии.

Мы же рванули в 90-е на Запад, бросив их. Но теперь-то мы видим, что Россия все равно не может существовать без этого евразийского пояса. Мы теперь все равно должны выстраивать «особые отношения» с теми странами, которые органически входят в понятие Евразии. Мы понимаем, что зависимы от Казахстана, от Киргизии, от Таджикистана, теперь Украина для нас – головная боль. Мы не можем вытолкнуть их со своей орбиты.

Таким образом, на мой взгляд, 1991 год, несмотря на его драматичность, оказался моментом объективного переустройства всего евразийского мира, его политической и экономической трансформации. Пожалуй, сегодня расстановка сил на евразийской карте даже оптимальна для современных реалий, для развития рыночной экономики евразийского континента. Да, у нас была тенденция бросить все «на волю божью», но мы все равно возвращаемся к необходимости *заниматься* своим окружением. Это не значит, что мы всё восстановим в прежнем виде, но то, что евразийское пространство восстанавливается и что существует объективная необходимость его восстановить, – уже очевидно для многих. Без этого мы погибнем.

М. К.: Но вам не кажется, что не погибнуть было бы гораздо проще, если бы мы в своем интернациональном запале не придумывали бы наций, которых даже не было.

К. Ш.: Я понимаю, о чем речь. Сегодня мы часто слышим, что вроде бы украинского народа и не было. Вроде как его австрийцы придумали в своих политических целях. Мол, это было сделано с той целью, чтобы славяне на восточной окраине Австро-Венгерской империи перестали себя идентифицировать с русскими, и тогда можно было бы заставить их сражаться с оружием в руках против России. Да, такие действия австрийцами предпринимались, это известно. Тех, кто записывал себя украинцем, а не русским, они продвигали по службе, помогали получить образование. Все это, конечно, было актуально накануне Первой мировой войны.

Но у меня возникают большие сомнения в том, что украинского народа до этих манипуляций не существовало. Что, в XIX веке не было Тараса Шевченко, слагавшего стихи на родном языке? Что, слова «Украйна» для обозначения своей родины в них нет?

И потом, австрийцы владели только очень малой частью Украины, ее самыми западными землями, а между тем – что мы наблюдаем в Киеве сразу после Февральской революции? Практически сразу после падения русского самодержавия там была создана Центральная Рада. И вскоре была провозглашена Украинская Народная Республика, кото-

рая приобретала и гетманский вид, и петлюровский, и только в какой-то там третьей редакции – советский.

Так что «украинский вопрос» не на пустом месте возник. Его нужно было решать. И оказалось, что решить его возможно, только предоставив украинскому народу (как и всем другим народам) право на самоопределение. И свою территорию, естественно.

Поэтому ленинское решение было гениально. Российская империя практически уже развалилась, а Ленин за очень короткий срок сумел ее пересобрать заново. За исключением разве что Польши и Финляндии, которые и не нужны были, по сути дела. Ленин в этом смысле был евразиец абсолютно. Я тоже согласен с той идеей, что некие пределы «евразийского мира» существуют объективно и, когда евразийский мир пытается за них выйти, он терпит крах. Поскольку это сверхобъемное образование уже избыточно, неорганично. Другими словами, когда евразийская цивилизация стремится объять собой и Польшу, и Финляндию, и Эстонию, оно как бы выходит за свои пределы. И это в течение какого-то времени становится для всех очевидно.

Центробежные тенденции сегодня

М. К.: Действительно, после февраля 1917 года национальные окраины начали помалу «отползать» от бывшего центра Российской империи. Я уж о Прибалтике, Польше, Финляндии и не говорю. Не только гетманская Украина и народы Кавказа и Закавказья заявили о своей самостоятельности. То же самое – ханства и эмираты Средней Азии. Более того, даже Донская казачья республика возникла – на землях, казалось бы, исконно русских! Образовалась и Дальневосточная республика.

Но что это означает? Это означает, что у процесса распада нашей земли уже имеются, по сути, исторические корни. Не значит ли это, что данный процесс объективен? Да, Ленин в силу своей гениальности собрал опять страну. Заманил народы заново в империю социализмом, интернационализмом, еще какими-то кренделями небесными. Подарил чуть ли не каждой национальной республике новые лакомые территории, откусив их от РСФСР. Нарезал вот эти границы. Но раз процессы разделения протекали объективно, то вот объективно они в начале 90-х и продолжились. Едва имперская узда ослабла, все окончательно и расползлось. Вопрос только в том – окончательно ли? Может, всё это намерено и дальше расползаться? Национальных окраин в Российской Федерации тоже хватает. А прописанный в Конституции их автономный статус – не панацея. Как не панацея любая бумажка. Мы видели это в 90-е на примере Чечни. В меньшей степени, но были центробежные тенденции и на Урале, в Татарстане…

К. Ш.: На мой взгляд, сегодня это самая большая «головная боль» для людей, которые задумываются о своей стране. Как дальше этот процесс будет протекать в течение нового столетия, мы не знаем. Не исключено, что центробежные тенденции подспудно накапливаются, и нам просто кажется сейчас, что распад вроде как приостановился. Более того, сегодня у нас ощущение, что Россия возрождается…

Но процессы распада империй могут занимать столетия. Поэтому, конечно, такие мысли приходят в голову. Но я абсолютно убежден, что подобные вопросы стоят за пределами возможностей нашего интеллекта.

При этом я лично своими действиями, так или иначе, пытаюсь препятствовать процессам распада, несмотря на возможную их, так сказать, объективность. Если взять историческую панораму, то – конечно – утешительного мало. Вот на фундаменте Московского царства возникла Российская империя. В XIX веке она достигла наивысшего расцвета. Но ее идея – монархическая, а затем вот это «Православие, Самодержавие, Народность» – довольно быстро перестала работать. Она не работала уже в силу того, что национальный состав государства ей не соответствовал. Русских было уже меньшинство. Поэтому понятно, что для большой части населения это была совершенно чуждая идея. Ленин предложил новую идею, советскую, которая сумела эту многонациональную территорию объединить. Но посмотрите, что в итоге получается. По отношению к Российской империи ленинское государство сузилось – потеряв не только Польшу и Финляндию (о небольшой цене этой потери мы говорили), но и всю Прибалтику, и Западные Белоруссию с Украиной, и часть Молдавии. Эти территории были возвращены в состав империи только спустя 20 лет, в результате военных операций. То есть это временное приобретение было сделано путем захвата, а не добровольного присоединения государств. Таким образом, это присоединение не имело ничего общего с воссоединением Украины с Россией в XVII веке, проведенное по инициативе Богдана Хмельницкого, ни с вхождением Грузии и Армении в начале XIX века в состав Российской империи по просьбе грузинского и армянского царей о покровительстве.

Эта тенденция к сужению империи просматривается и дальше. В 199 году в одночасье империя теряет все окраины, которые были собраны Лениным и Сталиным под именем «советских республик». А через пару лет и некоторые «автономные» чуть не отправились следом.

Но если взглянуть на историю Римской империи, затем Византии, затем Великобритании, мы увидим сходные процессы. Правда, все это было растянуто на протяжении долгих веков. И века эти уже миновали, стали историей. Поэтому мы и взираем сейчас на распад этих империй так спокойно.

М. К.: И все же мы при этом замечаем, что распад происходил в первую очередь там, где не нашлось объединительной идеи. Может быть, нам еще стоит ее поискать? Вдруг у нас есть шанс?

К. Ш.: Честно говоря, с идеологией и вообще с идеями, которые могут объединить эту страну, сегодня туго. Вот, скажем, православие. Но для большой части нашего населения это достаточно чуждая идея. Для тех же российских граждан мусульманского вероисповедания. Атеистов у нас до сих пор тоже немало. Или людей, которые во что-то верят, но в храм и не заходят – ни в православный, ни в католический, ни в буддийский, ни в какой. То есть такой объединительной идеи, как советская, которая могла бы держать такую разнородную многонациональную страну, у нас сегодня нет.

Конечно, существует философская идея «евразийства», о которой мы уже немного говорили. Эту идею, повторю, наиболее ярко и внятно, на мой взгляд, Лев Гумилев сформулировал. Но даже в его подаче, бесспорно талантливой, эта идея, пожалуй, чересчур сложна, излишне научна, что ли, чтобы охватить массы.

А то, что придумали большевики сто лет назад, было очень просто, абсолютно понятно каждому, даже необразованному человеку. И в этом

был залог жизнеспособности этой идеи. В целом все народы Российской империи (да и не только! – и монголы, и китайцы, и многие другие) тогда с этой идеей согласились. Всегда был, конечно, кто-то и против. Но этой погрешностью, как говорят ученые, можно пренебречь. В целом этот подход всеми был принят. Несмотря на то что советская идея быстро уничтожила всех своих конкурентов. Становясь общенародной религией, по сути, она упразднила и православие, и ислам, и иудаизм, и буддизм. По крайней мере, загнала в подполье.

М. К.: Не будем преувеличивать: церковь в СССР не была запрещена официально, хотя была отделена от государства. Но, как ни странно, это и с Евангелием в чем-то согласуется: «Кесарю кесарево, а Божие Богу». При этом в каждом городе имелись действующие храмы, хоть и не в том количестве, что до революции.

К. Ш.: Церковь не была запрещена официально, но – не забывайте – это абсолютно не приветствовалось. Ты никакой карьеры не мог сделать ни в какой сфере общественной жизни, если ходил в храм или крестик носил.

Да и в христианских странах в первые века христианства язычество не было запрещено. Но постепенно все эти «конкурирующие культы» так или иначе изживались, оттеснялись в захолустья… Да, где-то без репрессий дело обходилось, но где-то поступали с конкурентами в «области духовности и нравственности» вполне бесчеловечно.

А с другой стороны… Вот вы говорите – было мало церквей, не как при царе и не как сейчас. Но больше тогда и не требовалось! Людей объединяли совсем другие вещи.

М. К.: Если уж мы говорим о советской объединительной идее, нельзя не заметить, что она далеко не исчерпывалась интернационализмом. Это была прежде всего идея социалистическая. Это равенство и братство. Вы же сами говорили, что только терминология в «геноме веры» у людей была подправлена. А так идея равенства и братства – по сути христианская. Как, впрочем, и идея интернационализма. Для царства Божия «нет ни эллина, ни иудея».

К. Ш.: Ну, конечно, СССР – это в первую очередь идея равенства. Социальной справедливости. По сути, эта идея находится не столько в интеллектуальной сфере, сколько в эмоциональной. Которая смыкается с религиозной. То есть: «Давайте мы построим царство небесное не на небе, а на земле!» Если прочесть рассказы Андрея Платонова или его роман «Чевенгур», можно очень хорошо увидеть и прочувствовать, как эти идеи овладевали полуграмотными массами. И, кажется, именно в силу своей полуграмотности, а порой и полной необразованности эти массы проявляли чрезвычайную эмоциональность. Платоновский пролетарий или крестьянин всегда поступает «под влиянием чувства», «для самого себя внезапно». И когда ты читаешь Платонова, чувствуешь, что вся эта фантастика, которая творилась в России тогда, для этих людей абсолютно естественна и органична.

А сегодня подобных идей, которые зажгли бы и безграмотных, и грамотных, у нас не наблюдается. Идея «Русского мира», на мой взгляд, чересчур узка. Она едва ли сумеет объединить всю страну. Чтобы прекрасно себя чувствовать в лоне советской идеи, ты мог быть и китайцем. Причем мог даже не приезжать из Китая, а все равно чувствовать себя советским человеком. Эта идея была универсальна, именно поэтому она и давала так много союзников СССР.

На мой взгляд, Русская идея не способна заместить Советскую идею. И в этом проблема. Именно поэтому так трудно сказать, куда мы все сегодня движемся.

Сегодня я по-прежнему надеюсь, что сегодняшнее состояние России – это некая ее новая форма, что Россия, избавившись от балласта окраин, приобрела некое ускорение. И действительно, мы видим, что за эти 25 лет, что прошли после распада Советского Союза, Россия вернулась в число сверхдержав. Я думаю, сегодня, при всех наших минусах, экономически мы развиваемся достаточно успешно.

М. К.: Вы полагаете, успешно? Но успешность – понятие относительное. Давайте пофантазируем: вот Советский Союз, преодолев проблемы конца восьмидесятых, остается жить. Каких успехов он достиг бы за четверть века, не затормозившись на провальное десятилетие 90-х?

Присмотримся к тем темпам, с которыми он шел до этого. Вот 50-е годы, большинство советских граждан живет в коммуналках. Вот проходит 10-15 лет – у всех отдельные квартиры. Вот еще проходит 10 лет – у большинства автомобили и дачи. На мой взгляд, благосостояние советских граждан могло бы и дальше расти в хорошем темпе, если бы не произошел слом страны.

К. Ш.: Я думаю, эта перспектива далее восьмидесятых уже не распространялась. Потом, ты говоришь, «если бы не слом страны», но слом страны был делом совершенно объективным, и избежать его было нельзя. Вообще процессы распада в организме Советского Союза, на мой взгляд, обозначились уже после 1953 года. Советский Союз мог работать эффективно только при таком руководителе, как Сталин. Эта система по-другому не работала. Она была рассчитана на деспотическое руководство. И, как ни странно (что бы нам ни говорили наши либералы), народ всё это принял. А если бы не принял, и страны сегодня не было бы. Он согласился с этим типом руководства в тридцатые годы, соглашался с ним и в сороковые, и в пятидесятые. Именно по этой причине была проведена невероятно быстрая модернизация страны. Если бы мы ее не провели, России не было бы, однозначно. Ее бы уничтожили. Может быть, именно в этом состояла миссия большевиков. Издержки их идеологии – это, по сути, надстройка. Суть в том, что они провели модернизацию. Победили в войне со всей Европой. И восстановили страну после страшной войны. При этом они заложили такой фундамент, создали такую экономическую и производственную базу государства, на которой уже можно было выстраивать новую систему экономических взаимоотношений. Ведь, так или иначе, это было неизбежно. Можно уверенно сказать, что после ухода Сталина его система сразу начала пошатываться. В сущности, уже в 50-е стали заметны первые признаки обрушения.

М. К.: Вы неоднократно говорили, что советская система, после того как стала уходить «сталинская гвардия», перестала рождать ярких лидеров. То есть во власть перестали приходить сильные, мыслящие, харизматичные люди. На мой взгляд, это даже не один из недостатков советской системы, а это ее главный изъян, ее ахиллесова пята. Если бы не это, Советский Союз устоял бы.

К. Ш.: Но этого быть не могло. В итоге во власть приходили люди, которые в глазах народа только дискредитировали советскую власть. И своими действиями, и бесконечной демагогией. Практически у всех советских людей к середине восьмидесятых возникло внутреннее ощущение, что эта система уже не работает.

Дело даже не в том, что неординарных людей не пускали во власть, а в том, что даровитые люди уже сами не стремились туда. Вот когда я пришел на Мосфильм – кто был на Мосфильме секретарем парткома? Всегда самый слабый из режиссеров. То есть талантливые люди уже сами не видели перспектив как для этой системы, так и для себя в этой системе.

М. К.: И совершенно напрасно. Так как именно эта система породила первую российскую буржуазию, когда пришло время делить страну.

К. Ш.: Но эта первая буржуазия стала в полном смысле компрадорской. То есть самой презренной из буржуазий, которая зарабатывает тем, что сливает все национальные ресурсы за рубеж, распродает национальную собственность и открывает внутренний рынок для чужого производителя. А ничего другого бывшие партийные и комсомольские бюрократы делать не умели. Тем не менее в конце восьмидесятых – начале девяностых они правильно почувствовали, что советская система дает сбой. Может быть, у них это происходило на подсознательном уровне. Но сама советская бюрократия стала могильщиком своей системы, выдвигая Ельцина на все ведущие посты.

От распада до расцвета

К. Ш.: Вот, говорят, Горбачев – предатель. Да, Горбачев совершил массу ошибок. Сегодня только ленивый не обвиняет его в том, что он пытался понравиться Западу. Но не в этом дело, он действительно пытался сохранить СССР. Провести необходимые перемены. Но он не понимал, как это сделать. И при этом пытался. Конечно, это приводило к хаотическим метаниям и дополнительной разбалансировке всей системы.

Но могильщиком этой системы все-таки стал Ельцин. Он был ставленник той части (надо сказать, большой части) советской номенклатуры, которая поняла, что надо захватывать собственность. Что подходящий момент наступил, «время пришло», что сейчас это можно. Эта часть номенклатуры и превратилась в компрадорскую буржуазию. А другой она и не могла быть. Потому что буржуазия в тот период могла только разрушить всё и продавать. А продавать куда? На Запад. Вот она и занялась этим делом.

М. К.: «О, сюжет, а?!» – как говорил Владимир Басов в «Я шагаю по Москве». А ведь, пожалуй, у нее, действительно, не было другого пути. Ведь что-то создавать – значит, подхватывать какие-то наработки Советского Союза. А тогда страна не рухнет, вот и не разделишь собственность. Парадокс.

К. Ш.: Это так, но следующим этапом оказался… Путин. То есть его ставили, понятно, как «смотрящего» от этой компрадорской буржуазии, которую вывел на свет Ельцин. Но Путин вскоре почувствовал свою опору в национальной буржуазии, которая в то время только начала формироваться. Да, он тоже представитель этого класса. Но у той буржуазии, на которую он опирается, несколько иной интерес. Эти уже не хотели просто гнать всё за рубеж. Кто-то из них уже получил предприятия. И им тоже нужен был человек, который будет охранять их интересы. И в общем-то вполне естественно, что интересы национальной буржуазии оказались российскому президенту гораздо ближе компрадорских интересов. В свою очередь, национальная буржуазия была

заинтересована в укреплении государственной власти, заинтересована в защите России. Не из альтруизма и горячего патриотизма, а просто в силу своего материального интереса.

Так или иначе, национальная буржуазия встала на защиту собственной страны. Ведь таким образом она охраняла себя, свои состояния. Просто ее интересы в этот исторический промежуток совпали с общим интересом российского народа. Тем более что народ уже очень хорошо понимал, какую опасность несет в себе компрадорская буржуазия, которая готова была вообще все распродать.

М. К.: Посмотрите, как часто теперь в ваших рассуждениях мелькают слова «интересы», «собственность»… И ведь они не просто связывают между собой другие слова в предложениях. Они словно частички качественного бетона уже скрепляют государство и страну. То есть что получается?..

К. Ш.: Получается, явился крупный собственник – и угроза распада страны стала сразу отодвигаться куда-то. Как ни крути, а государство скрепляют кровные интересы сильных и влиятельных людей, их близких, их семей. Конечно, можно к этому приклеить ярлык «коррупции». Но это не «коррупция». Это то, чего как раз не хватало СССР. Всем был Советский Союз хорош – и социальной справедливостью, и интернационализмом, одно плохо – у его руководителей не было наследуемой собственности, а значит, не было и интересов, которые днем и ночью надлежало охранять.

Вот почему у советской бюрократии, то есть и у самого СССР, не оказалось крепкого инстинкта самосохранения. У советского человека и даже советского чиновника по большому счету интереса глубинного не было. Появилась собственность, большая собственность – и одновременно появились интересы. Семейные, клановые, корпоративные, как хотите назовите. Маркс называл их «классовыми интересами». Соответственно появились и воля, и предприимчивость, и профессиональные навыки, чтобы эти интересы защищать.

В системе той экономики, в которой мы сейчас живем, то есть в рыночной системе, собственность становится и тем стимулом, который заставляет национальную буржуазию охранять свою страну.

Я поэтому и утверждаю, что марксизм во многом прав. В данном случае он прав в отношении того, что классы существуют. Они существуют во всей очевидности, как бы нас ни пытались сегодня уверить, что эти классы размыты, текучи и что вообще такие термины – какой-то анахронизм, пережиток устаревшей идеологии. Нет, размыты они в чьем-то сознании или нет, но классы совершенно точно существуют, и представители их обладают совершенно отчетливым классовым сознанием. Даже в обыденной жизни я часто такое встречаю. Поговори с людьми, у которых есть большая собственность, – и сразу убедишься, что сознание их – абсолютно классовое. Оно обусловлено тем, что они очень хотят эту собственность сохранить, преумножить и передать по наследству. Поэтому им важно жить в государстве, которое их собственность надежно охраняет.

Соответственно, если представить, что в государстве, охраняемом национальной буржуазией, придет к власти такой человек, как Горбачев, уже через несколько месяцев он будет отправлен в отставку. Он просто ничего не сможет раскачать в отлаженной и охраняемой системе. Да они бы и Ельцина не потерпели. Зачем им такой разрушитель?

М. К.: Теперь вспоминается финал вашей картины «Сны». Картина удивительно безотрадная. Одна линия там – рафинированное дворянство конца XIX века, бессильное предотвратить революционный взрыв. Вторая линия – действительность 1992–1993 годов, хаос, непонятное СНГ, полный разброд в политике, морали, искусстве, в общем, во всех областях. Полный развал экономики… И только в финале фильма – лучик надежды. Такой очень странный лучик, когда Семен Борисович, бухгалтер столовой, в общем-то одиозный персонаж, такой озабоченный циник, приводит героиню в полуразвалившийся старинный особняк, который он купил за бесценок и хочет отремонтировать. И вот он доску поднимает с пола и бранит рабочего: «Вечно все бросит этот Славка» – это, по-моему, последние слова вообще в фильме. И в этом движении и этих словах и есть лучик надежды. Что страна поднимется. Ее поднимут эти самые смешные Семены Борисовичи, как доску с пола, потому что то, что им досталось на руинах государства, это уже их драгоценная собственность. То есть это и была та самая нарождающаяся на место компрадорской «национальная буржуазия». Вы уже в 1992-м понимали это? Или сняли эти кадры подсознательно, каким-то чутьем?

К. Ш.: Не помню, понимал ли я тогда это. Думаю, создание фильма, как и любого художественного произведения, движется по другим законам, чем просто анализ публицистический или политический. Там гораздо больше интуиции, каких-то эмоциональных ощущений, чем анализа. Начинают проявляться и выстраиваться какие-то образы, но другой вопрос, что они действительно порой могут художественно отразить реальные процессы в обществе. В этом и сила художественного творчества, что оно порой более точно ухватывает суть происходящего, чем специально созданные институты.

В определенной степени творчество может даже прогнозировать. Но это, мне кажется, происходит обычно помимо воли художника. Там работают какие-то другие механизмы. Это интуиция, эмоции… Может быть, даже какие-то еще неизвестные науке органы восприятия. Поэтому я даже не помню, насколько я тогда улавливал соотношение того, что я снимаю, с политическими реалиями. А тем более с будущим своей страны.

Но в целом вы оказываетесь правы: да, в определенной степени национально ориентированная буржуазия начала формироваться уже в 90-е годы.

М. К.: Может быть, даже в 80-е? Цеховики, фарца…

К. Ш.: Отчасти. Ведь большинство этих людей все-таки превратилось в компрадорскую буржуазию. Хотя некоторые ушли под бандитов 90-х, а затем, действительно, стали частью национальной буржуазии. И в той или иной степени сегодня они строят страну. Если в советское время строителями страны были челюскинцы, комсомольцы-добровольцы, люди, фанатично преданные идее, то в 90-е годы совсем другие люди пришли. Но они тоже строят. Да, со всякими безобразиями, с коррупцией, с воровством, но хочешь не хочешь, строят. Достаточно взглянуть на Москву девяностых годов. Что это было? Это ужас был. А взгляни – сейчас Москва какая стала?

Иные и сегодня говорят: «Что вы, не видите, что страна гибнет? У нас ничего не делается!» Но это неправда. Делается. Просто делается совсем не так, как это делалось в советское время. Сегодня действуют совсем другие механизмы.

Говорят: «Отъедьте от Москвы на 100 километров – и в ужас придете». Да я отъезжал и на 100 километров, и гораздо дальше – и видел удивительные достижения. Есть, конечно, и полные дыры, а есть и обратное. Вот – Тула. Я сто лет там не был, и вот съездил. Совсем другой стал город – красивый, современный. Захолустьем или глубинкой язык не повернется назвать его.

Я говорю сейчас о том, что не следует все видеть только с одной стороны. Это не значит, что у нас проблем нет. Но если что-то строится, то это строит уже новая национальная буржуазия. И таким образом она становится оплотом государства.

Феномен советского человека

М. К.: Но эти рассуждения ведут и к такому печальному выводу: Советский Союз, вся его идеология, мощная пропагандистская машина, все его искусство и литература, пионерия и комсомол, старались воспитать так называемого «советского человека», но, получается, этот феномен так и не был рожден? Поэтому советское государство и рассыпалось. А как только включился эгоизм собственника, известный нам издревле, так сказать, как тут же государство укрепилось и худо-бедно продолжило свой путь.

Но почему не удалось воспитать «советского человека» в том значении, которое вкладывали в него лучшие советские художники и идеологи? Ведь он неоднократно изображался и в живописи, и в литературе, и в кино, и в музыке. Он был как живой! И в детстве я в него верил!..

Или этот феномен был все же рожден, только встречался нечасто (его только еще предстояло «размножить»?) и властных полномочий не достиг? То есть он просто не оказался «в нужное время в нужном месте», поэтому и не смог защитить свою страну? Не сумел оказать сопротивления ни выродившийся партийной номенклатуре, ни компрадорской буржуазии?

Или этот феномен «советского человека» изначально был какой-то выдумкой, иллюзией? Не было шанса его воспитать?

Тогда, получается, СССР действительно держался больше на страхе, чем на сознательности и энтузиазме масс? Страх вынули – и ничего другого не осталось? Но что же делать с этими шедеврами? С картинами Герасимова, Александрова, Пырьева, Хуциева, Зархи, Шукшина, раннего Михалкова? Что же, все это ложь? Или просто красивая сказка? Недостижимая мечта?

К. Ш.: На это каскад вопросов надо и отвечать постепенно. Итак, была у коммунистов-ленинцев такая, надо сказать, дерзкая идея – переделать человека, пересоздать его природу. В принципе идея-то хорошая, сильная в основе своей. И тоже, кстати, очень близкая христианству: там смысл бытия человеческого тоже – уход от своей тварной, бренной природы, от всех дьявольских соблазнов и приход к «образу и подобию Божьему». Стяжание Духа Святого, отказ от эгоизма, свершение подвигов во славу Божью и другие благие деяния… В итоге – Царствие Небесное. Чтобы в это Царствие попасть, надо было, в общем-то, существенно свою природу изменить (в общем, говоря советским языком – «поработать над собой»).

М. К.: Собственно, почти то же и предлагали большевики. Только без идеи Бога. А вот идея смирения, кажется, им была очень близка.

Для ее «успешного проведения в жизнь» кто только на место Бога ни вставал – «Коллектив», Наука, Природа-матушка, сакрализованный народ, Коммунизм, Родина-мать, и так далее. В общем, большевистских божеств было много.

К. Ш.: С их помощью и собирались создать нового человека. Но, оказывается, идолопоклонство – не лучший метод. Тем не менее в 30 – 40-е создавалось впечатление, что советский человек уже практически воспитан, создан. Огромное количество героев Великой Отечественной войны – тому прямое подтверждение. Литературные герои того периода, в общем-то, ничуть не согрешали против правды. Летчик Мересьев, герой романа «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, имел реальный прототип – летчика Маресьева, который, лишившись стоп обеих ног, продолжал воевать и управлять боевым самолетом. Когда в первый раз у кого-то возникла такая идея, Мересьев сам изумляется: «Как же я могу без ног сесть за штурвал самолета?» А ему говорят: «Ну ты же советский человек!» И это как заклинание чудесное действует. Дает небывалые силы...

Но оказалось, что такие люди появляются в эпоху испытаний, когда народ фактически поставлен перед выбором – победить или погибнуть. Или точнее сказать: победить или окунуться в долгие годы рабства, прозябания под чужеземным игом. Тогда из народной среды поднимается множество героев. Но так было не только в советское время, так было и во время войны 1812 года, и во время Севастопольской обороны в Крымскую войну…

Если брать 20-е, 30-е – там большую роль в стремление людей к «советскому образу и подобию» играло то, что они вдруг были названы хозяевами своей земли! Была отменена «эксплуатация человека человеком». И огромные массы людей, родители которых еще работали «на дядю», на помещиков и фабрикантов, вдруг получили доступ к высшему образованию, к бесплатному жилью и медицине, да и, по сути, к управлению страной. Конечно, всем тогда хотелось быть советскими людьми. При этом все жили еще бедно, поэтому тянулись друг к другу, так было легче и удобней выживать, решать свои задачи. Отсюда и естественный коллективизм, присущий советскому человеку в 30-е, 40-е.

А вот уже с конца 50-х, когда благополучие стало расти, а при этом «царство коммунизма», когда «от каждого по способностям, каждому по потребностям», всё откладывалось, народ все менее и менее остается коллективистом. А поскольку сталинской «узды» уже не стало, повсеместно усиливаются злоупотребления, воровство, кумовство, лентяйство и так далее. Народ все это видел и постепенно стал разочаровываться в советской системе. «Если они так, чего ж я-то буду?», «Мне что, больше всех надо?» – вот типичные высказывания того времени.

Тем не менее это была одна из самых необыкновенных идей в мировой культуре – создать идеальный народ идеальных людей, лишенных корыстолюбия, алчности и всех недостатков, свойственных обычному человеку.

В этом смысле, надо сказать, большевики потерпели крах. Выяснилось, что пока такого человека создать невозможно. Личный интерес и интересы собственности все равно остаются важнейшими.

М. К.: На мой взгляд, это у вас очень внятно показано в фильме «Курьер», который был снят на заре перестройке, то есть еще в таком нормальном, золотом СССР. Но все герои этого кино – совершенно уже

несоветские. Вспомним эпизод, где сотрудники редакции рассказывают друг другу о своих мечтах. Героиня Светланы Крючковой мечтает выйти замуж за японца, у героя Панкратова-Черного более обытовленная мечта – чтобы в Московской области давление не падало ниже такой-то отметки, поскольку в этом случае клёв лучше, а этот персонаж – заядлый рыбак. А курьер Иван вдруг говорит: «А я мечтаю, чтобы коммунизм на всей земле победил». Какими взглядами коллеги его награждают! И тут же стремятся избавиться от этого человека, услать на овощную базу, он уже для них чужой. Действительно, фраза Ивана была вполне естественна в 30-е годы, в каком-то виде она могла еще быть сказана героями «оттепели» 60-х (и то уже только в каком-то особом контексте), а уж в 80-е она просто непредставима. И мы понимаем: это стеб Ивана, розыгрыш, прикол.

В сущности, по картине «Курьер» можно смело изучать общественные настроения 80-х. А там уже нет места трудовому энтузиазму, каким-то героическим порывам…

«Скромное обаяние буржуазии»

М. К.: Но вернемся к разговору о разновидностях буржуазии. Так какая же она у нас теперь? Изжита ли полностью та пресловутая «компрадорская буржуазия»? Или она всего лишь несколько потеснена «национально ориентированной буржуазией» и занимает какую-то нишу в экономике страны? Если да, то какую?

К. Ш.: Она занимает, я считаю, ту часть, интересы которой представляют либеральные партии. Либералы у нас – представители именно компрадорской буржуазии. Неслучайно Ельцин – их герой. Антипутинская партия, которую именуют прозападной или либеральной, и есть компрадорская буржуазия, которая отчасти сохранилась и мечтает вернуть то состояние дел, что имело место в девяностые. Поскольку то состояние дел их совершенно устраивало. Не было ни налогов, ни правил, ни отчетливых законов, соблюдение которых отслеживалось бы, – ничего! Ты мог продавать всё! Для компрадорской буржуазии это был земной рай. Вся семья живет в Америке, а ты отсюда гонишь все, что только возможно. Сливаешь в государственном масштабе за бесценок, зато сам обогащаешься неимоверно.

Но на первом этапе никакой другой буржуазии, кроме компрадорской, быть не могло. Она сложилась частично из номенклатуры (партийной и комсомольской, как господин Ходорковский), а частично – из «фарцы». А вот директора предприятий стали частью буржуазии национальной. В нее, кстати, и часть компрадорской буржуазии перешло – те, у которых все-таки имелся созидательный «ген». Кто-то из них сам вдруг завод построил – и у него уже другой интерес! Ему уже нужны другие люди у власти. В этот момент и появился Путин. На мой взгляд, сначала его ставили просто как «смотрящего», зоновским языком говоря. Я не преувеличиваю и совершенно не склонен усматривать в появлении этой фигуры «тайный замысел» Ельцина, который якобы в душе раскаялся в каких-то своих действиях.

Нет, просто Путин оказался выше всего этого. Он очень быстро почувствовал свою опору в лице национальной буржуазии. А это еще и совпало с интересами народа. Я считаю, это Путин сохранил страну. И кто знает, может быть, эта национальная буржуазия, на которую он

опирается, в результате и приведет страну к тому, что она станет «номер один» в мире.

На мой взгляд, наивно думать, что историческая личность живет и действует сама по себе, реализуя свои оригинальные идеи, находясь в ладу с собственной совестью, с собственным понятием о «мировой гармонии». Нет, политический лидер всегда выражает чьи-то интересы.

Скажем, Сталин был чем-то большим, чем просто человеком выдающихся способностей, Иосифом Виссарионовичем, родившимся в грузинском городке Гори в 1879 году. Ему народ передоверил судьбу свою. Аккумулировал в нем свое понимание единства страны. На мой взгляд, то же самое и Путин.

Именно поэтому, я полагаю, может стать очень опасным период, который наступит после Путина. Страна вполне может опять погрузиться в некий хаос и развал. И, я думаю, надежду Владимира Владимировича на то, что он сумеет передать власть так вот просто – какому-то своему надежному человеку, довольно сложно будет осуществить. Не думаю, что это может пройти легко и безболезненно. Но… это совсем другая история.

М. К.: Да уже и сейчас намечаются противоречия. И, на мой взгляд, в определенный период Путин, безусловно, интересы страны выразил. Ну вот когда интересы национальной буржуазии совпали с интересами народа. Вот только не заканчивается ли уже этот «исторический фрагмент»? Или он теперь вечен?

К. Ш.: Что ж, возможно, что и заканчивается. По крайней мере, я не думаю, что Владимир Владимирович еще сделает какой-то новый политический скачок – в том смысле, что способен как-то переформатировать свою систему.

Как говорится, «нельзя объять необъятного», – Путин и так необычайно далеко отошел от той роли, которая была ему предначертана окружением Ельцина.

О лидерах нации

К. Ш.: Ведь Ельцин нашел человека, у которого, в общем-то, не было никаких шансов сыграть самостоятельную роль. На тот момент у него не было никакого политического прошлого. Он пришел из питерской номенклатуры, причем, далеко не из самого высокого ее звена. За ним не стояло никакой политической силы. Никакой, даже самой немногочисленной партии. Он, в принципе, был совершенно один.

По идее, такой человек должен быть совершенно управляем. Особенно учитывая колоссальный вес тогдашней олигархии, имеющей огромные средства и контролировавшей всю страну. Но Путин оказался не так прост. Он оказался человеком с волей, характером и большими амбициями. Думаю, что у него уже тогда были и свои идеи. И как человек из спецслужб он и тогда был патриотом.

Конечно же, он видел всё, что творится со страной. Но ему не на кого было опереться. Тем не менее вскоре, как мне кажется, он почувствовал опору в лице той национальной буржуазии, которая начала рождаться. В свою очередь, эта национальная буржуазия почувствовала в нем человека, который способен защитить ее интересы.

Кстати, посмотрите его роль в национальной экономике «Транснефти», «Газпрома» и так далее – Путин защищает интересы крупных

национальных компаний. Другой вопрос, что с того момента по сей день эти интересы совпадали с интересами народа, потому что народ тоже сознавал необходимость сохранить страну.

М. К.: Но между интересами народа и крупной буржуазии давно назревают, мягко говоря, противоречия… Не заканчивается ли уже тот «исторический фрагмент», когда их интересы совпадали?

К. Ш.: Вполне возможно, что и заканчивается. Другое дело, каков этот «исторический фрагмент»? Это не вопрос нескольких месяцев и даже лет, в любом случае. Вполне возможно, что и деятельность Путина на определенном этапе вступит в противоречие с движением национальной буржуазии.

Дело в том, что Путин, воссоздавая государство (в чем, я считаю, его основная заслуга), создал очень разветвленный, по сути, имперский бюрократический аппарат. Собственно, наличие мощного бюрократического каркаса всегда и подразумевает империя. (Мы уже говорили, что Россия – империя по сути своей.) Но в бюрократии всегда есть и плюсы, и минусы. И на мой взгляд, сегодня бюрократический аппарат у нас стал настолько самодостаточным, что уже больше работает сам на себя. Это очень опасно. Более того, в определенной степени он начинает работать и против Путина. Я это наблюдаю ежегодно.

Путин дает указания, а бюрократический аппарат их топит в своей вязкой субстанции. И это уже, разумеется, противоречит и интересам народа, и даже интересам национальной буржуазии. Потому что аппарат все больше начинает претендовать на ту сферу, которой занимается национальная буржуазия. Более того, он начинает претендовать на собственность. Мы сплошь и рядом можем это наблюдать.

В принципе, мечта любого российского бюрократа сегодня – на своей госслужбе получить какую-то собственность путем акционирования и оставить службу. Это серьезное противоречие внутри той системы, которую создал Путин. Оно сегодня, на мой взгляд, становится все более и более очевидным. Это и основная проблема, с которой Путину приходится столкнуться.

Вполне возможно, что вскоре и этот бюрократический аппарат, и национальная буржуазия, которая недовольна этим бюрократическим аппаратом, и народ, у которого тоже достаточно поводов для недовольства, предъявят каждый свои претензии своему президенту. Мы, в сущности, это уже начинаем наблюдать…

Но, повторю, без этого мощного бюрократического аппарата Путин не смог бы воссоздать государство.

М. К.: Можно ли этот аппарат как-то переформатировать?

К. Ш.: Здесь еще одна проблема Путина. На мой взгляд, он не смог создать дееспособной партии, хотя пытался выстроить ее неоднократно. Он вообще, видимо, остро чувствует насущные потребности момента. Но «исторический материал» не очень-то податлив.

Почему он создает «Единую Россию», а потом организует вдруг Народный фронт? Ведь, создавая Народный фронт, который фактически выполняет функции политической партии, Путин в определенной степени идет на конфронтацию с «Единой Россией». Он, скорее всего, чувствует, что «Единая Россия» не приносит желаемого результата. Но в итоге и то и другое не очень работает.

«Единая Россия» – партия, которую нельзя воспринимать как политическую партию в полном смысле. Во-первых, потому что у нее нет идеологии! Она просто ориентирована на поддержку Путина. Но ведь

это не идеология. А во-вторых, она просто не в состоянии выполнять функции политической партии. Для того чтобы взять под контроль бюрократический аппарат, нужна мощная политическая сила, которая могла бы через парламент, через другие органы власти обуздать, как говорится, чиновников и проводить волю того класса или слоя общества, интересы которого она защищает.

Но сегодня получается, что бюрократический аппарат и «Единая Россия» – практически одно и то же. В этом главная проблема. А ведь единственный способ, по крайней мере, который я вижу, как-то обуздать этот бюрократический аппарат – это создание мощной партии. Но таких у нас сегодня нет. Те оппозиционные партии, которые у нас имеются, – что коммунисты, что ЛДПР, – такую функцию уже не способны выполнять.

Коммунисты совершенно, на мой взгляд, «остановились в своем развитии». Они как-то незаметно превратились в русскую национальную партию с довольно размытой идеологией. Это уже совершенно не те «пламенные коммунисты» с болью за счастье народное. А самое главное, у них нет никакой теории. Но это, так сказать, отдельный разговор.

Таким образом, бюрократический аппарат становится все более самодостаточным и проникает во все поры общества. На мой взгляд, он давно уже работает «сам по себе» и «сам на себя». В этом аспекте главное отличие бюрократического аппарата и национальной буржуазии в том, что у интересы национальной буржуазии, имеющей собственность, все же совпадают с интересами нашего государства и общества, а у бюрократии подобных совпадений нет. Другими словами, она часто действует отнюдь не в интересах страны.

В этом проблема устройства современной России. Парадоксально, что именно благодаря возникновению такого устройства страна в свое время не распалась. Более того, пока у власти находится создатель этой системы, обладающий колоссальным авторитетом, бюрократия в определенной степени управляема. Она даже демонстрирует определенную стабильность и способность генерировать довольно мощные проекты.

Но дело всё в том, что трудно представить себе, что после ухода нынешнего президента к власти придет человек, обладающий таким же авторитетом, каким обладает Путин сегодня. Не стоит забывать, что этот авторитет он зарабатывал на протяжении двадцати лет. Поэтому после его ухода нынешняя бюрократия может разнести страну в клочья.

Как знать, не запустится ли тот самый процесс, который привел в свое время к распаду СССР. Только в случае с Российской Федерацией он может иметь более тяжелые последствия. По сути, это главная проблема, с которой Владимир Владимирович сталкивается сегодня. Не знаю, насколько он ее осознает. На мой взгляд, осознает. Поскольку с его политическим опытом сложно это не осознавать. Вовсе неслучайно создал он и «Единую Россию», а затем и Народный фронт как антитезу этой партии. Невооруженным глазом видна его неудовлетворенность. Он же фактически отошел от «Единой России» и даже в президентских выборах участвовал вне ее. Он чувствует слабость этой партии, чувствует, что она стала партией бюрократии, для которой он сам становится все большей обузой. Ведь он постоянно что-то требует с них, к чему-то их принуждает, он вводит какие-то бесконечные правила, начиная от декларирования и кончая ограничением их зарплаты. А главное, все время пытается их контролировать.

М. К.: На мой взгляд, для возникновения сильной партии необходим сильный лидер. Но этому лидеру надо дать вырасти, а, как мы уже

неоднократно наблюдали в нашей истории, сильный лидер во власти вполне способен задушить всех своих конкурентов в зародыше. И это, в общем-то, в природе власти и в природе человека – не дать серьезному сопернику вырасти. Просто чтобы самому оставаться самым сильным.

К. Ш.: Да, у современной власти, сознательно это или подсознательно, это присутствует. И, может быть, ты прав в том смысле, что это и мешает Путину создать реально сильную политическую партию. Потому что реально сильная политическая партия нуждается в политическом лидере. А если он возникает, то он может стать серьезным конкурентом Владимиру Владимировичу. А отсюда – нет партии. Вот кто сейчас лидер «Единой России»? Никому неизвестно. Когда-то был Володин, вот он был яркий, а сейчас вообще неизвестно кто.

Для меня совершенно очевидно, что только мощная партия может стать противовесом бюрократии. Сама по себе бюрократия как управленческая база нам необходима, это каркас, на котором держится империя, но бюрократия должна находиться под контролем общества. Что может ее контролировать? Только политическая партия, которая имеет большой авторитет в народе. Но такая партия, во-первых, должна иметь свою сформировавшуюся идеологию, а во-вторых, она должна состоять, конечно, не из бюрократов.

Таким образом, перед Владимиром Владимировичем – дилемма. Для того чтобы сохранить страну и противостоять бюрократии ему нужна политическая сила. Но она может стать и его конкурентом.

Он должен либо сам инициировать ее создание, но при этом инициировать таким образом, чтобы она создалась как бы сама. То есть не назначать людей, а они должны сами прийти – и они есть в стране. Либо создать некие условия, чтобы такая политическая сила создалась, но тогда там возникнут и сильные лидеры, которые могут стать его прямыми соперниками. Вот какая у него сейчас дилемма. И насколько он справится с ней – непонятно.

М. К.: Но ведь у Путина – последний срок. По крайней мере, так мне кажется. Так что ему терять? Чего бояться?

К. Ш.: Да, но мы же не знаем его планы. Он не похож на человека, который собирается уходить из политики. Он, надо сказать, в отличной форме, и это может еще долго продолжаться. И видно, что у него до сих пор огромные амбиции. Он – по своей природе человек, который хочет оставаться лидером, в той или иной форме.

М. К.: Так, может быть, он и возглавит эту партию, в конце концов?

К. Ш.: А вот этого он сделать не может, поскольку сам создал эту бюрократическую систему. Это должен быть другой человек. Путин сыграл огромную роль в воссоздании и развитии страны. Но сейчас такой период, когда он становится заложником собственной системы. Более того: у меня ощущение, что этой системе Путин больше не нужен. Бюрократии, которая им же создана, он начал мешать. Это, кстати, достаточно обычное дело.

И он не может не анализировать такие вещи, на мой взгляд. Он должен понимать, что, если не поможет созданию такой партии, она уже не с некоторой долей вероятности, а уже гарантированно станет ему конкурентом. Там обязательно появятся лидеры, которым народ передоверит руководство страной.

М. К.: И их лидер скажет президентской команде и современной бюрократии слова, схожие со словами Черчилля в его предвыборной борь-

бе с командой Чемберлена: «Вы сидели слишком долго, чтобы творить добро. Уходите!»

Но в отличие от Британии прошлого века, с ее развитой внутриполитической системой, ситуация в России уникальна тем, что сам президент начинает подыскивать лидера, который поведет страну дальше? Не похожа ли эта ситуация на ту, которая сложилась в конце девяностых, когда Ельцин искал преемника? Судорожно и непредсказуемо назначал, потом заменял, а вся страна затаив дыхание наблюдала за этим захватывающим политическим шоу.

К. Ш.: Нет, у Путина другая задача. Ведь перед Ельциным задача стояла простая. Вот он с ближним его окружением создали эту систему, и им надо было просто-напросто найти человека-«смотрящего». С одной стороны, человека профессионального, с некими навыками тактического управления, а с другой – совершенно управляемого. С тем прицелом, чтобы всё оставалось как и прежде. Разве что – в более упорядоченном виде, где соблюдаются их правила, но при этом страна не летит под откос. Найти такого человека, как им казалось, было очень просто…

Но у Путина сегодня (мне это очевидно) амбиции совсем не ельцинские. Он – настоящий политический лидер. Ельцин был, что называется, «политикан». Он был, конечно, и политиком, но все-таки политиканства в нем было гораздо больше. И задачи перед ним стояли куда проще. Как говорится, «ломать – не строить».

А перед Путиным – большие задачи. Он и сам фигура большого масштаба: он сражается с западным миром, его амбиции совсем в другом. Он хочет сохранить страну и сделать ее великой. У Ельцина не было этой задачи. Напротив, его задача была диаметрально противоположной. Ему надо было сделать страну не великой, а отправить ее в плавание в том узеньком фарватере, который был нам отведен Западом и компрадорской буржуазией, к которой относилось и семейство Ельцина, в частности. Это совершенно другие задачи.

Поэтому у Путина, на мой взгляд, стоит вопрос не преемника, а вопрос создания устойчивой системы, которая сделает Россию великой. Преемник не имеет здесь того принципиального значения.

Ведь это только кажется, что если поставить во главе страны толкового человека, всё пойдет как надо. Нет, это не будет работать. Мне кажется, что Путин это понимает. А если не понимает, то он проиграет. Сегодня у него задача – создать систему, которая не заставляла бы страну балансировать на краю пропасти после ухода того или иного сильного лидера.

М. К.: А вообще есть у нас опыт создания таких устойчивых систем?

К. Ш.: На мой взгляд, у нас такой опыт имеется. Хотя и в совершенно других исторических условиях. Вот, к примеру, после государственных реформ Петра I страна около двух веков жила без кардинальных потрясений. Развивая наработки Петра, страна продолжала, по сути, движение в том же направлении. И при этом становилась всё более и более великой.

Потому что Петр I сумел создать уникальную по устойчивости внутриполитическую систему. Пригодную именно для России. Именно при Петре Великом дворянство оформилось как класс, чьи интересы совпадали с интересами имперскими. При этом Петр отменил все привилегии боярства, фактически ликвидировав это сословие… И, кстати, Петр неслучайно убрал патриаршую кафедру и умерил власть церкви,

фактически подчинив ее существование интересам империи и служилого дворянства. Петр создал Синод непосредственно с царем во главе его. Потому что он очень хорошо знал, изучив правление своего отца, Алексея Михайловича, и предыдущих государей, что церковь на Руси зачастую играет очень двоякую роль. Она, при той власти, которую имела еще с времен борьбы с ордынским игом, была очень склонна вступать в разнообразные конфликты с государством. Петр и эту своенравную силу убрал, как боярство. А точнее, Петр создал условия, при которых эти силы – и боярство, и церковь – были как бы растворены в общем движении империи.

Поэтому Петр Первый ушел, а страна продолжала двигаться, набирая мощь, в указанном Петром направлении. Достижения царствований его дочери Елизаветы, затем Екатерины Великой, Павла, Александра Первого, Николая Первого... – всё это было движением в петровском фарватере.

Что примечательно, дворянство как политическая сила в восемнадцатом и девятнадцатом веках в определенной степени контролировало и ограничивало бюрократию, хотя само тоже было имперской бюрократией.

Вот и у Путина сейчас вопрос такой же – создать систему. Создать новый формат отношений народа, его демократических институтов, политических партий, национальной буржуазии, бюрократического аппарата и центральной власти. Потому что кого бы сегодня президент ни выбрал в преемники, этот человек не сможет удержать страну. На мой взгляд, это нынешнее положение очень опасно.

М. К.: Вот еще опасность в чем, на мой взгляд. Опасность именно для действующего президента как для человека, который у власти скоро двадцать лет. Та новая система, которая придет во главе со своим новым лидером, вполне может ответственность за все ошибки, все пороки и огрехи этого двадцатилетнего периода возложить на предшественников. Что, в общем-то, уже традиция для России. Может быть, у Путина присутствует и это опасение?

К. Ш.: Я думаю, он слишком масштабная личность, чтобы опасаться этого. Главная движущая сила таких фигур – одержимость идеей. А его идея – создать великую страну. Поэтому возможность обвинений и самой острой критики – для него, мне думается, частности. Несущественные издержки процесса. Как говорится, не ошибается тот, кто ничего не делает.

Вот для Ельцина и его команды обвинения и критика имеет важное значение. Поскольку для них главное – собственность сохранить. Есть и у Путина, конечно, личный интерес, но главное для него – другое.

Именно поэтому, я думаю, разрыв между ним и его бюрократией всё больше. Именно поэтому ему, на мой взгляд, надо всеми силами способствовать созданию новой политической силы, альтернативной его же номенклатуре. Другими словами, перед Путиным стоит задача – грамотно поделиться своей огромной властью. Он должен часть этой власти делегировать какой-то новой самостоятельной партии, так мне кажется.

Рынок и «социальная справедливость»

М. К.: В этом плане, на мой взгляд, как бы эта партия ни называлась, чьи бы интересы ни выражала своей магистральной линией, всё равно

она должна паровозом пристегивать идею «социальной справедливости». Без нее никакая гармония и никакой идеал общественной жизни немыслим в российской ментальности.

К. Ш.: Проблема только в том, что эту идею очень сложно соединить с рынком, точнее говоря – с рыночной экономикой. Никто этого еще не придумал. Я не говорю о том, что это невозможно в принципе, но объективно соединить это очень сложно.

М. К.: Но это соединяется в Швеции, в Германии, в Дании…

К. Ш.: Не соглашусь. В этих странах вообще чистый капитализм.

М. К.: В его чистоте и я не сомневаюсь. Но при этом с ним тесно соседствуют социалистические элементы. У граждан – социальные пакеты, замечательная социальная защищенность. Никто не «впахивает» на трех работах только для того, чтобы выплачивать кредиты, коммуналку и кормить семью. А пенсионеры только тем и занимаются, что путешествуют по всему миру.

К. Ш.: Правильно, там социальные пакеты, защищенность, только надо понимать, что привел к этому самый настоящий капитализм. Просто это капитализм «другого шага», который, кстати, очень много заимствовал у СССР. Собственно, уже с 30-х годов началось это соревнование двух систем, капиталистической и социалистической. В том числе и в социальной сфере. Логика этого соревнования была проста: у кого простым гражданам лучше живется – та система лучше, эффективней, человечней.

Таким образом, развитые западные государства были вынуждены выделять средства, что называется, «на социалку». Не будь рядом Советского Союза, не будь в самих этих западных странах сильных компартий (а они были сильны еще в семидесятые!), то буржуазные государства, пожалуй, не стали бы всего этого делать. Сегодня рядом с ними нет успешного социалистического государства. Китай не в счет, так как для них это всегда была особая цивилизация.

Поэтому, я полагаю, в ближайшем будущем эти «социальные пакеты» Запада будут постепенно сворачиваться, и простым гражданам там вскоре будет менее комфортно.

В формировании высокого уровня жизни Западной Европы, начиная с послевоенного времени и до сих пор, также играет немаловажную роль тот факт, что эти государства практически не вкладываются в свою оборонку, рассчитывая на американский щит. Сказывается и то обстоятельство, что Запад в течение нескольких веков наращивал национальные богатства за счет ограбления колоний. Поэтому они пока вполне могут позволить себе поддерживать высокий уровень жизни рядовых граждан – и тех, кто работает в бюджетных организациях, и тех, кто занят на предприятиях их национальной буржуазии.

Но довольно сложно представить, как обеспечить этот уровень сегодня в России. Та же Швеция развивается уже 200 лет, будучи нейтральной страной, то есть – ни с кем не воюя. Против нее никто не осуществляет ни политического, ни экономического давления. А Россия все время находится на острие. На пике политической конфронтации. Это огромная ноша.

Вот мы восхищаемся немцами, которые так быстро восстановились после Второй мировой войны, так здорово развили свою экономику, но мы забываем о том, что это во многом благодаря тому, что они уже больше семидесяти лет не тратят ничего на оборону. Так что Трамп, на мой взгляд, очень прав, выдвигая к ним определенные требования.

Очень долго они прятались в тени Соединенных Штатов. Разумеется, и Штатам такое положение вещей было на руку, поскольку они, таким образом, превращались в империю. А каждый империя покупает своих вассалов. Вот и Европу купили.

Сегодня же Америка переживает, на мой взгляд, период затухания империи и не может позволить себе больше прикрывать своих «меньших братьев». Но отсюда и у европейцев возникает законный вопрос: а тогда зачем нам все это? Если мы сами должны платить за всё? Так ли велика угроза от России? Не самое ли время пересмотреть свою линию?

Но это отдельная огромная тема. А сейчас я говорю о том, что Россия все это время, в отличие от европейских стран, находилась под прессингом.

Вообще она находится в этом состоянии объективно – просто в силу необходимости контролировать колоссальную территорию. Причем только сейчас содержание многих из этих территорий становится экономически выгодным. Действительно, почти вся Россия до сих пор пребывала в очень невыгодных условиях. Холодная северная страна, резко континентальный климат, с такими перепадами температур, которые и не снились Европе. При этом основным источником дохода на протяжении веков являлось сельское хозяйство.

Так что с богатой и комфортной жизнью у России всегда было туго. Отсюда и крепостное право. Потому что иначе невозможно было получить прибавочный продукт, необходимый для содержания государственного аппарата и армии, для развития всех институтов государства. Можно сколько угодно рассуждать о великих богатствах Руси, которые издревле манили завоевателей, только – положа руку на сердце – так ли велики были эти богатства? Какие богатства нашей страны так уж остро кому-то были необходимы? Кто знал о нефти и газе еще в XIX веке? Золотых приисков тоже было очень немного. Алмазов вовсе не было. Урожаи зерновых снимали раз в полгода (и то довольно небольшой по отношению к посевным затратам), сравните с тремя тучными урожаями за сезон в Италии. Да и в Германии и в Польше урожаи зерновых значительно превосходили наши.

Зато сейчас – совсем другое дело.

Новая возможность «золотого века»

К. Ш.: В современных условиях природные ресурсы плюс уникальное местоположение России могут сыграть очень важную роль. Сегодня Азия – фактически мировой центр, никогда раньше такого не было. И, получается, сегодня положение России очень выгодно. Это мост между этими двумя гигантскими экономическими центрами.

С другой стороны, именно сегодня так нужны миру наши природные ресурсы. Именно сегодня благодаря технологиям их можно добывать и в северных широтах, на большой глубине залегания. Видимо, это и есть те богатства России, о которых еще Ломоносов говорил в будущем времени.

М. К.: Не соглашусь разве что с тем, что мы были бедны, убоги и никому не нужны на протяжении многих столетий. Почему же к нам все лезли так, что в каждом веке по нескольку раз воевать приходилось? То хазары, то монголы, то немцы… И «далее по списку» – поляки,

шведы, крымские татары, турки, потом французы, потом снова немцы, в XX веке они вообще всю Европу сюда привели.

Кроме нефти, газа и алмазов были ведь другие вещи – корабельные леса, пушнина, лён, воск, мед, пенька, поташ, а позже – железная руда, уголь. Да и зерна было немало. Может, нам этого зерна и самим не хватало, но завоевателю – какая разница?

К. Ш. *(с улыбкой):* Завоевателю в большой стране, конечно же, всегда найдется что пограбить, но сейчас я говорю о том, что уровень жизни и уровень национального богатства в России всегда были меньше, чем в странах Запада (да и в иных странах Азии). И это объективно. А что касается военных агрессий, то взгляните внимательнее на мировую историю: страны Запада и Юга куда больше между собой воевали, чем ходили против нас в походы. Не говоря уже о том, сколько времени и сил они посвящали завоеванию южных колоний.

Добрая половина наших войн обусловлена необходимостью раздвинуть наши собственные границы. Я не считаю их завоевательскими войнами – где-то мы должны были вернуть свои исконные земли, где-то морские пути, которые мы потеряли в период феодальной раздробленности или в годы Смуты. Конечно, нас не хотели обратно пускать! А где-то требовалось обезопасить себя от набегов. Например, чтобы решить вопрос с Ногайской и Крымской ордой, пришлось воевать с их покровителем – Османской империей. Так или иначе, многие войны инициировала сама Россия – и войны Петра со шведами, и его отца с поляками, и Екатерины с турками, и многие другие столкновения. Также Россия принимала живейшее участие и в разнообразных коалициях. Вторжение Наполеона было спровоцировано именно участием России в континентальной блокаде, к чему ее принуждал договор с англичанами. А вовсе не желанием Наполеона нас завоевать и разграбить.

Так что не все так просто. Да, нам приходилось много воевать, но причины половины как минимум войн – отнюдь не в колониальных устремлениях наших соседей. Да, в России всегда были лес, зерно, охотничий и рыболовецкий промыслы, многое другое. Но это не было такой уж соблазнительной приманкой для завоевателя.

А вот сегодня у нас наблюдается, действительно, удивительное сочетание благоприятных факторов. Оно, на мой взгляд, может обеспечить для России «золотой век». Именно сегодня начинает по-настоящему работать евразийский фактор нашего расположения. Плюс к нашим ресурсам наконец-то прикладываются эффективные технологии и коммуникации. Потому что любое богатство, которое просто лежит где-то, это еще не богатство. Ты попробуй добудь его, потом доставь, куда надо. А благодаря сегодняшнему уровню науки и промышленности этот фактор перестает быть неразрешимой задачей.

Плюс к этому новые технологии сегодня ощутимо повышают и эффективность сельского хозяйства. Таким образом, преимущество южных стран перед северными помалу сглаживается.

Это феномен сегодняшнего времени: всё, что приобретала Россия веками, те ее территории, которые казались кому-то ненужным балластом, сегодня начинают приносить доход. Если, конечно, правильно воспользоваться этими богатствами.

Это может стать залогом возрождения нашей страны. Но может оказаться и дополнительным стимулом к ее распаду. В зависимости о того, кто и как всем этим распорядится.

Немного о конкурентоспособности российской экономики

М. К.: Одно нехорошо. Не думаю, что все эти преимущества (да, это реальные преимущества, но тем не менее!) делают нашу продукцию конкурентоспособной на мировом рынке. И не только продукцию. Даже наши нефть и газ всегда будут скорее факторами неустойчивости экономики, чем ее устойчивости. Дело в том, что каждый лишний доллар (да что там доллар, каждый лишний цент), затраченный на производство или на добычу какого-то ресурса, в условиях общего рынка делает наш товар очень уязвимым. Пусть даже наш товар будет самым качественным. Но товар того же класса, полученный в более южных странах, будь то гвозди, автомобили, добытая нефть, всегда будет стоит дешевле. Таким образом, легко оттеснит нашего производителя.

К. Ш.: Для меня такие рассуждения не новость. Когда-то я, уже в должности директора Мосфильма, поехал в Голливуд. И что я там увидел? Вместо капитальных зданий стоят просто коробки с довольно тонкими стенками. Отапливать их не надо. Никакого фундамента нет. Уже один этот фактор делает их кинопроизводство на порядок экономнее. Конечно, это рыночное преимущество – кто же спорит?

Поэтому в любом производстве в России, хочешь не хочешь, всегда будет велика роль государства. Я об этом часто говорю. И в непонимании этих вещей – основная проблема нашего либерализма.

Россия не может соревноваться ни с Западом, ни тем более с Китаем и Индией в рентабельности своих производств. В России всегда будет всё более дорого, а значит, менее рентабельно. Прежде всего – в силу климатических природных условий, которые требуют строительства капитальных и отапливаемых зданий, бóльших энергетических затрат для любых работ в зимнее время, большей оплаты работников, которым для жизни тоже нужны и отапливаемые здания, и теплая одежда, и более калорийные продукты – все то, что требуется в меньшей степени китайцу, тайцу, индусу или турку. Поэтому там более дешевая рабочая сила.

По этой причине у нас государство и играло, и, наверное, еще долго должно будет играть очень значительную роль в жизни общества. Я считаю, оно должно у нас оказывать всемерную поддержку – и людям, и бизнесу, и целым отраслям промышленности. То есть оптимально перераспределять национальный продукт. С этим ничего не поделаешь.

М. К.: Вот только понимает ли у нас это само государство? Вот мы говорили, на определенном этапе интересы национальной буржуазии, государства и народа совпали. Но совпадают ли они сегодня?

Например, проведение пенсионной реформы очень показательно. Тем самым государство говорит открытым текстом, что заботиться о повышении благосостояния собственных граждан оно не намерено. Да, имеются некие логические объяснения этой реформы – демографический провал 90-х, естественное увеличение сроков жизни по сравнению с 50-ми годами, что, кстати, спорно. Но даже Сталин в послевоенные годы производил снижение цен, отмену карточной системы (раньше, чем в Англии!), уменьшение рабочего дня и так далее. В тяжелейшие послевоенные годы! И ни тогда, ни в хрущевские, ни в брежневские годы никто не заикался о повышении пенсионного возраста.

А разве нельзя было сослаться на ту же причину – демографический провал военных и послевоенных лет? Были и бóльшие основания – для возрождения страны из руин требовались рабочие руки, а не пенсионеры. Но государство этими доводами тогда не воспользовалось. Просто советскому государству важно было ежегодно подтверждать, что оно существует для народа, а не наоборот.

Современному российскому государству, получается, такие подтверждения абсолютно не важны? Напротив, оно с удовольствием подтверждает обратное? Взять хотя бы то, что главным доводом пенсионной реформы является – вот, мол, из-за демографической ямки теперь один трудоспособный должен кормить (с помощью налогов) трех нетрудоспособных. То есть вы открытым текстом говорите, что другие ресурсы государство для людей подключать не собирается. Вы открытым текстом говорите, что создали две страны, в одной из них трудящиеся там худо-бедно кормят нетрудящихся, а в другой живете вы – и ваши нефть, газ, сталь, алмазы и другие госкорпорации, ваш ВПК, хвастающий прибылями, к этой убогой стране трудящихся-нетрудящихся никакого отношения не имеет?

К. Ш.: И я не сторонник продления пенсионного возраста, особенно сейчас. Я тоже считаю, что это ошибка, но не стал бы из этой конкретной ошибки делать такие глобальные выводы. Тем не менее сегодня, в момент такой жесткой конфронтации, фактически экономической войны с Западом, такие ошибки могут стоить власти дорого. Это может социально расшатать ситуацию в стране. Тем более что, как мне кажется, социальный ресурс государства далеко не исчерпан. Существует реальная возможность как-то воздержаться от столь непопулярных шагов. Строго говоря, нам говорят, что триллиона рублей не хватает. Но триллион рублей – это 15 миллиардов долларов, это же в масштабах бюджета России немного. Можно из копилки взять. У нас же довольно большие сегодня приросты идут – за счет продаж нефти.

Да и в целом, на мой взгляд, российское государство не должно идти по чисто либеральному пути. Оно должно предоставлять своим гражданам все те преимущества, которые вполне позволяет предоставить им богатство нашей страны. Если хотите, могу это сформулировать попросту: надо делиться. На мой взгляд, повышение пенсионного возраста – чисто либеральная затея. Даже дистиллированно либеральная. При этом никто из них не желает прислушиваться к другим аргументам.

Но при всем том я считаю, что у нас недостаточно работает рынок. В этом смысле – я, пожалуй, либерал. У нас гораздо больше вещей надо переводить на чисто рыночные отношения. Потому что сегодня у нас государство, простите, как говорится, «во все дырки суется». И несет огромные расходы там, где не должно нести.

Но я понимаю, что это такой период у нас. Мы никак не можем нащупать правильную экономическую модель. Она, на мой взгляд, рано или поздно все-таки кристаллизуется в сочетании экономического либерализма и плановой, но очень гибкой и продуманной государственной политики. А наши либералы, к сожалению, пока твердят, что нужно «все отпустить» и делать как на Западе. А я говорю, что это невозможно, поскольку Россия даже в силу своего климатического положения не выдержит свободной конкуренции. Как ни крути, государству у нас должна быть отведена большая роль.

Так что в ответ на ваш вопрос, вообще в ответ на чью-либо тревогу по поводу неконкурентоспособности нашей экономики на мировом

рынке так скажу. Мы вполне можем быть конкурентоспособны, несмотря на наше северное положение. Просто бóльшая стоимость нашей продукции всегда должна частично компенсироваться государством. Благодаря новейшим технологиям сегодня это далеко не запредельные суммы.

Я даже не исключаю, что какие-то госкорпорации могут вывести свои производства из нашей страны (что вовсю практикуют западные страны). Перенести их туда, где производство экономичнее, энергономичнее. Да, это даст занятость населению другой страны, не нашей, но производство будет развиваться наше, прибыль будем получать соответственно мы же, и очень динамично будет пополняться наш бюджет (за исключением какой-то доли налогов, которые придется оставить на территории какого-то южного государства). Почему бы нет?

В общем, так или иначе, наше государство обязано участвовать в перераспределении национальных богатств, помогать предприятиям и стимулировать – где-то экономическими, а где-то и протекционистскими методами – внутренний и внешний рынки.

Возможно ли опять «всё поделить»?

М. К.: Наверное, действительно, так и должно быть. А вот этот пример действий власти – он тоже из категории, как вы говорите, «перераспределения» национальных богатств? Не так давно, в июле 2018-го, власть решилась все-таки повысить налоговое бремя на «национальную буржуазию» в лице крупных собственников, а именно представителей металлургической, химической отраслей и тому подобное. Но как же они возмутились!

К. Ш.: И правильно возмутились. Этот шаг мог бы привести к худшим последствиям. Я повторяю, у нас правильный баланс еще не найден. Сегодня «колебание умов, ни в чем не твердых» приводит к тому, что даже предлагают, как в 1917-м, всё национализировать. На предвыборных дебатах это неоднократно звучало от представителей обеих компартий. Но как ты национализируешь? Ну, заберешь ты Лукойл, уберешь Алекперова. Поставишь своего директора. И что будет? Чудовищное воровство начнется. И самое главное, еще неизвестно, будет ли предприятие работать.

А с другой стороны, за то время, что Путин у власти, в России развились мощнейшие компании. Вот я побывал как-то в Череповце у Мордашова. Это просто гигантское предприятие – второй по величине сталелитейный комбинат России! Ну заберешь ты его, скажешь – всё, не нужен нам Мордашов. Давай обратно государству, назначим директора, какие проблемы? И всё может начать рушиться. А это тысячи безработных, это удар по ВПК, это невыплата налогов в бюджет государства и так далее.

А что делать с пакетами акций, приобретенными Мордашовым как владельцем «Северстали» или владельцами других крупных предприятий в зарубежных добывающих компаниях? Как все это юридически обосновать? Как объяснить зарубежным партнерам? Нельзя забывать, что все эти сделки, все эти слияния и поглощения, которые проводились за довольно продолжительный период, имеют самое прямое отношение к жизнеспособности предприятий. Как ни крути, все эти акционерные предприятия, в которые превратились советские мощно-

сти, – уже часть сложившейся рыночной экономики. Причем не только нашей, а и мировой. И ты с ней не можешь так волюнтаристски обращаться.

М. К.: Да, здесь едва ли будет уместен «рецепт Шарикова» – всё отнять и поделить. Но вы только что сами говорили о необходимости государственного регулирования в распределении национальных богатств. Почему бы не использовать как один из инструментов этого распределения налоговую систему? Или вот еще такой есть инструмент – участие в этих предприятиях государства как акционера с приличным количеством акций. Тогда и рыночная экономика не рухнет, и «социальная справедливость» подтянется.

К. Ш.: Конечно, здесь весь ассортимент инструментов необходим – как экономических, так и юридических и административных. У государства есть много способов пополнения бюджета. Но я говорю сейчас о том, что любой шаг в этом направлении должен делаться с великой осторожностью. Десять раз нужно подумать – стоит ли повышать налоговое бремя на предприятие, которое вкладывает свою прибыль в расширение производства, в создание новых рабочих мест? В покупку необходимых им месторождений железной руды где-нибудь в Австралии (да-да, сегодня уже и такое бывает!)

Даже если на этих предприятиях, действительно, имеются так называемые сверхдоходы… Если они легальные, почему их должны забрать? Тогда люди будут деньги прятать. Значит, этот метод тоже не работает. Я двадцать лет руковожу студией и знаю: во всем у человека должен быть интерес.

М. К.: Но вы же именно как производственник, наверное, знаете – если интересы ваших сотрудников не контролировать, они могут перерасти в аппетиты глобальных масштабов. А это может потопить любой самый прекрасный проект. Вот смотрите: сегодня не более 20% ресурсов России находится в руках государства, 80% – в частных руках. К этому привели залоговые аукционы девяностых. Как на эти 20% можно содержать и развивать оборонку, развивать наши огромные территории, иметь достойные образование, медицину, социальную сферу – и вообще становиться «империей»?

К. Ш.: Ну хорошо, ты завтра скажешь – возвращайте в казну сверхдоходы! Неужели непонятно, что после этого у нас случится? Они закроют предприятия и вообще все капиталы из страны выведут. И у тебя рубль рухнет, экономика остановится!

Нет, это очень сложный вопрос. Мы вступили в систему рыночной экономики. Будешь рубить по ней, и она по тебе рубанет. Я в этом плане как раз рыночник и, возможно, даже больший либерал, чем наши либералы. (Просто дело в том, что у нас либералы сегодня – не либералы вовсе, они западники, чистое наследие компрадорской буржуазии, мы об этом говорили.) Но я также до сих пор – советский человек. Считаю, что советский период очень много дал стране. Создал инфраструктуру, ГОЭЛРО, промышленность, дороги… Он превратил аграрную страну в индустриальную – но для этого он использовал совсем другую систему экономических взаимоотношений. Эта система была во многом принудительная, но сейчас совсем другой этап.

Советская система по сути своей не могла быть плотно встроена в систему мировой экономики. В частности, она не смогла создать нормальную инфраструктуру потребления. Поэтому и в магазинах не было ничего. Сегодня создана инфраструктура потребления, мы перешли

на сторону рынка. Сегодня куда ни поедешь – огромные торговые центры. Это же все надо было построить. Более того, надо было наладить логистику. Сейчас всё прямо на дом доставляется, то есть всё привозится с тех или иных предприятий. Все размещается на сайтах, все упаковывается, загружается… Это гигантская вообще экономика. Ее надо было еще суметь создать. И это, в общем-то, за очень короткий период было создано. Но это могла создать только рыночная экономика. Конечно, я всегда говорил, строили ее не челюскинцы. Это совсем другой тип людей. Это не те люди, которые с флагами будут на Северный полюс идти, строить Комсомольск-на-Амуре. Те люди были воспитаны советской системой. А эти рождены совсем другим положением вещей.

Но если ты начнешь снова душить их, завинчивать гайки, у тебя все это может рухнуть. У тебя снова выстроятся очереди. И начнется то, через что прошел когда-то Сальвадор Альенде.

Культура и кино в отсутствие идеологии

М. К.: Все правильно, но где тогда государству найти деньги на «империю»? Взять то же кино. Вы сами не раз говорили о том, какой рывок совершил наш кинематограф в 60-е, 70-е годы, сколько шедевров тогда появилось. Сколько было открыто великих имен. Если при Сталине снималось около 15 фильмов в год, то в последующий период стало сниматься на порядок больше. Почему произошел такой прорыв? Да просто государство очень значительно увеличило вложения в кинематограф. У него нашлись для этого и воля, и ресурсы.

К. Ш.: На мой взгляд, кино – совсем неподходящий аргумент. Я считаю, сегодня кино вообще нужно переводить на рыночные отношения. Считаю, что всё то, что мы делаем сегодня в культуре, в сущности, бессмысленно. У нас в итоге – ни то ни сё: не советская методика в культуре, и не западная. Только понапрасну вбухиваем деньги. Результат, на мой взгляд, очень незначительный.

350 американских фильмов в том году было в нашем прокате. Вот результат! А российских, если посчитать всерьез, абстрагировавшись от шумихи, которую вокруг них устраивали, – не более 15–20. Зайди в любой кинотеатр и ты увидишь – там идут американские фильмы.

При этом хоть у нас сегодня рынок, в киноиндустрии – отношения совсем не рыночные. Даже в советской системе они были более правильные с точки зрения заинтересованности создателей кино в результате. Тогда тебе давали деньги на кино, потом смотрели, какое кино у тебя получилось снять, и присваивали фильму ту или иную категорию. В зависимости от категории с тобой расплачивались. Потом смотрели на прокат, и по результатам проката ты получал премиальные либо не получал. Так или иначе, это мотивировало. Ну а что сейчас? Если тебе дают деньги на кино, так тебе еще и отдают прокат. Вообще бредятина. Если в советской системе ты для государства делал фильм за определенные деньги, то государство, само собой, это кино у тебя забирало. А сейчас тебе еще и фильм отдают. То есть в принципе, какая мотивация у тебя выложиться для искусства, для зрителя? (Я только о финансовой стороне дела сейчас говорю.) Ты что-то свободно себе «назначаешь» с бюджета, который тебе государство выделило. А дальше с этого фильма, который уже твой навсегда, ты всегда что-то срубишь. Даже если прокатная судьба этого фильма будет незавидной (а это очень вероятно

при таком прессинге американского кино), ты будешь продавать показы помаленьку на телеканалы… Совершенно бессмысленная схема.

Но в чем причина этого? Да очень просто. В СССР культура нужна была. Культура была инструментом борьбы. Сегодня же, по сути, она не нужна. Для власти сегодня культура имеет смысл только в том случае, если власть понимает, как «деятели культуры» будут голосовать. Выступят они в нужный момент за эту власть или выступят против? То есть в запуске кинопроектов (и проектов в других сферах искусства и вообще культуры) есть элемент, скажем так, покупки. Просто тех или иных «деятелей культуры» надо покупать, чтобы они там особо не «выступали».

М. К.: То есть если раньше мы воспитывали «советского человека», то…

К. Ш.: То сейчас у нас вообще нет задачи воспитывать. У нас вообще никакой задачи нет. Но государство дает деньги. *(Смеется.)*

При этом в основном у нас «деятели культуры» сегодня – прозападные. Но, поскольку они время от времени «питаются» все-таки отсюда, хотя бы молчат. Или не всё говорят, что могли бы. Кстати, этот элемент покупки «деятелей культуры», в общем-то, существовал всегда. И Сталин покупал писателей и режиссеров – причем не скрывал этого. У него деятели культуры получали очень большие деньги. В сравнении с оплатой других профессий – просто огромные.

В 70–80-е, когда я пришел в кино, это уже прекратилось. Деятели культуры и кино тогда уже гораздо меньше зарабатывали. Вот и пошло «диссидентство», начались все эти отъезды за границу. В итоге в этой борьбе идеологий так называемая творческая интеллигенция большую роль сыграла. И произошло это во многом потому, что ее перестали покупать. То есть покупали, разумеется, но мало. Там, куда они уезжали, им предлагали больше.

В этом плане Сталин оказался весьма дальновидным политиком. При нем были созданы все эти системы творческих союзов. Со всевозможными льготами, домами отдыха, распределителями дефицита. Союз кинематографистов даже раздавал автомобили. Не говоря уже о квартирах и дачах.

Все это было заложено при Сталине. И, в принципе, сегодня эта идея снова начинает витать в воздухе: мол, надо бы относиться к художникам именно так. Но, с другой стороны, Сталин немало требовал за это. Художники должны были не просто быть лояльны к советской власти (я думаю, большинство из них и в то время были не очень лояльны), а чтобы еще и работали на власть, на идею. Сегодняшняя власть этого не требует. Она только покупает.

М. К.: То есть получается, что нынешние деятели культуры – это «двойные агенты». Они и дома «лояльны» (и за это что-то получают), и из-за кордона им кое-что перепадает за специфический реализм в изображении «имперской действительности».

К. Ш.: Совершенно верно. Но в целом сегодняшние взаимоотношения власти с культурой совершенно непонятны. С одной стороны, власть хочет, чтобы культура была лояльна к ней. Пускай даже не агитирует за, главное, чтобы не выступала резко против. Ну, конечно, есть и отщепенцы, какой-нибудь Акунин. Хотя в целом это удается – культурно лояльна.

Но с другой стороны – власть не требует, чтобы культура работала на страну! Поэтому у нас и полный кавардак в культуре.

М. К.: На мой взгляд, это не кавардак называется. Если в кинокартине о советской космонавтике нам демонстрируется Байконур в грязи, рядом бараки, бывший лагерь зэков. И первые космонавты, в скафандрах, егозят по этой слякоти между бараками на велосипедах… Это ну о-о-очень внятная метафора. И цель ее очень ясна. На это отпущены государственные деньги.

К. Ш.: Цель этой картины проще, чем вы думаете, – это западные фестивали. Этот деятель работает туда. И совершенно предсказуемо собирает урожай премий на Западе. Проблема в том, что это ему позволяют *здесь*. Выдавая государственные деньги, здесь с него ничего абсолютно не требуют.

М. К.:. Но почему?!

К. Ш.: Я не знаю. Потому что нет идеи. Никакой идеи нет. И это проблема современной России. Какая у современной России идея?.. Сейчас как будто что-то начинает складываться – на фоне столь явной конфронтации с Западом. Но культурная элита до сих пор не может поверить в то, что эта конфронтация серьезна. Да и правящий класс до сих пор надеется, что всё это как-то рассосется. Они еще не верят, что грядет новая холодная война, по крайней мере что эта война будет бескомпромиссна, жестока и решительна, «до победного конца». Они до сих пор, на мой взгляд, не вполне представляют, какого напряжения сил эта борьба потребует…

Внешняя угроза

К. Ш.: …При этом мы знаем, что идея борьбы с внешней угрозой всегда объединяет. Это уже какая-то идея. Но дело все в том, что наша власть боится такую идею озвучить и перед страной поставить соответствующие задачи. Власть еще надеется, что все это как-то удастся разрулить.

Прямо скажем, власть у нас сама еще очень прозападная. Это и проблема нашей молодой национальной буржуазии, чьи интересы, как мы говорили, выражает Путин. Иными словами, проблема российской национальной буржуазии в том, что она еще очень труслива. Она не готова к серьезной борьбе.

В 90-е и нулевые она больше всего не хотела, чтобы сюда совсем уж влезли западные коммерсанты и всё отжали у нее. Ведь к этому дело-то шло. Чувствовалось, что Запад может отжать вообще всё. Эта опасность, на мой взгляд, была во многом преодолена – наши получили свой кусок. Но сегодня, когда им пришлось углубить конфронтацию с Западом, оказалось, что они абсолютно не просчитали реакцию Запада. Не подумали о том, что Запад не прощает подобных вещей. Хотя его логика, в общем, проста: «Ребята, вы захотели у себя капитализма? Ну простите, тогда давайте уже по-серьезному. Капитализм – это война интересов». И Запад серьезно настроен. Особенно их, как говорится, тепловоз – в виде Соединенных Штатов.

М. К.: Запад и его капитализм – это, прежде всего право сильного. Поэтому, если он чувствует себя сильнее, он будет додавливать. Как можно этого не понимать?

К. Ш.: Иллюзии – очень живучая субстанция. Наша национальная буржуазия до сих пор живет иллюзиями о том, что «Мы с вами вместе!», «Мы – такие же как вы!» и тому подобное. А те говорят: «Нет,

вы не такие же, как мы. Вы должны сидеть в своем тамбуре вон в том углу».

Вот в чем суть произошедшего.

«Мюнхенская речь» Владимира Владимировича 2007 года – уже очень показательна в этом аспекте. Ведь к чему сводился ее смысл? – Ребята, мы же вроде всё вместе делаем, а вы нас загоняете в угол. Зачем вы это делаете? Это же нечестно.

«Мюнхенская речь» выражала разочарование нашей национальной буржуазии и была ее первым публичным обращением к Западу, который еще обладал на ту пору для нас моральным авторитетом. А те ответили: нет никаких «мы», нет никаких «вместе», и нам этих вещей совершенно не надо, поскольку «каждому свое», вот и у вас – свое, вам отведенное место.

Для наших это было неожиданно. Это застало их врасплох.

Но, в моем понимании, этот процесс так или иначе совпадает с интересами российской нации. Потому что, если бы этого открытого конфликта не произошло, они бы помаленьку нас сожрали. С потрохами. Да-да, если бы не было этих санкций, этого скандального противоборства на протяжении пяти лет, они бы уже растворили нас в себе.

Санкции, бесспорно, явились благом для нас. Хотя бы потому, что наша национальная буржуазия совершенно была не готова к такому уровню конфронтации. Она и не ждала, и не хотела такого градуса противоборства. А теперь, извините, приходится работать в тех условиях, которые за эти несколько лет созданы. Приходится, хочешь не хочешь, что-то со своей страной делать.

М. К.: То есть получается, что санкции – ошибка Запада?

К. Ш.: Да, это их ошибка. Это, наверное, Бог нам помог. Я ж говорю, Бог всем рулит!

Если бы всё продолжалось в том же духе, за эти пять лет, думаю, мы до конца превратились бы в колонию. И уже ничего нельзя было бы изменить. Сами мы переломить этот «естественный ход» нашей истории уже не могли. Нам не хватало воли, стимула, идеи… А они своими санкциями будто вывели нас из летаргического сна. Они заставили наше правительство и нашу буржуазию работать.

М. К.: Но эта конфронтация еще далеко не закончена. Они же давят все сильнее и сильнее. С прошлого лета это уже колоссальный прессинг, настоящая экономическая война. Может быть, это со временем потребует вообще напряжения всех сил государства?

К. Ш.: Может быть, и потребует. Я думаю – и у нашего государства, и у нашего народа есть еще немалые резервы. Но гораздо интереснее, что это может потребовать и серьезной смены вектора. Уже сегодня однозначно требуется смена большой части бюрократии, поскольку сегодня это не та бюрократия, которая может сражаться с Западом. Это совершенно не те люди. То есть среди них имеются отдельные типажи, которые способны на многое. Но в целом, по своему классу, совершенно другая элита нужна.

М. К.: А где же ее взять? Впрочем, чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала понять – эта нынешняя элита откуда? Где находится нынешняя «кузница кадров»? Раньше, у государя-императора, это было дворянство. Он оттуда черпал кадры. У Советского Союза была партия. А сегодня что это? «Единая Россия»? Народный фронт? Отчасти мы эту тему уже начали затрагивать.

«Кадры решают всё», или Симфония императоров. Батый. Сталин. Мао

К. Ш.: К сожалению, «Единая Россия» явно не может с подобными задачами справиться. Разумеется, это должна быть достаточно свободная партия. И уж конечно, не столь забюрократизированная, как «Единая Россия». Но, как я уже говорил, в этом проблема Владимира Владимировича. Воссоздавая государство, он создал эту бюрократическую систему. Но она же сегодня и подрезает крылья многим его начинаниям. А сама при этом склонна выдвигать такие непопулярные инициативы, как проведение пенсионной реформы, – не отличающиеся ни интеллектуальной проработкой, ни заботой о людях.

М. К.: Отличающиеся полнейшим отсутствием кругозора. Не только политического, но и экономического. Эта реформа просчитывается так, будто один фрагмент экономики, которым сегодня дает пополнение пенсионного фонда, вообще никак не может быть связан с другими. Как будто он – отдельное государство. По-моему, такой тупой линейности, похожей на чью-то единственную извилину, нет в экономике ни одного развитого государства.

К. Ш.: Это проблема нынешней номенклатуры. Судя по всему, уже и Путин ей не очень доверяет. Но где взять другую? В этом вся проблема.

Вот все говорят, что Сталин – деспот, Сталин – император, но в действительности и власть Сталина была не беспредельной. Была партия, с которой он был вынужден считаться. Но ты правильно сказал, что партия была и тем ресурсом, откуда Сталин черпал кадры. Эта схема была очень эффективна до тех пор, пока при Брежневе партию не превратили в формальность. Тогда всё перестало работать. Но этот процесс тоже был неизбежен, так как у Сталина была своеобразная система ротации. Он сажал. Срезал ту часть, которая, став бюрократией, начинала «подсыхать»…

М. К.: Или срастаться с другими ветвями «народного хозяйства».

К. Ш.: В общем, переставала его устраивать, так или иначе. Шел постоянный процесс обновления. С мест приходили рабочие, крестьяне, интеллигенция – и власть укреплялась новыми и очень идейными людьми. Кстати, то же самое и Мао Цзэдун делал под именем «культурной революции» в 1966–1976 годах. Может быть, если бы он ее не сделал, современного Китая не было бы. Но тогда его все осуждали (и даже у нас!) – ведь Мао Цзэдун делал по-сталински это.

Мао взял и срезал тот слой, который потом мог стать компрадорской буржуазией. Ведь, будем говорить честно, всегда возникает какой-то слой партии, номенклатуры, производственного руководства, который достаточно быстро обуржуазивается. Мао вовремя почувствовал, что именно это происходит с китайской компартией, и придумал эту «культурную революцию».

Конечно же, довольно жестоко он все это проделал. Уничтожил физически всю политическую оппозицию и создал новый управленческий класс, на котором, на мой взгляд, Китай до сих пор держится. Поскольку компартия там сохранила свое – как это в советское время называли – «здоровое неревизионистское начало». Но и у них, конечно же, со временем проблемы будут.

Подобные системы могут эффективно развиваться только при отлаженном репрессивном аппарате. А убираешь его – и что происходит?

Громыко – в течение 30 лет министр иностранных дел, в 79 лет – председатель Президиума Верховного Совета СССР. Косыгин – председатель Совета министров до 76 лет, до смерти. Устинов до 76 лет – министр обороны. А уж Брежнев, Черненко…

М. К.: Я недавно прочел книжку Святослава Рыбаса о Сталине, которая вышла в серии «ЖЗЛ». И вот Рыбас пишет о том, что в советских регионах именно в результате индустриализации началось сращивание интересов партийных начальников с интересами руководителей промышленных объектов. В числе прочего они уже в середине 30-х почувствовали, что в их руках сосредоточены огромная власть и колоссальные финансы. И они начали давить на Сталина… В итоге они захотели его реально снести на каком-то съезде. И сообща разработать какую-то иную систему хозяйствования. Что это было бы в случае их победы – сегодня тайна за семью печатями. Но Сталин вовремя просёк эти «тенденции», так скажем.

К. Ш.: Я эту книгу читал, очень хорошая. И никакой тайны, конечно же, нет в том, что произошло бы в стране, если бы Сталин не удержал власть. Вот только вопрос – война в этом случае была бы выиграна? При всей жестокости сталинской системы она работала. Но для нее нужна была фигура Сталина, который был личностью сверхэкстраординарной. Такие фигуры появляются раз в сто, а то и в двести лет. Потому и получилось так, что потом пришли более слабые лидеры – Хрущев, после – Брежнев (Сталин, в сущности, зачистил поле). Брежнев был, конечно, неплохой человек. Потом Андропов – и он был выдающейся личностью, бесспорно. Но всё это были птицы не того полета.

М. К.: На мой взгляд, необходимые кадры найдутся всегда – но только в том случае, когда мы точно понимаем, для чего они нужны. То есть: что мы строим? И Ленин, и Сталин, и даже Хрущев хорошо понимали, какое государство и какое общество они хотят создать. В Российской империи, когда образовывался класс дворянства, Петр Первый и Екатерина Великая прекрасно понимали – какие задачи с помощью этого класса им надо решить. То есть сначала – задачи, потом – класс. Не наоборот. А сегодня кто-нибудь скажет, что мы строим? Монархию? – нет. Демократическую республику? – нет. Грубо говоря, просто «капитализм»? – Думаю, если даже Путина спросить так, он односложно не ответит. Не скажет «да» или «нет». А мы услышим некое рассуждение, в меру обтекаемое, в меру конкретное. «Социализм»? – Тут ясно, нет. «Социальное государство»? – Хотелось бы сказать «да», но почему тогда эти малюсенькие зарплаты и пенсии в регионах? Почему пенсионная реформа? (В столь богатой ресурсами и малонаселенной, по сути, стране.)

К. Ш.: На мой взгляд (и я всегда говорил), Россия – империя по своей природе. Может быть, мы сами этого еще не понимаем. Может быть, и Путин не понимает еще до конца… Но, что ни говори, Россия во все века выстраивалась и двигалась как империя. Отсюда и все взаимоотношения народа и власти. Нужно для империи крепостное право? – вот вам крепостное право. Значит, оно будет. Необходимо служилое дворянство – набирается служилое дворянство. Если для того, чтобы империя получила абсолютное самодержавие плюс вотчинные земли, надо рубить боярам головы – значит, и Иван Грозный, и Петр Первый будут рубить боярам головы. Если для империи нужна индустрия и класс «колхозного крестьянства», значит, будет этот класс. Вообще мне кажется – у нас первична имперская идея, а все остальное – классы,

сословия – встраивается в эту имперскую систему. Приобретает в ней некие функции. Это парадоксально, но это так.

Поэтому у нас, как ни крути, кто ни приходит – царь, председатель Совнаркома, генсек или президент, – это все равно император. Подсознательно Путин, видимо, это понимает. Я вот бывал на его инаугурациях... Ведь это при нем начались столь роскошные, величественные инаугурации! По духу они совершенно имперские. Кто-то может даже сказать, что это чересчур. Но для империи нужны символы. Ей как воздух необходимы подобные торжества.

Вообще Россия, на мой взгляд, единственная из империй, которая осталась империей в ее изначальном понимании. Все остальные ушли. Китай считается империй, но это очень относительно, у нее другой характер. А Россия – империя классическая во всех проявлениях. И она сохраняет это.

М. К.: Поразительно, что она изначально возникла как империя! Еще до принятия христианства, в X веке, первые русские князья вещий Олег и Святослав очертили свои земли от Балтики до Черного и Азовского морей по вертикали и от Карпат до низовий Волги по горизонтали.

К. Ш.: Не соглашусь. Я в этом смысле – гумилевец и считаю, что первооснову Российской империи заложили монголы. Русские были частью их империи, спокойно платили налоги (дань так называемая), русские полки воевали на стороны Орды во многих походах. Но долго это продолжаться не могло: нетитульный народ будет чем-то всегда недоволен, это вполне понятно. И как только монгольская империя ослабла, стала рассыпаться, Русь отъединилась, а со временем заняла ее место.

То есть первая евразийская империя, созданная монголами, продолжила свое существование уже как империя Российская. Понятно, сначала – Московское царство, которое уже было имперским образованием по сути своей, а затем – когда оно в XVIII и XIX веках максимально продвинулось на юг и восток – стало великой империей и по своему состоянию, и по названию.

М. К.: Но в отличие от других империй, той же монгольской, византийской или британской, у которых совершенно отчетливо прослеживаются периоды – скажем, период основания, период расцвета, период упадка и исчезновения, – Российская империя все время изумляет тем, что она после своих упадка и исчезновения опять возрождается. Восстает как Феникс из пепла. После Смуты XVII века возродились, хоть половина территорий на долгие десятилетия осталась под Польшей и Швецией, но в течение ста лет снова всё вернули. После катастрофы 1917 года возродились. Да если и поглубже копнуть – в древности, после монголов, тоже возродились, хоть вы считаете, что они-то нас и создали. Я так всё же не считаю: государство Святослава, Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого – это уже Русь самодержавная. И она прирастала территориями с такой скоростью, как никакая Византия.

К. Ш.: Но это было скорее освоение территорий, а не поглощение других государств. Поэтому территории и заселялись практически однородным славянским этносом. Там, конечно, были еще финно-угры, у которых государственность была совсем в зачатке. Они частично ославянивались, частично отходили вдаль – в леса. Но это были еще не вполне те процессы, которые характеризуют возникновение империи. И княжеская власть – это еще не императорская, даже не царская. Неслучайно та единая, действительно очень большая по территории Русь

так легко распалась на отдельные княжества. Началась феодальная раздробленность, в силу которой эти русские княжества и были вынуждены подчиниться монголам. И очень многому, кстати, у них научились – в том числе и государственному строительству.

Непредсказуемость

М. К.: Получается – чем лучше нам врезать, тем быстрее учимся, как снова стать великими? Поэтому снова и снова восстаем?

К. Ш.: Но это пока мы восстаем. Мы не знаем, к сожалению, как дальше всё сложится. Центробежные процессы еще далеко не остановлены. Россия уменьшается. Если ты посмотришь на нее в пространстве 150 лет – увидишь, что империя, конечно, уменьшается. Отсюда и возникают нехорошие мысли у тебя и у меня – не признак ли это полного распада? Устаканится ли наша территория сегодня или это расползание будет и дальше идти?

Кстати, к этому прежде всего прислушиваются на Западе. Они именно так историческое движение нашей страны и склонны воспринимать. Поэтому там и считают, что надо дожимать. Мол, русские еще там трепыхаются, этот Путин сумел затормозить центробежные процессы. Но в принципе – там полагают – исторический процесс необратим. А значит, можно его где-то и ускорить – тут нажать, там нажать. И, к сожалению, они могут в этом оказаться правы. Никто не знает этого. Все в руках Бога.

Другое дело, что и они тоже гикнутся. Вот чего они до конца не понимают – того, что если российская империя падет, для них это тоже конец.

М. К.: Чтобы это понять, надо, наверное, прежде всего ощущать Россию как метафизическое образование. А с такими ощущениями, по-моему, у них там туго.

К. Ш.: В этом смысле они и себя не понимают. Не понимают роли и значения той системы, которая условно называется сейчас «Западный мир». Поэтому едва ли смогут спастись сами от полного обрушения. Они уже сегодня идут к этому. А если мы исчезнем, их ничто не остановит перед краем пропасти.

Ведь если тот же Запад рассмотреть в пространстве 150 лет, то совершенно очевидна деградация. Даже с точки зрения чисто территориальной. Западом была Британская империя. С некоторым добавлением испанцев, французов и немцев этот Запад контролировал практически всю планету. И что сейчас? Западный мир потерял свое владычество. Великобритания, Франция, Германия, Испания, по сути, стали региональными странами.

Недавно я прочел одну книжку Нила Фергюсона, британского историка и писателя, известного своими империалистическими взглядами. Фергюсон – такой апологет Запада, он резко отрицательно относится к российской власти во главе с Путиным, сравнивает современную Россию с веймарской Германией, поэтому у нас эта книжка не переведена, но я читаю по-английски, так что прочел с интересом. Так вот, Фергюсон там говорит о том, что западная цивилизация исчезает. Поэтому, строго говоря, очень актуален вопрос – кто первый? Россия или Запад? Поскольку процессы распада протекают у нас и у них одновременно.

С другой стороны, можно говорить, что мы тоже часть Запада (если рассматривать Запад как глобальную цивилизацию). Потому что в наших корнях мы едины. В большой степени и в нашей культуре. Думаю, мы с полным правом можем считать себя частью Запада, пусть и непризнанной самим Западом частью. (Что ж поделаешь, если Запад все время от нас дистанцируется, при этом пытается то захватить нас, то заблокировать, то «починить».) Но в целом можно говорить, что вообще наша общая планида идет к увяданию.

Хотя, если честно, в истории невозможно, на мой взгляд, что-либо предугадать. Хоть я и участвую в политических ток-шоу, изучаю аргументы западных историков, но при этом никогда не забываю о такой парадоксальной вещи, что ни одно вообще историческое событие не было предсказано. Такой уж великий драматург там, наверху, эти сценарии пишет…

Это потом, когда происходит нечто выдающееся, все хватаются за голову и говорят: ну, конечно, так и должно было быть! Находится тысяча причин. Это все оказывается объективным процессом. Кто-то вспоминает, что «все это» предсказывал, предупреждал… Но в действительности масштабов событий предугадать невозможно. Мы обо всем практически постфактум уже говорим.

Разве накануне Второй мировой войны кто-либо мог себе представить чудовищные масштабы событий, которые сотрясали восточную часть Европы на протяжении четырех лет?

Это только сейчас всё и всем понятно: ну конечно, это ж Гитлер. Чего еще от него можно было ожидать. Говорят, что Сталин знал о начале войны, что все абсолютно продумал – и партизанское движение в тылу у Гитлера, и «глубоко эшелонированную оборону», и эвакуацию заводов в тыл. Но, я думаю, он до последнего надеялся, что войны не будет.

Но все мы смотрим уже, как говорится, с высоты определенного опыта. При этом забывая о том, что каждый опыт, по сути своей, уникален. А может, завтра будет война? Я тебя уверяю, что потом все скажут: ну это же было очевидно. «Все к этому шло». Но на данный момент никто не верит в то, что может быть война. А на самом деле она может быть. И может принять масштабы совершенно апокалиптические. И потом историки (если, конечно, кто-то вообще останется в живых) будут говорить, что действительно, если проанализировать ситуацию объективно, все к этому шло. Что это было просто очевидно.

Но разве мы сегодня живем с этой мыслью? Нет. Я уверен, что с этой мыслью не живут ни Путин, ни Трамп. Вообще никто из политических лидеров. И я думаю, что примерно то же самое было и до войны…

История управляется какими-то силами помимо нашей воли. По большому счету, когда мы живем здесь и сегодня, нам вообще все это кажется хаосом. Вокруг нас в непредсказуемой последовательности ежедневно принимаются тысячи решений – политических, экономических, военных. Мы, в свою очередь, что-то поддерживаем, чему-то пытаемся противостоять, многое просто комментируем, еще большего даже не знаем. И все это – ткань сиюминутный политики. И в ней как будто вообще не прослеживается перспектива, всё это для нас – как броуновское движение, пока не выливается в какие-то глобальные перемены. И тогда задним числом все моментально умнеют: ну это же все было очевидно. Так и должно было случиться.

Политика и человек искусства

М. К.: Но если все мировые события непредсказуемы, то политология вообще лишена смысла? Почему тогда такие рейтинги у политических ток-шоу? Без ложной скромности признайте, что вы входите в число тех, кто обеспечивает эти рейтинги. В студиях ток-шоу вы не менее на своем месте, чем на съемочной площадке или в должности руководителя киноконцерна «Мосфильм». Поэтому как-то не верится, что всё это для вас пустое.

К. Ш.: Конечно же, всё это для меня отнюдь не лишено смысла. Я же говорил, что старался беспристрастно и объективно взглянуть на мировые процессы, я переживаю за свою страну. И потом, даже осознавая всю непредсказуемость исторических событий, мы все равно стараемся уловить что-то. Хотя бы в обозримом будущем.

Поэтому люди (и я в том числе, я же вообще вырос в семье политолога) охотно размышляют на политические темы. И хотя наши прогнозы редко сбываются, сами эти обсуждения, открытое высказывание противоположных мнений, на мой взгляд, очень полезны для общества.

М. К.: Странно только то, что в нашей стране (кстати, в отличие от многих других стран) даже люди искусства – и мой собеседник здесь не исключение – мыслят в области политики куда более ясно и здраво, чем по меньшей мере половина приглашаемых на эти ток-шоу профи. А ведь это, в общем-то, всё специально обученные люди – экономисты, политологи, чиновники… Только почему-то, уже по ходу этих телепередач, я понимаю, что доверять прогнозам большинства из них – просто опасно для жизни.

К. Ш.: Поскольку, как я уже говорил, прогнозы дело вообще неблагодарное, даже на этих ток-шоу они звучат довольно редко. А что касается того, почему высказывания «людей искусства», как вы говорите, порой более здравы, то причины этого, мне думается, вполне объективны. Когда я рассматриваю какое-то явление, я прежде пытаюсь взглянуть на него в том пространстве, где все взаимосвязано со всем. Это особенность именно художественного взгляда. Я не хочу преувеличивать и свои заслуги как художника киноискусства, но все равно у меня взгляд художественный.

Вообще, мне кажется, если вы хотите получить какие-то свежие наблюдения и даже прогнозы, то надо обращаться не к политологам и не к ученым, а к художникам. Как ни странно, художники больше способны на это. Порою даже не особенно известные. Просто у них взгляд совсем другой. Строго говоря, в произведениях художника, который даже и не собирается делать прогнозы, можем нащупать такие вещи, которые в ежедневной суете нам трудно почувствовать.

Я, например, всегда, наблюдая политиков, исхожу из своего опыта (да и из человеческого опыта в целом). Другими словами, я смотрю на людей политики как на людей. Здесь сказывается моя профессия: ведь собственно задача художника – исследовать человека. Я прежде всего именно этим занимаюсь. И когда я пытаюсь анализировать решения исторических личностей, я припоминаю себя или своих знакомых в аналогичных ситуациях. Ведь, если ты знаешь, как человек ведет себя на коммунальной кухне, будь уверен – его природа та же самая и в переговорах в каком-нибудь Кэмп-Дэвиде. Ведь природа человека всюду одинакова.

А политологи пытаются мыслить какими-то политическими движениями, статистическими данными, заявлениями, нотами. Конечно, это тоже важно. Но, пренебрегая человеческим, политолог незаметно для себя приходит к тому, что оперирует сиюминутным положением вещей. Начинает рассматривать проблему в радиусе последней недели. Иногда присовокупляя к этому прошлое. Зачастую, в общем-то, это и есть его задача, он и должен анализировать сиюминутную политику. А вот художник, даже поневоле, в силу своих навыков это делает на пространстве более расширенном. То есть он невольно мыслит в многомерном историческом пространстве.

Художник так устроен, что – просто глядя в окно – он нащупывает более точные жизненные аналогии, чем политолог. И это порою приводит к необыкновенным прозрениям. Мне кажется, это даже не какой-то особенный дар человека. Просто это некий метод, которым человек с юных лет, занимаясь тем или иным искусством, овладевает. Это что-то чисто профессиональное.

М. К.: А как же та распространенная мифологема, что художник – ну, скажем, какой-то частью своего существа – способен подключаться к Божьему промыслу? И таким образом он что-то прозревает…

К. Ш. *(смеясь)*: Ну, это слишком смелые предположения. А вот что я могу сказать абсолютно точно. Когда раз я размышляю о каких-то событиях, я все время пытаюсь поставить себя на место того или иного политика в данной ситуации. Понять, чем он руководствуется. По сути, это все равно что в кино ты разбираешь сцену. Стараешься понять, как персонаж должен верно себя вести. Какова его главная мотивация? О чем он мечтает? Чего он боится?

Чтобы точно и естественно выстроить сцену, тебе важно все это понять и прочувствовать. Попытаться самому стать этим персонажем. И не только им одним. Каждый раз тебе нужно выстроить взаимоотношения между всеми героями пьесы или сценария.

В принципе, оценивая политическую ситуацию, я делаю то же самое. Причем совершенно непроизвольно – видимо, у меня это уже чисто профессиональное. То есть я пытаюсь при анализе встречи Путина с Трампом стать Трампом. Или стать Путиным. Пытаюсь понять, какие там – за этими улыбками и рукопожатиями – реальные мотивы. То же самое, если бы я разводил на площадке мизансцену. Чтобы понять, как верно должно идти действие, я должен чувствовать и какие ближайшие цели ставят герои перед собой, и какие у них сверхзадачи.

Но повторяю – все это не отменяет политологию, поскольку у нее несколько иные задачи. К сожалению, более локальные, сиюминутные, что ли. Но и их решать необходимо. А я не против взять на себя функцию «художественного взгляда» на политику.

М. К.: Очевидно, неслучайно, что и в ваших фильмах так много политиков и политики. Это и «Сны», и «Цареубийца», и «Яды», и «Всадник по имени смерть»... Даже если где-то нет политики, там действуют герои, которые активно осмысляют то общество, в котором живут, и свое место в нем. Обсуждают политические темы. Это происходит и в «Курьере», и в «Городе Зеро», и в «Исчезнувшей империи»...

К. Ш.: Но ведь и на самом деле, люди живут не в безвоздушном пространстве и не в «райском саду», а в системе политической. Я считаю, что вообще не бывает людей вне политики. Даже те люди, которые сами заявляют о своей аполитичности, таковыми не являются. Их аполитичность в действительности обусловлена той или иной

реакцией, как правило негативной, на политику власти. Иногда это только акцент тех или иных политических взглядов. Как правило, протестных.

Политика – уже неотменимая часть мира, в котором мы все существуем. Просто это надо понять и принять.

Итоги XX века

М. К.: Создание СССР, бесспорно, изменило не только нашу страну, занимавшую шестую часть суши, но и весь мир. Вы не раз об этом говорили. Итак, с какими достижениями и какими проблемами, на ваш взгляд, Советский Союз подошел к рубежу девяностых?

К. Ш.: СССР действительно изменил мир. На мой взгляд, до сих пор это высшее достижение российской цивилизации за все время ее существования. Дай бог, чтобы было что-то еще.

Кстати, мы об этом почти не вспоминаем. А напрасно. СССР разрушил всю систему колониализма в мире. Вообще Британская империя исчезла с карты мира во многом благодаря СССР. Вот мы частенько говорим о нелюбви к нам британцев. Но совсем несложно эту нелюбовь понять, если помнить, что вообще-то СССР разрушил британскую империю. Уж кто-то, а британцы этого не забывают. У них это и в сознании, и в подсознании, как говорится, «свербит». Ведь если бы не СССР и не его поддержка освободительных движений, то вообще неизвестно, как бы всё сложилось. Хотя бесспорно, что эти освободительные движения являлись объективным процессом. Но вот хватило ли бы у них одних своих силенок? По крайней мере, сегодня никто, даже наши либералы, не оспаривает, что СССР сыграл в этом процессе колоссальную роль.

И у СССР много таких заслуг. Но главное удивительное его достижение, что впервые за целое тысячелетие *не западная* сторона стала опережать мир в технологиях.

М. К.: Имеются в виду наши военные достижения?

К. Ш.: Не только военные! У СССР была масса всевозможных достижений: первая ядерная электростанция, первый реактивный самолет, первый атомный ледокол. Я уж и не говорю о вооружениях, о первой водородной бомбе, об автомате Калашникова и так далее. Вооружения – само собой. А наши достижения в освоении космоса? Первый спутник – наш, первый человек в космосе – наш, первый выход человека из космического корабля в открытый космос.

Как же так? Ведь Запад всегда, испокон веков, опережал всех с точки зрения технологий. Но советская наука во многих своих областях либо встала на тот же уровень, либо начала опережать Запад. Вспомните историю – Российская империя, при всем уважении к ней, никогда не опережала Запад в в технологиях. Она многое заимствовала, в разработках максимум дотягивалась кое-где – в отдельных случаях, которые не становились правилом. А в целом всегда отставала. Именно советский период обеспечил российской науке и наукоемким индустриям качественный рывок. И во многом этот рывок был осуществлен благодаря советской системе образования. Это тоже заслуга революции, которая смела все сословные барьеры. Жестоко смела. Как и свойственно революции. Отсюда результат – массы простых людей получили доступ к высшему образованию.

Мне не нужно далеко ходить за примерами. Революция очень много дала моим родственникам по линии матери. Они были простыми крестьянами, сложно даже представить сегодня себе, как они жили. Но их дети получили доступ в институты, доступ к бесплатному здравоохранению, городскому жилью и так далее. Им подарили великую мечту о самом справедливом обществе в мире. И за это они воевали.

Но прежде всего смысл существования Советского Союза был в быстрой модернизации страны, которая, бесспорно, отставала.

Начиная с 90-х, у нас и «правые», и либералы любят говорить, что до революции (или как минимум до Первой мировой войны) Россия быстро развивалась. Может, она и быстро развивалась, но все равно ужасно отставала. И, кстати, это отставание, предопределившее неудачные войны Николая II, было причиной революции. Поскольку индустриальное отставание сказывается в первую очередь на военной области. Русско-японская война и Первая мировая наглядно это показали. Поэтому эта модернизация (да, ее провели жестоко, но по-другому нельзя было) в итоге вывела страну на новый уровень. Мы победили в войне практически со всей Европой.

Тем не менее уже в 70-е (тогда я уже был в сознательном возрасте, поэтому высказываюсь уже с точки зрения своего опыта) мы чувствовали, что не работает уже эта система. Я помню, на меня произвело очень сильное впечатление то, что я увидел в Рыбинске в 1983-м (одна из первых моих киноэкспедиций, по-моему, тогда я снимал «Мы из джаза»). И вот меня, «молодого кинематографиста», в рамках какой-то «культурной программы» потащили на какой-то завод (уже точно не вспомнить какой). Производил он какую-то технику, что-то вроде специализированных цеховых кондиционеров или турбинных установок для самолетов. Помню, главный инженер, такой интеллигентный симпатичный человек, что-то мне рассказывал, ведя по своему предприятию. Но что меня поразило больше всего – когда мы обошли уже все здания, он вывел меня на огромный задний двор и говорит: «Но дело всё в том, что… Вот посмотрите…» И показывает, что весь этот двор завален их изделиями. Я говорю: «И что это? Как понимать?» А он говорит: «Дело в том, что всё, что мы делаем, привозят обратно. И здесь оно так и валяется». Оказывается, только 80 штук этих высокотехнологичных изделий ежегодно было нужно нашему «народному хозяйству». А всё остальное – то, что они делали, выполняя и перевыполняя план, получая за это награды и премии, – было уже лишним.

И это входило в сознание работников этого завода. Эта гора металла, в которую вложены их навыки, их интеллект, их труд, которые здесь же и складировались, создавала ощущение всеобщей безнадеги.

М. К.: А при Сталине бы за такое расстреляли.

К. Ш.: Поэтому я и говорю, что для того, чтобы подобная система работала (и работала эффективно), нужен Сталин как минимум.

Мать мне рассказывала, как моя бабка ходила на похороны Сталина. Они все рыдали, Сталина любили. Основная масса, если не считать ту часть (по сути небольшую в сравнении с населением всей страны), которая попадала под репрессии, любила его. Но при этом, как ни странно, те же люди, которые плакали на похоронах вождя, промолчали, когда шла десталинизация. А почему? Да потому что устали. От Сталина тоже устали. Это был слишком тяжелый груз. Сталин требовал от людей работы на пределе возможного. И люди

работали, совершая даже то, что сегодня нам кажется какой-то фантастикой. Все эти свершения стали реальностью только потому, что у людей было внутреннее ощущение, что сделать это абсолютно необходимо. Но после войны народ уже не мог так жить и дальше. Нужно было менять систему.

Насколько я знаю, у Сталина были такие мысли, но он уже не успевал этого сделать. После его ухода проблемы только накапливались в течение двух десятилетий, а уже в 70-е практически всем было очевидно, что необходимы изменения. Поэтому, когда сегодня кто-то сетует, что, мол, «во всем виноват Горбачев», это, конечно же, не от большого ума говорится.

Когда Горбачев пришел, народ его на ура принял. Настолько утомились все от бесконечной фальши, от этого застойного театра абсурда. Настолько всем хотелось что-то в стране поменять.

Порой я думаю, что никакой другой путь был невозможен. В той огромной советской империи переход на рынок не мог не сопровождаться распадом страны. Этого нельзя было по-другому сделать.

М. К.: А если бы вместо Горбачева пришел Путин?

К. Ш.: Либо он действовал бы так же, либо это могло закончиться колоссальной войной. Все-таки, надо признать, страна прошла этот период без каких-либо тотальных кровопролитий. А весь распад Советского Союза мог увенчаться такой страшной войной, что Югославия показалось бы цветочками. Разумеется, где-то война спорадически протекала, все равно была Чечня, все мы это знаем. Но все-таки мы избежали «большой крови», очень возможной при распаде огромного государства.

М. К.: А вообще есть ответ на вопрос, почему мы ее избежали? Что-то не верится, что это произошло в результате «мудрых» или «дальновидных» действий тогдашних политиков.

К. Ш. *(указывая прямо вверх):* Мне думается, что во всем, что касается нашей истории, там – наверху – есть своя логика. Уж так я вижу вещи. И я считаю, что в том, неподвластном нашему разумению раскладе, даже Ельцин, которого я совершенно не приемлю, свою роль определенную сыграл. Ведь, как ни крути, строить новую экономику без полного разрушения советской системы нельзя было. А разрушить ее могли только люди, совершенно равнодушные к России и к судьбе народа. Потому что люди неравнодушные что-нибудь спасать начали. И в результате получилось бы ни то ни се. И Провидение направило сюда людей, таких как Борис Николаевич (а он, конечно, абсолютно равнодушен был к судьбе страны, его, кроме власти, ничего не интересовало). И всю его команду составляли люди, которых, в общем-то, не заподозришь в теплых чувствах к своему народу. Именно такие могли все разрушить до фундамента. С другой стороны, советский фундамент оказался настолько прочен и обширен, что он все равно остался. И на этом фундаменте к сегодняшнему дню мы очень многое построили. Грубо говоря, электроэнергия же осталась? Добывающие отрасли остались? Промышленные центры тоже в большинстве остались. Космос, атомная энергетика, военно-промышленный комплекс. Коммуникации – в виде железных дорог, авиалиний и прочее.

Но «реформаторы» разрушили, конечно, всю систему советских взаимоотношений. Вывезли, распродали огромные богатства, отдали весь внутренний рынок на откуп иностранным компаниям.

Да, что-то не сумели сбыть, оставили нам этот мощный фундамент. И это их, конечно, не оправдывает.

И я, конечно же, не выступаю здесь в их оправдание, но говорю, что Провидение или историческая объективность (как хотите назовите) послала тогда именно этих людей. Какие-нибудь «упертые» патриоты бросились бы всё спасать, и это могло обострить ситуацию. В итоге всё сложилось бы намного хуже… А эти по-простому, раз-два, плевать нам на тех и на этих, всё разрушили, но после этого, как ни странно, что-то и начало строиться.

Наши оценки вообще приобретают смысл разве что спустя несколько десятилетий. Если, даст бог, через двадцать лет Россия не распадется, а превратится в первую сверхдержаву Европы (а почему бы и нет?), тогда наши потомки будут рассуждать, анализировать – благодаря кому это произошло? И многие скажут – благодаря Горбачеву и Ельцину. «Если бы они тогда не совершили этих перемен…»

Все же зависит от контекста, в котором мы что-то оцениваем. Еще десять лет назад мы по-другому всё оценивали. Когда я делал картину «Сны», я Ельцина терпеть не мог. А сейчас, оглядываясь назад, думаю: а хрен его знает?.. Может быть, он был, что называется, «слепым орудием судьбы» и выполнил именно то, что ему полагалось.

И все-таки оценка деятельности подобных персонажей в истории, как правило, незавидна. «Лидеры распада», те, кто теряет страны, может быть, и нужны, но все равно они не остаются в истории со знаком плюс. Никому не хочется с них брать пример, быть на них похожим. В этом их драма.

М. К.: Ну да, те же деятели Смутного времени – Борис Годунов, Василий Шуйский. Или Керенский в 1917 году. Так или иначе, они в истории остались с жирным знаком минус.

К. Ш.: Хотя немало сделали! А Николай Второй? В большинстве его оценок – и у историков, и у простых граждан – преобладает негатив. Мне всегда казалось, самая ужасная его ошибка – это вступление в Первую мировую войну. Но последнее время я и на это попробовал взглянуть по-другому.

Вариативность истории

К. Ш.: Да, царствование Николая Второго привело, конечно, к революции. Но правильно ли считать революцию однозначно плохим результатом? Ведь можно ее посчитать и хорошим результатом (как мы и считали в течение 70 лет). Поскольку она изменила страну принципиально (о чем мы здесь уже говорили). Просто сейчас мы находимся в состоянии Реставрации, как французы находились в свое время, вот мы и ругаем революцию. Но не будем забывать о том, что большинство современников революции (именно большинство, никак иначе!) воспринимали ее как великое событие, которое превращает страну в новое качество.

А насчет Первой мировой войны... Представим, что Россия не вступила в войну. Судя по тому, как шла война, немцам вместе с австрийцами и турками потребовалось бы не намного больше времени, чтобы разгромить Англию и Францию, чем в 1940 году. Если бы Россия не спасла тогда своих союзников, немцы дошли бы до Парижа. То есть, в принципе, они бы захватили те же территории, что захватил и Гитлер.

После этого они все равно бы развернулись и пошли на восток. А мы в тот момент не выдержали бы удар объединенной Европы. Та, романовская, Россия точно не выдержала бы.

Судите сами. В начале Второй мировой, которое протекало без участия России (точней, СССР), Гитлер сумел за сорок дней разгромить весь Запад. И развернув всю эту махину, которая уже работала на него теперь, включая Францию, мощные чешские танковые заводы и так далее (да вся Европа так или иначе работала на Гитлера), обрушился на СССР. Но СССР уже сумел за эти двадцать лет, выстроив (благодаря революции!) советскую мобилизационную систему, совершить этот мощный индустриальный рывок. И – с большим трудом, понятно, но тем не менее сумел не просто отбиться от этой западной армады, а разгромить ее.

Поэтому, конечно, можно сетовать на Николая Второго, который выпустил бразды правления из рук, не перевешал всех революционеров на одной перекладине с изменниками из своего генерального штаба… А можно по-другому посмотреть на это дело. Я, конечно, понимаю, что Николай II о столь дальних последствиях своего отречения не думал. Хотя никто этого точно не знает. Но тем не менее на его историческую роль можно очень по-разному смотреть. Дальний ее смысл открывается спустя время. Тогда это казалось – просто война, а вот и ее результат – катастрофа, распад государства, революция. Народ возненавидел Николая Второго…

Только теперь мы понимаем: если бы он не вошел в войну тогда, то России, скорее всего, уже в 1920-е годы вообще конец пришел бы. Войны с объединенной Европой она бы не выдержала. А немцы, овладев Европой, непременно повернули бы сюда, поскольку для войны с Великобританией и Америкой им были необходимы ресурсы. Да они, собственно, и никогда не скрывали, что их цель – Восток: украинские хлеба и животноводство, кавказская нефть, вообще ограбление славянского населения и жесткая эксплуатация его труда. И так далее.

Поэтому и я говорю, что если научиться смотреть на историю в ее вариативности, многие вещи совсем по-другому увидятся. А главное – мы еще не знаем конечного результата. Но думаю, что-то уже будет понятно в ближайшие пятьдесят лет. Тогда отношение будет совсем другое и Горбачеву, и к Ельцину, и к самому факту распада СССР. Конечно, в том случае, если действительно Бог поможет и Россия выйдет в лидеры.

Немного о божественном вмешательстве

М. К.: Вот вы говорили в числе прочего о Боге, Провидении, об их неизвестных нам задачах и планах. А ведь поневоле задумаешься об этих материях, если вспомнить, как все распадалось при Ельцине. Такое ощущение, что кто-то сверху чуть ли не за холку держал тогда американцев. Удерживал… Они же могли в тот момент войти и вообще всё взять. Но они не вошли.

К. Ш.: Так сам факт президентства Ельцина, по сути, и удерживал. Поскольку американцам, глядя на него, даже и в голову не могло прийти, что у такой страны, с таким лидером, есть какие-то шансы. Он перед ними настолько уже выглядел клоуном, что – как ни странно – этим и удерживал их от резких движений. Они были уверены, что всё

помалу-полегоньку и так плывет к ним в руки. Да так оно и было. США и Западная Европа в 90-е обогатились за наш счет невероятно.

М. К.: При этом сохраняя хорошую мину при плохой игре – присылая нам грошовую «гуманитарную помощь», предоставляя кредиты…

К. Ш.: Недавно я видел одну телепередачу, где американцы говорили прямым текстом: «Почему мы проспали такой благоприятный момент? Что теперь делать с этой Россией? Надо было решать вопрос раньше, в те самые 90-е!» Ну, конечно, тогда бы они могли всё решить.

Вот, исходя из всех этих вещей, я и прихожу к мысли, что все-таки есть некая сила, которая управляет миром. Но мы не знаем ее конечной цели. Просто по мере сопоставления разных исторических событий, начинает казаться (причем всё отчетливее), будто *там* кто-то играет в шахматы. А мы *тут* пешки. А *там* идет какая-то своя игра, развивается своя история. Где-то надо пожертвовать ферзем. Где-то ладью отдать. А где-то пешка прорывается – и вдруг ферзем становятся. Да кто его знает…

Единственное, что еще могу добавить. Сегодня многие высказываются, что едва ли не основная причина падения СССР – отсутствие в магазине колготок, колбасы, туалетной бумаги и других атрибутов комфорта. Это все чепуха. К событиям такого масштаба всё это почти не имеет отношения. Потому что колготок и туалетной бумаги и в осажденном Ленинграде не было. Но люди сражались, и даже в голову им не приходило выражать какое-либо «недовольство».

А основная причина была в том, что люди перестали верить в цель. То есть перестали верить, что КПСС вот этим «верным ленинским путем» ведет их к каким-то вершинам. Люди сами воочию видели, что советская экономика уже неэффективна. Если даже главный инженер завода демонстрировал мне, постороннему, по сути, человеку, бессмысленность труда своего предприятия, значит, это у него болело. И из таких вот болей, малых и больших, по всей стране и складывалось общее чувство того, что пора что-то менять. Что уже, видимо, неэффективна сама эта советская модель. А если бы наш человек верил в эффективность советской модели, он бы по-прежнему работал и без масла, джинсов, колбасы и тем более туалетной бумаги. Работал бы и дальше на износ, как в 30-е годы – ходил бы без носков, в башмаках на босу ногу, что, в общем-то, русскому человеку свойственно. Для него главное – цель. И чтобы верить в эту цель, как в некую идею.

А в конце 80-х и в 90-е мы видим обратное: Бог как будто убрал патриотов со сцены на это время. А после начал потихоньку выпускать, заметь. И сегодня они, в принципе, заняли довольно серьезную позицию. Те люди, которых у нас называют «патриотическим лагерем». А в то время «патриот», действительно, было какое-то ругательное слово. Писатель Проханов имел имидж чуть ли не красно-коричневого. Как будто Бог вот этих поставил, а тех «волевым решением» убрал, чтобы они не мешали тут…

М. К.: Делить госсобственность? Ну, это не Бог убирал, это мы знаем, кто делал.

К. Ш.: Тем не менее. Без самой «высокой санкции», я думаю, столь масштабные дела так запросто, так тихо и бескровно не были бы решены. А потом, когда *эти* свою миссию выполнили, постепенно начали *другие* заполнять пространство. Сегодня они, кстати, уже бóльшую часть информационного поля заполнили.

«Сны» девяностых

М. К.: Кстати, здесь нельзя не вспомнить еще раз, что ваш фильм «Сны», снятый в 90-е, как раз шел поперек общей тенденции. Там сатирически поданы как раз не так называемые «красно-коричневые», которых тогда все тиражные СМИ дружно гнобили и дружно покрывали «пеленой забвения», никогда не давая им слова. «Прокляты и забыты» – это, собственно, о них в 90-е и в начале нулевых. Так вот, у вашего-то кинофильма – «лица необщее выраженье». Там сатирически поданы как раз герои из ельцинского лагеря. Во-первых, эти люди показаны абсолютными временщиками. А во-вторых, они смешны и идиотичны до того, что страшно делается за страну. Для меня вообще загадка, как этот фильм пропустили. Но, с другой стороны, значит, была у нас все-таки хоть какая-то демократия?

К. Ш.: В определенном формате была. Но с этим фильмом тоже не так просто все было… Помню, приехал я в Питер на премьеру «Снов». Естественно, там был и Басилашвили…

М. К.: Он же сыграл сразу две главные роли в этом фильме.

К. Ш.: Да, можно и так сказать, хотя это, по сути, одна роль, распределенная по разным эпохам. Так вот, а он же как раз друг Собчака. Убежденный либерал. Вообще таким ярым антисоветчиком Олег Валерианович был тогда. Но одно дело его политические взгляды, а другое дело – необыкновенные художественные возможности. Актер он, несомненно, гениальный и своего героя в «Снах» сыграл великолепно.

И вот мы приезжаем на премьеру в питерский Дом кино. И я смотрю – Басилашвили притащил с собой мэра Санкт-Петербурга, Александра Анатольевича Собчака. Они дружили. Я говорю Басилашвили: «Слушай, Олег, а ты не погорячился? Я что-то сомневаюсь, что он порадуется этой картине». Олег мне говорит: «А чего? Пускай смотрит». Ну, мы представили картину со сцены, а потом вышли из зала и сели с Олегом в ресторане Дома кино. Собчак подошел туда позже, когда кончилась картина. На нем не было лица. Олег спрашивает: «Ну как?» А Собчак выпил рюмку и говорит: «Поздравляю вас». Встал и ушел. Но я видел – на нем просто лица не было.

Тогда я и сказал Олегу: «Мне кажется, напрасно ты его позвал». А он мне, как ни в чем не бывало, отвечает: «Ничего. Пускай знают, что не все у них хорошо».

М. К.: За этим, кажется, звучит: «Пусть знают, что мы не слепые».

К. Ш.: Примерно так. Хотя такого либерала, как Олег, еще поискать. Но он – художник. А суть хорошего художника – стремление к правде. Это для него более важно, чем его приоритеты в политике.

М. К.: К тому же, если человек верит в какую-то идею, соответственно он верит, что любая критика только на пользу дела. Поэтому и приглашает Собчака и ничего не боится… Видимо, он фанатично верил, что если они с Собчаком «в одной лодке»…

К. Ш.: Я всегда с ним спорил до безумия. Во всем, что касается политики и экономики. Но это никогда не мешало нам вместе работать.

М. К.: Вообще такая правда, как в «Снах» или в «Городе Зеро», такие горькие пилюли русскому человеку, видимо, всегда на пользу. Мы все-таки делаем выводы и мобилизуемся.

К. Ш.: Ну конечно. Потому что у русского человека всегда присутствует момент лени. И надо сказать, сильно присутствует. Русского человека надо время от времени встряхивать.

М. К.: С одной стороны, получается, все-таки была демократия, если тогда ваши «Сны» пропустили в телеэфир. (Значит, власть все-таки допускала такие высказывания на свой счет.) А с другой стороны – расстрел Белого дома. Как это совмещается в одной парадигме? Просто театр абсурда.

К. Ш.: Нам многое кажется «театром абсурда», потому что мы, современники тех или иных событий, не можем понять главного их назначения. Стратегический смысл этих событий от нас часто ускользает.

Взять тот же расстрел Белого дома. В то время, кстати, я был категорическим противником этого решения Ельцина, надо сказать, абсолютно деспотического решения по сути своей. Но сейчас я спрашиваю себя: а что было бы, если бы победил парламент? И отвечаю: да страна бы развалилась! Потому что если бы пришла парламентская республика, для России это стало бы катастрофой. Вспомним то, о чем мы говорили: Россия по своему характеру – империя. Она не может управляться никаким «сообществом». Как только стал бы верховодить некий форум, пленум, сейм, собрание – всё, привет: в скором времени страны бы не стало.

Второй момент: как ни странно, именно то, что Ельцин в результате укрепил вертикаль, создал совершенно уникальные условия для работы президента, превратил его в главенствующую фигуру вертикали власти, помогло потом и Путину. Если бы Ельцин этого не сделал, у Путина не было бы шансов. У него попросту не было бы никаких рычагов, чтобы собрать свою команду, убрать противников и в результате приступить к своему главному делу – укреплению российской государственности. Иначе говоря, к наведению элементарного порядка в стране, обеспечению ее экономического роста, оборонного потенциала и так далее.

Но кто мог предположить в тот момент (то есть в дни роспуска парламента, расстрела Белого дома и ареста главных оппозиционеров), что поворот идет именно таким образом? Тогда все эти события казались абсолютной победой либерального слоя. И абсолютной катастрофой. А народ выглядел этаким Иванушкой-дурачком, который проворонил свое счастье. Но, выходит, народ-то был прав, когда поддержал Ельцина.

М. К.: Не помню, чтобы там была какая-то народная поддержка. Скорей народ махнул на всё рукой. Он просто занят уже был более важными делами – старался выжить, накормить своих детей. Причем совершенно самостоятельно. Наконец поняв, что от родного государства ждать помощи не следует.

К. Ш.: Разумеется, нельзя сказать, что народ поддержал ельцинский натиск на Белый дом, что люди в массовом порядке кричали, как некоторые либералы – «Добивайте этих бешеных собак, Борис Николаевич», но в целом не было и никаких протестных акций в городах. А значит, народ это решение, что называется, «принял». И я понимаю почему: внутренне, подспудно у российского народа есть какое-то особое чувство государственности. Подсознательно он понимает, что должна быть жесткая вертикаль власти. Что без этой вертикали и Россия распадется, как распался Советский Союз. Это очень хорошо чувствуют обычные люди. Именно поэтому они тогда выбрали Ельцина, а не парламент. Хрен, мол, с ним, но пусть будет в стране одна сила.

И как видишь, это привело – совсем не очевидной для многих многоходовкой – к совершенно неожиданному результату. Его не просчитали тогда даже олигархи, Березовские-Гусинские, та самая компрадорская

буржуазия, которая стояла за Ельциным. А ведь они были не лыком шиты. Но им пришлось в итоге уступить свои позиции.

Итак, что же произошло со страной за последние, скажем, 100 лет? То, что произошло в девяностые, строго говоря, по отношению к революции 1917 года нужно считать контрреволюцией. Та революция, действительно, привела к власти класс рабочих и крестьян. Мне всегда было смешно, когда в девяностые говорили (да и сейчас повсюду говорят), что большевики обманули народ. Да ничего они не обманули. Кто в результате пришел к власти? Посмотрите биографии всех наших лидеров. Они все были из рабочих и крестьян. К власти, действительно, пришел класс рабочих и крестьян. Лучшие их представители получили высшее образование, управленческий опыт, встали у руля и сумели провести модернизацию промышленности. Потом победили в войне, восстановили страну. Но в итоге была создана такая мощная и разветвленная государственная инфраструктура, которой уже руководить таким образом, как руководили рабочие и крестьяне, нельзя было. Необходим был переход к другим взаимоотношениям. А именно – к рыночным. А рыночные отношения предполагают появления буржуазии.

В результате произошла буржуазная контрреволюция. Первой пришла к власти компрадорская буржуазия (и слава богу, что удалось избежать ярко выраженной гражданской войны). Итак, произошло главное – смена собственности. Думаю, в первые «контрреволюционные годы» никакая другая буржуазия, кроме компрадорской, к власти не могла прийти. Поскольку никакой другой и не было. Компрадорская буржуазия тоже не с неба упала, она вышла из недр партийной номенклатуры. Только там она могла сформироваться. В Ельцине она нашла лучшего выразителя своих интересов.

Но за 90-е годы созрело то, что я называю национальной (или национально ориентированной) буржуазией. Этот класс собственников уже ставит задачи производства. Вот их-то интересы и представляет Владимир Владимирович Путин. Причем ее интересы преимущественно совпадают с национальными интересами страны народа. Что до компрадорской буржуазии, она совершенно равнодушна к национальным интересам страны. Это – главная ее черта вообще во всех странах. Поскольку чем меньше государственности, тем лучше она живет.

А национальной буржуазии государство жизненно необходимо, для ее собственности. Необходим ей и народ как производственник и потребитель. Она даже напрямую заинтересована в росте его благосостояния.

Как нам реорганизовать управленческий класс

М. К.: Так, может, из этой национальной буржуазии и формировать управленцев? Если уж она на сегодня лучше всех чувствует нужды и потребности народа. По сути, небольшие собственники вообще очень близки к народу. Фермеры, владельцы магазинов, ресторанчиков, риелторских и туристических агентств, небольших швейных фабрик… Но прибавочный продукт, который остается в их руках, к сожалению, совсем невелик, чтобы сформировать свою сильную политическую партию. Вот владельцы торговых сетей и заводов, наверно, смогли бы… Но этим зачем партия? Им вроде бы и так хорошо живется.

К. Ш.: Это не страшно. Лучшее, как говорится, враг хорошего. По логике вещей, действительно именно эти люди должны начинать управлять страной. Параллельно с ведением бизнеса. На Западе же именно так и происходит. Глава семьи распределяет роли – этот сын остается на главном бизнесе, другой берется за его экспансию, а третий сын (или племянник, или назначенный парень, неважно) идет в политику представлять на государственном уровне интересы семьи. И вот – один такой, другой, десятый… – вот уже партия, представляющая интересы класса. А если интерес этого класса совпадает с интересами всего народа – это уже эффективная модель управления.

М. К.: Что же у нас этой модели мешает?

К. Ш.: Дело в том, что у нас даже Путин – порождение советской бюрократии. Он вырос в ней, и сегодня он во многом именно бюрократии, уже своей, при нем воссозданной, доверяет. Он сам создавал ее, чтоб сохранить страну. И правильно: никакой империи без бюрократии и быть не может. Но Путин по сей день преимущественно из нее формирует свой управленческий корпус. Даже губернаторов назначает. Там, конечно, присутствует какая-то часть, которая из бизнеса приходит, но главным образом всё это – назначенцы из номенклатуры.

Вообще, мне кажется, сегодня в верхах популярна идея – создать идеального бюрократа. Их этому обучают. Проводят конкурсы, «Лидеры России» и так далее. Из них назначает губернаторов, чиновников высшего звена, замминистров. Конечно, все они проходят очень серьезный отбор, но кто их отбирает, по каким критериям? – вот ведь в чем дело. Чьи интересы в итоге они будут отслеживать? С точки зрения какого класса эти люди пригодны к управлению экономикой?

Конечно, очень заманчиво создать «идеального бюрократа», который будет управлять этой империей. Но так в жизни не бывает. Советский опыт – лучшее тому подтверждение. Человек, прежде чем стать управленцем, в СССР должен был пройти суровую школу – научиться управлять людьми и производством на всех ступеньках производственной карьерной лестницы. И только потом принимать высшие должности. Потому что в СССР считалось, что производство и номенклатура должны быть связаны максимально тесно. Средний советский чиновник был, как правило, и производственником. По крайней мере, очень хорошо разбирался в хозяйствовании, вплоть до нюансов. Ведь он сначала – после профильного вуза или техникума – был мастером в цеху. Если в сельском хозяйстве – то председателем небольшого колхоза. И так дальше рос и, если обладал необходимыми способностями, дорастал до больших должностей и в партии, и в областной администрации. Следующими этапами были краевая администрация, республиканская, союзная. Эта система, созданная еще Сталиным, была очень эффективна. Во-первых, она позволяла на деле узнать реальные способности человека, а не делать выводы на основании каких-то придуманных «тестов» и компьютерных программ. И выбрать действительно лучших. Во-вторых, к управлению приходили уже люди с реальным опытом хозяйствования. Заменить который не может ничто. Никакое «тестирование».

Эта система и держала государство столько десятилетий и обеспечивала все достижения СССР, о которых мы уже говорили. К сожалению, отсутствие материального стимула и вообще отсутствие модели, которая годилась бы для дальнейшего развития СССР на новом уровне экономических и производственных отношений, привели к обруше-

нию советского государства. Но это не значит, что там не было полезных вещей, к которым и сегодня нам надо бы присмотреться. Просто эти полезные вещи, такие как вот эти социальные лифты в кадровой политике, лежали на одной чаше весов, а на другой чаше весов лежала общая, отжившая свой век система, которая без Сталина уже не работала.

Сегодня всё наоборот. Общая система вроде бы работает, с какими-то оговорками. Но ее страшно тормозят и приводят к опасной разбалансировке неполадки отдельных частей. Причем как наверху, так и внизу.

Поэтому вопрос твой абсолютно правомочен. Исторически вообще сложилось так, что представители того класса, интересы которого выражает государство, и должны руководить страной. Представители этого класса, как правило, и трансформируют систему этого руководства на каждом этапе, ставят новые задачи, отчетливо обозначают цели. Именно таким образом национально ориентированная буржуазия и создала все страны Запада. Именно она произвела все их богатства, включая колониальные. Хотя к колониальным богатствам больше подойдет слово «освоила».

Этим людям либо их представителям там и доверялось руководство государством. По идее, именно так и у нас должно быть. Но у нас пока в этом вопросе – как говорил один киногерой – «маленький раскардаш».

М. К.: Не хочу сглазить, но… Всё практически как в николаевской России накануне революции. Тогда, если не ошибаюсь, во властных структурах национальная буржуазия тоже была очень слабо представлена. Все столоначальники какие-то, номенклатура. Вот эта национальная буржуазия не очень-то и кинулась царя защищать.

А компрадорской тогда тоже было, по-моему, хоть отбавляй. Лес, уголь гнали в Европу. Нефтяники уже тоже были. И ведь все больше представители иностранного капитала. Кстати, национальной буржуазии без соответствующей политической организации, по-моему, всегда очень трудно тягаться с компрадорами. У тех ведь и финансов куда больше. Всегда у человека, который выкачивает недра, больше денег, чем у того, кто производит что-то.

К. Ш.: Не думаю, что сейчас владельцев Роснефти или Газпрома, например, надо причислять к компрадорской буржуазии. Там стоят уже другие задачи. Компрадорская буржуазия – это которая, как Ходорковский, просто всё сливала. Фактически она просто хотела распродать всю систему. Поэтому и геологоразведкой не занималась.

Да, у национальной буржуазии в России есть свои существенные минусы. Это не та буржуазия, которая выстраивала Великобританию в XVII и XVIII веках, Францию в XVIII и XIX. Та буржуазия, конечно, была, не в пример нашей, смелая, дерзкая. Она завоевывала Индию, Африку, Америку...

Такое ощущение, что российская национальная буржуазия еще не вполне созрела. Та, которая у нас имеется сегодня. Она ведь тоже во многом из номенклатуры вышла. А к власти должна прийти та буржуазия, которая «сделала себя сама». Это все-таки должны быть не те люди, которые сумели в начале 90-х оказаться «в нужное время в нужном месте» и воспользоваться государственной советской собственностью. А совсем другие – те, которые выросли с нуля за эти 30 лет. Вот у них совершенно другая психология – психология бойцов, настоящих предпринимателей, очень быстро и системно мыслящих

и действующих. Кстати, среди них много бывших бандитов. Я знаю таких. В 90-е они, как говорится, «неизвестно чем занимались», может, и стреляли налево-направо. А сейчас смотришь, у него одно предприятие, второе, третье. Он их развивает, расширяется. И они, конечно, гораздо более смелые, дерзкие, чем те, что оказались «около кормушки», как в народе говорят, и в одночасье «хапнули» первоначальный капитал.

М. К.: Кстати, к таким в народе и соответствующее отношение (намного хуже, чем к бывшим бандитам), и никогда оно не будет хорошим. А их позиция всегда будет антигосударственной и антинародной, поскольку психологически они всегда будут искать оправдание своим действиям в начале 90-х. Может быть, только их внуки уже не будут испытывать соответствующих комплексов, поскольку их вскормят на легендах, что дедушка, мол, «заработал сам». Но обязательно найдется кто-то, кто напомнит, как всё было на самом деле. В народе эта память так легко не исчезает.

А что касается тех, кто действительно сам заработал в 90-е, то я тоже знаю таких. И они не обязательно стреляли. Многие из тех, кто сразу начали «челночить», очень хорошо поднялись. Это в полной мере были «работяги бизнеса», не спали, не ели, носились как угорелые, но сколотили капитал. И те из них, которые правильно его применили, кого не накрыли дефолты и прочие неприятности их рискованного, в общем, дела, те чувствуют себя сегодня довольно неплохо. Это тоже часть «национальной буржуазии», как вы говорите.

К. Ш.: Это так. Тем не менее большая часть нынешней национальной буржуазии, особенно те, кого мы называем представителями крупного капитала, вышли из номенклатуры. И Путин из номенклатуры пришел. То есть номенклатура тогда разделилась. Какая-то часть хватанула ресурсы и превратилась в компрадорскую буржуазию. А какой-то части не хватило ресурсов, но они все равно получили какую-то часть собственности и на этой базе начали выстраивать свои дела. Во всяком случае, у них возникли интересы, близкие к национальным интересам народа.

Замечу, впрочем, что это разделение буржуазий на компрадорскую и национальную не обязательно от изначальной формы собственности зависит. Это зависит прежде всего от самих людей, от их побуждений. Можно получить завод и начать в него вкладываться, модернизировать, расширять производство. Это психология национальной буржуазии. А можно быстро распродать станки и превратить его в склад для иностранной продукции – так поступает буржуазия компрадорская, выражающая западные интересы, а не наши.

Но даже национально ориентированная буржуазия у нас, поскольку в большинстве это выходцы из номенклатуры, не особо смелая и предприимчивая. Ведь советская номенклатура на излете СССР по своему качеству невысокая была. Это уже не сталинские кадры. Это были очень осторожные, воспитанные в брежневской системе люди. Поэтому они такие и несмелые. И Путин изначально был их человек. Сейчасто он, конечно, понимает, что на них опереться нельзя. Вот и пытается свою, более эффективную, бюрократию создать.

Но бюрократия, на мой взгляд, для развития страны – пустое дело. Совсем другие люди должны повести страну. Власть должна принадлежать той, новой буржуазии, которая «сама себя сделала», полной воли, темперамента, энергии.

«Пусть сильнее грянет буря…»

М. К.: То есть должна произойти уже настоящая буржуазная революция?

К. Ш.: Вполне возможно, что и произойдет. В этом смысле, мне кажется, мы очень близки к повторению истории Франции.

М. К.: Во Франции сделала революцию именно эта буржуазия, самая бедная и самая напористая. Именно за ней народ пошел, поэтому и революция свершилась.

К. Ш.: Революций у них было много. Я в данном случае имею в виду самую первую – Великую Французскую революцию 1789 года. Именно тогда принципиально был изменен строй. Но дальше у них был 1830 год, 1848 год, Наполеон III пришел к власти, потом коммуна, 1870 год. То есть Франции потребовалось около 100 лет, чтобы «устаканиться». Я, впрочем, считаю, что те четыре события, которые они называют революциями, на самом деле революциями не являются, они не меняли уже строя, а просто корректировали политическую систему. Это были некие реформы, которые пришлось завоевывать с оружием в руках. Они не меняли ни собственность, ни структуру общества, но неизбежно потребовались, прежде чем выстроилась Французская республика в том виде, в котором она сейчас существует. Поэтому то, что ты сказал, еще вполне может у нас произойти.

Формы собственности уже не поменяются, а вот политический класс к управлению может прийти другой. Это даже неминуемо произойдет, если интересы новой, молодой буржуазии не будут учитываться. А сейчас они не очень учитываются. Например, повышение НДС на 2%. Это направлено против них. Их интересы сегодня ущемляются и другими способами. Тем не менее вскоре они почувствуют себя достаточной силой, а главное, у них могут появиться лидеры. К сожалению, у них пока нет лидера, нет партии своей. Но всё это может появиться. Тогда они выйдут на политическую арену и, как знать, могут и взять власть в стране.

М. К.: Если еще догадаются использовать народное недовольство в своих целях, как французские буржуа. Я имею в виду недовольство аморфностью нынешней номенклатуры, среди которой по сей день немало либералов, да и компрадорских представителей. Ведь, по мнению среднестатистического россиянина, либерал и предатель – вообще синонимы. Так ли это? Или это так только в России? По какой причине?

Ненастоящие либералы, или Дефицит идей

К. Ш.: В самой идее либерализма, на мой взгляд, много полезного, но она – начиная с девяностых – абсолютно дискредитирована нашими либералами. Да и они у нас, по сути своей, не либералы, они – западники.

Ведь что такое, собственно, либерализм? Это конкретная экономическая модель, между прочим, а не просто «свобода мнений» и тому подобное, как многие наши либералы преподносят свое дело. Эта модель, надо сказать, разработана в Соединенных Штатах, где и получила успешное развитие. Ее смысл, собственно, в том, что каждый член общества должен иметь все права и возможности достигать того,

чего он только может достичь, и в этом – залог процветания всего общества. Там либерализм – прежде всего экономическая свобода. Я не считаю, что нам нужен тот либерализм, который в США, но выборочно некоторые либеральные концепции и механизмы, конечно, должны здесь прижиться, раз уж мы строим рыночную экономику.

Но дело все в том, что в Америке американские либеральные идеи работают на них самих (и в полном согласии с этими идеями они, мягко говоря, не пылают любовью к России). А наши либералы буквально в каждый момент, когда Запад и Россия вступают в противоречие, становятся на сторону Запада. Просто они – западники, провозгласившие себя либералами, которые за первую же «пятилетку» своей деятельности (да и за все последующие «пятилетки») полностью дискредитировали либеральную идею. Это, на мой взгляд, даже обидно. Ведь многие идеи либерализма были бы полезны для нашего общества.

Но сегодня, даже в области экономики, идеи наших либералов – скажем так – несколько странны для известной концепции либерализма. То они выступают как социалисты, заговорят вдруг о бедности, о ЖКХ… Все что угодно, только бы критикнуть действующую власть. А это верная примета прозападной партии – такая и в Китае, между прочим, есть. (Там в этом контексте Син Цзиньпин во власти – наглядный триумф антизападников.)

А по своей натуре они связаны, как и прежде, с компрадорской буржуазией. Ельцин – их кумир, и это не случайно. В принципе, идея их понятна. Они хотят вернуть страну в 90-е годы. И поэтому в любом вопросе занимают позицию антироссийскую. Это и губит их. Потому что народ это видит.

В большинстве своем они сейчас живут за счет того, что им подбрасывает Запад. Хотя, я думаю, если наконец возникнет партия новой национальной буржуазии (о чем мы сейчас говорили), мне думается, эта партия хотя и будет социал-демократической, но с сильными моментами либерализма. Потому что все равно это будет партия рыночников. Они, конечно, не будут сторонниками восстановления госплана в полном объеме. Хотя они будут сторонниками более справедливого распределения государством бюджетных средств.

М. К.: Ну, конечно, им же нужен будет состоятельный потребитель. Который не раз в год сможет потреблять их продукцию.

К. Ш.: Разумеется, они будут заинтересованы, чтобы у населения были деньги. Так что в их программах «социальный момент» обязательно будет присутствовать. Но у них непременно должен быть и очень сильный либеральный компонент. Но он будет не прозападный, а чисто экономический. Тогда у нас возникнут либералы настоящие. Которых теперь нет вообще. И «это не есть хорошо».

М. К.: Сегодня, пожалуй, более интересен не спор между нашими патриотами и либералами-западниками (то есть псевдолибералами). Этот спор для большинства наших сограждан уже решен. Сегодня интереснее полемика внутри патриотического лагеря. Именно она сегодня определяет – куда и как идти стране. Там тоже есть свои правые и левые. Консерваторы и революционеры. Представители военно-промышленного комплекса. Добывающих отраслей. Среднего и малого бизнеса. Выразители интересов селян, производственников, научной интеллигенции. Всевозможных регионов. Как вам представляется, кто из них ближе к тому, чтобы стать новыми народными лидерами? Скажем, параллельно с новой национальной буржуазией.

К. Ш.: Очень сложно угадать – откуда появятся новые лидеры. Вот вроде бы уже долгое время занимает лидирующие позиции (конечно, после президентской партии) КПРФ. Но какова ее платформа? Вроде бы это патриотическая партия. А вроде бы она и признает рынок. Но нынешние коммунисты – в отличие от ленинских и сталинских – совершенно, на мой взгляд, не занимаются теорией. В итоге никто не знает, что они предлагают. Какую экономическую модель? Поэтому от них начинают шарахаться. И они с каждым годом, с каждым новым витком выборов, теряют очки.

Вот, например, их кандидат Грудинин: «Давай национализировать все». То есть все отбирать?! При этом он сам – бизнесмен. Ну полный кавардак.

Я считаю, в свое время, в середине 90-х, они могли что-то сделать, они были сильным противовесом Ельцину, но они упустили свой шанс. А вот что они в 1993 году не поддержали парламент, это они сделали правильно. Зюганова тогда обвиняли в предательстве, а мне кажется, он поступил очень разумно. Если бы они поддержали Руцкого и парламент победил, могла начаться гражданская война.

Но сегодня у них нету никакой идеи. Как, впрочем, и у других партий. И это проблемы страны. Потому что уже нужно думать, что будет после Путина. Этот дефицит идей и целей может вылиться в большие неприятности.

М. К.: Вот вы когда-то говорили, что социализм рано или поздно победит. И в нашей стране, и в «мировом масштабе». Иначе мы просто не справимся с проблемами, стоящими перед населением планеты…

Пророчество Оруэлла, или «Социализм победит, но это будет невесело»

К. Ш.: Когда я говорю, что социализм победит, я вовсе не имею в виду, что от этого жизнь станет веселее. Она может стать и тяжелее. Я имею в виду, что социализм победит в том смысле, что рано или поздно возникнет такое устройство, при котором общество будет принимать гораздо большее участие в управлении государством, чем при капитализме. Я исхожу из того, что ресурсов на Земле будет все меньше, а население Земли – все больше. То есть человечество все чаще будет сталкиваться с проблемами, которые с помощью либеральной экономической модели, у которой, безусловно, есть свои достижения, просто не сможет решить.

Уже невозможно доверять атомную энергетику частным компаниям. Можно перечислить еще массу проблем, которые должны быть под жестким контролем общества. И это предполагает более тоталитарную систему управления, между прочим. Это не будет раем на земле. Но человечество уже идет в том направлении, и возвращение социалистической модели на каком-то витке развития общества неизбежно. Люди выберут эту модель даже не потому, что она более справедлива, прогрессивна или комфортна. А потому что этот выбор станет уже насущной необходимостью.

Это, строго говоря, уже становится вопросом производственных отношений. Современные технологии вовлекают в дело своего управления все более широкие слои общества. А участие общества всегда шире каких-то рамочных бюрократических функций. И это естественный процесс.

Но главная моя мысль в том, что только социалистическое планирование сумеет защитить общество от катастрофических последствий его же деятельности. Такое планирование и контроль за исполнением решений невозможно предоставить частнику. Они просто не сможет решать вопросы планетарного масштаба. Это невозможно. В этом требуются участие всего общества.

Это я и называю социализмом. Социализм есть не что иное, как большое присутствие общества в управленческих процессах. А как это можно сделать? Только через государство. И, как ни странно, это во многом будет возвращением к советской системе.

М. К.: Пожалуй, здесь мне есть что возразить. В течение нашей жизни (да и на протяжении мировой истории) мы не раз наблюдаем, что те или иные острые проблемы так и остаются нерешенными. Или же эти проблемы, скажем так, могут решаться и несколько иначе. Например, крупный собственник видит, что на определенной территории несколько миллионов или миллиардов людей, со страшным количеством своих проблем, для него просто лишние. Для него лишние эти люди и их проблемы. Ему куда проще их просто убрать.

К. Ш.: Я-то как раз исхожу из того, что даже самым крупным собственникам нельзя позволить это сделать. То, о чем ты говоришь, – как раз одна из возможных опасностей для человечества, предоставленного хаотическому, либеральному существованию. Конечно, у каждого собственника во главе угла собственные интересы. И еще Маркс цитировал Томаса Даннинга, что капитал при возможности 100 процентов прибыли «попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Но именно поэтому и неизбежно социалистическое государство. Иначе капитал так может разгуляться, что живого места на планете не останется.

Поэтому я и говорю, что социализм победит не потому, что людям так желанна «всемирная справедливость», «рай земной», а потому, что социалистический общественный контроль – это просто насущная потребность человечества. Разумеется, если оценивать его движение в планетарном масштабе.

Как ни странно, в этом движении мы снова можем прийти к основам марксизма. Производительные силы определяют производственные отношения – этого никто не отменял. Причем Маркс говорил о социализме, когда капитализм еще совершенно не изжил себя. Но Маркс это увидел, почувствовал. А вот сегодня похоже на то, что его теория действительно начнет сбываться. Неслучайно даже в таком оплоте капитализма, как Соединенные Штаты, вдруг появляются мощные социалистические силы, тот же Сандерс. Этого раньше вообще нельзя было себе представить.

Мы видим, как созревает некое «новое сознание» внутри общества. Общество все лучше начинает понимать, что многие его проблемы просто невозможно решить на уровне тех отношений, которые сложились на сегодня, когда собственность полностью контролируется частными лицами.

Конечно, кафе, рестораны, сфера обслуживания, легкая промышленность, фермерство… – все это наверняка и в новом социалистическом обществе останется в частных руках. Но становящиеся все более сложными технологические системы, на мой взгляд, таят в себе очень серьезные угрозы, если ими будут управлять лишь частные интере-

сы. Последствия частного управления могут стать без преувеличения катастрофическими.

Взять тот же интернет. Его, в общем-то, давно надо брать под контроль. Потому что, если этого не сделать, то – такое ощущение, что придет большой шиндец всему на свете. На самом деле, интернет становится все более опасной силой. А контроль над ним имеет право установить только общество. Разумеется, поручив это дело определенным государственным структурам.

Причем я не исключаю, что впоследствии, уже при «социалистическом режиме», вот этот наш кусок жизни при расцвете капитализма будет вспоминаться как гораздо более увлекательный и веселый фрагмент. И он, в свою очередь, будет вызывать ностальгию у многих. Но это уже не будет вызывать никаких вопросов, так как социализм будет признан жизненной необходимостью. Да, общество станет более тоталитарным, но и с этим придется смириться.

Более того, это может стать похоже на создание оруэлловского мира. Когда-то, когда Оруэлл писал, мы все решили, что он описывает сталинскую Россию. А он ведь не сталинскую Россию описывал, а общемировые тенденции. То, к чему придет всё человечество через энное количество лет. А к сталинской России, на мой взгляд, его творчество имело очень мало отношения даже в то время. Разумеется, диссиденты начали толковать произведения Оруэлла по-своему.

Так что, оруэлловский мир комфортен, хорош? Нет, нехорош. Но он вполне может стать нашим будущим. И это будет все же лучше, чем полное уничтожение. Люди будут выбирать не между адом и раем, а между тем, чтобы хоть как-то жить, и тем, чтобы вообще не жить.

Сегодня на земном шаре проживает 8 миллиардов человек, которых необходимо кормить-поить, одевать, обеспечивать жилищем, медициной, образованием и так далее, оберегать от эпидемий, природных катастроф, промышленных отходов. От разрушительных идей… Убирать за этими миллиардами горы мусора. Обеспечивать питьевой водой, ресурсы которой уменьшаются с каждым годом. Все эти проблемы непременно вынудят людей прийти к более управляемому миру, который, собственно, и называется социализм. Я не воспринимаю социализм как некий райский сад. Кстати, Маркс его так не воспринимал. Только потом, кажется, только после Октября 1917 года, советские художники-фантасты стали рисовать какой-то идеальный мир – коммунизм.

По мне, так лучше рабовладельческое общество (конечно, при условии, что ты – рабовладелец). Если ты по эту сторону, то рабовладение – вообще лучшее устройство мира. Это я к тому, что, когда мы говорим о той или иной общественной системе, мы всегда даже невольно сразу расставляем акценты – для кого она хороша, а для кого – оставляет желать лучшего. Но любая система естественна и неизбежна для того периода времени, в который она существует.

Да, очередной виток социализма не станет раем, скорее всего. Там тоже всем не будет хорошо. Скорее всего, многим будет даже плохо, некомфортно, но хотя бы выживете.

Иногда я думаю, что первые ласточки оруэлловского мира уже вовсю летают вокруг нас. Мы уже все под контролем. Даже то, что на всех дорогах – камеры. (Только у меня на «Мосфильме» чуть ли не 500 камер.)

М. К.: А мобильники, по которым в любой момент времени можно запросто вычислить, где ты находишься? А банковские карты? А компьютерная сеть?

К. Ш.: Это уже практически полный контроль. Хотя пока чаще негласный. И это уже стало массовым явлением во всем мире. Ты уже не можешь никуда пойти так, чтоб тебя не видно было. За тобой все время кто-то наблюдает. Ты не можешь ничего сказать так, чтобы это гарантированно было слышно только тому, до кого ты хочешь это донести. Ты не можешь принять какое-то решение или просто заинтересоваться чем-то, чтобы об этом не узнала сеть.

Это как-то само собой пришло, и об этом как-то никто не задумывается. Никто не задумывается о том, что это и есть Оруэлл – тот самый мир, в котором за тобой все время кто-то наблюдает.

В сознании людей опасность для них обычно олицетворяет какой-то злодей. Вот он придет – и всё, беги куда глаза глядят… А бежать-то уже некуда. Поскольку эта «опасность», в виде тотального контроля, практически слежки (плюс анализ твоих действий), входит в твою жизнь очень незаметно. Вроде ничего и не случилось, а мы все уже под колпаком. А что будет через 5, 10 лет, когда техника еще разовьется?.. И так уже дроны повсюду летают, а в интернет-сеть зайдешь, так она уже заранее знает, что тебя интересует, и сама предлагает на выбор…

Общество потребления и культура

М. К.: Современное общество потребления приземлено предельно.

Ему присуще общее стремление к высокому материальному статусу. Причем доступно оно, в действительности, очень немногим. Но при этом практически все охвачены желанием урвать куш, заработать покрупному. Иначе просто пропадешь.

Карен, считаете ли вы как художник, то есть как выразитель определенных нравственных идей в искусстве, что подобное положение вещей напрямую вредит нашей природе? «Душе», как говорят верующие? Соответственно и традиционной нравственности и вообще атмосфере в стране?

В этом плане советское бытование как-то больше располагало к духовному развитию личности. Способно ли искусство как-то противостоять довольно агрессивным ценностям общества потребления? И может ли в этом отношении что-то предпринять государство?

К. Ш.: Общество потребления – это результат развития капитализма. С этим ничего не поделаешь. Ведь это его главный стержень. Да, в обществе потребления, я согласен, умирают либо едва теплятся многие ценности, которые характерны для более архаической общественной структуры. Но, к сожалению, ничего с этим поделать нельзя. Таков сегодняшний этап.

Хотя, я надеюсь, это именно этап в истории человечества. Какой-то один из. Именно поэтому мне не думается, что это возможно преодолеть какими-то целенаправленными мерами в ближайшее время.

Строго говоря, если ты выбрал рыночные взаимоотношения, то как ты можешь воспротивиться тому факту, что они будут непременно сопровождаться развитием общества потребления? Самое гениальное искусство, на мой взгляд, ничего здесь поменять не сможет. Поскольку в этом обществе искусство само становится товаром.

М. К.: Искусство всегда было товаром.

К. Ш.: Нет, не всегда.

М. К.: Вы же сами говорили: и во времена Леонардо да Винчи художники что делали? Выполняли заказы.

К. Ш.: Но чьи они выполняли заказы? Аристократии! Либо высших иерархов церкви, связанной с этой аристократией кровно. Эти заказчики были образованнейшими людьми своего времени, с интеллектом, вкусом. С наличием большого досуга, чтобы эти черты развивать. У них были и группы личных экспертов. Была и возможность вложения личных средств, чтобы обеспечить художникам возможность скрупулезной и неторопливой работы. При этом каждый из них – и заказчик, и исполнитель – были кровно заинтересованы в появлении шедевра. А не в его тиражировании. Поэтому искусство этих веков и стало классикой, принеся в мировую сокровищницу столько шедевров. Это не было ориентировано на массового потребителя, как сейчас. Строго говоря, то общество еще не было обществом потребления в отношении искусства.

Многие заказы финансировали короли, императоры, кардиналы, папы римские. Поэтому художник не стремился угодить толпе. В этом смысле художник был в большей степени свободен, чем сегодня.

А сейчас любое художественное произведение превращается в товар. Который продается лучше или хуже. Тогда, в эпоху Возрождения, и даже позже, искусство еще не было товаром. Потому что его никуда не продавали. Да, его заказывали, но это совсем не означает, что его создавали, держа в голове какие-то продажи. Его не тиражировали, ориентируясь на широкого потребителя.

М. К.: Сегодня без этой ориентировки не издаются книги, не выпускаются фильмы. Не испаряется ли из жизни, таким образом, само искусство?

К. Ш.: Испаряется, конечно. А его и нету. Поэтому и культуры нет. На этом этапе развития искусство не нужно. Чем меньше креатива, творческих дерзаний, непредсказуемости (то есть чем меньше искусства), тем лучше и предсказуемее продажи этих произведений. Будь то фильмы, книги, музыка, картины... Это уже не искусство, а «интеллектуальная собственность». Именно она – товар сегодня. Она и производится как товар. Поэтому в ней исчезает уникальность.

М. К.: Но лично я не хочу смотреть такое искусство. Я что, один такой?

К. Ш.: Ну, есть вас таких еще сто человек, ну, может быть, сто тысяч. Но в обществе потребления вы погоду не делаете. Вот вы говорите: «Мы не хотим эти дурацкие сериалы смотреть». Ну дурацкие и вправду сериалы. Но народ смотрит. И с этим ничего не поделаешь.

М. К.: Почему не поделаешь? Было бы желание. Ведь, если поставить такую задачу, можно повысить образовательный уровень народа.

К. Ш.: Это чистой воды идеализм. Где взять это желание у тех, в чьих руках сегодня средства к их осуществлению? Они же не появятся на пустом месте. Ну выступите вы на каком-нибудь крутом мероприятии, сами соберете пресс-конференцию, разошлете письма. С вами согласятся. Причем согласятся полностью и искренне. Если повезет, даже выделят на это благое дело средства. (Если оформить его в виде проекта.) И что дальше? А дальше все по-прежнему останется.

М. К.: Потому что этап?

К. Ш.: Потому что этап.

Немного о торговле органами, или Самый непримиримый конфликт современного мира (противоречие капитализма и традиции)

М. К.: Это сейчас вы так спокойно говорите, но какой был пафос, когда вы не так давно говорили на ток-шоу об отношении «общества потребления» (читай, капитализма) к нравственным ценностям. Я приведу сейчас эти слова:

Западные страны находятся сегодня, на мой взгляд, на высшей стадии капиталистического развития. По крайней мере, она объективно выше, чем где-либо в мире. Но эта стадия капиталистического развития по своему существу сегодня требует отмены моральных ценностей.

Почему это происходит? Потому что, как известно, капитализм – это прежде всего товар и рынки, которые необходимы для распространения этого товара. Так вот, рынки сегодняшних наиболее ценных товаров (и те, которые только зреют, и те, которые уже вполне сформированы) несовместимы с теми моральными ценностями, которые несут традиционные религии. А именно традиционные религии – православие, ислам, индуизм, буддизм – являются хранителями моральных ценностей. Поясню на простых примерах.

Вот, скажем, рынок человеческих органов. Он, по сути, уже есть, но нужно сделать так, чтобы они продавались в супермаркетах. Чтобы любому потребителю там можно было чью-то печень купить или чье-то сердце. Но – вот незадача! – это пока не совпадает с нравственными ценностями. А тем более с ценностями религиозными (которые, как мы говорили, и легли в основу нравственных ценностей человечества).

Торговля детьми уже идет по всему миру. Вспомните, что у нас совсем недавно происходило. Слава богу, сейчас это несколько остановили.

Далее. Наркотики, педофилия, проституция (иногда замаскированная под эскорт-услуги), а теперь мир подошел к еще одной опасной черте – это клонирование. Выращивание детей в пробирках. Как это совместимо с исламом? Как это совместимо с православием?

С западным христианством это уже совместимо, они практически его победили, поскольку добились того, что гомосексуальные браки могут быть освящены католической церковью. Более того – гомосексуалисты уже имеют право быть священниками... Я не против того, чтобы люди занимались чем угодно в своей постели, но существуют определенные моральные ценности, которые нам принесла религия. И когда человек начинает открыто пропагандировать свои антиценности, традиционная нравственность, на мой взгляд, не просто не должна заявить свою позицию и с этими антиценностями не согласиться, но в самой природе этой традиционной нравственности – встать на их пути. Не позволить этой пропаганде распространиться на весь свет.

«Вечер с Владимиром Соловьевым», 05.04.18.

Каким образом тогда это отдельный отрезок развития? В силу чего он закончится?

К. Ш.: Этого никто не знает. Может быть, он закончится в силу всеобщей катастрофы, ядерной войны. Может и так быть. Полная деградация нравственных и моральных ценностей может и привести к подобной катастрофе. Это вполне логично. Потому что никакой морали капитализм не приемлет на сегодняшнем этапе. Когда-то, еще в XX веке, у западных капиталистов были нравы вполне пуританские.

Но капитализм, как любая социальная формация, не стоит на месте. На нынешнем этапе развития, на мой взгляд, ему никакая мораль и нравственность не нужны. А соответственно, он становится все более антихристианским. Ему и ислам не нужен, ничего ему не нужно.

Собственно, в этом суть самого острого, самого непримиримого конфликта в современном мире. И этот конфликт гораздо опасней, чем просто конфликт цивилизаций. Причем мы наблюдаем этот конфликт в наиболее развитых сообществах, которые в избытке располагают медиаинструментами, чтобы свои рыночные антиценности пропагандировать.

Вчера я смотрел телевизионную передачу, где человек сказал интересную вещь: «А вы знаете, что такое сегодня французская нация? Как нации ее нет. А это ценности, которые разделяют люди. Это не история, это не религия – это ценности…»

Но, простите, что значит «ценности»? Мы знаем, что в Германии до прихода к власти Гитлера одна половина населения, грубо говоря, была нацистами, а другая – коммунистами. Даже в рамках одной нации могут иметь место различные ценности. Тем не менее сегодня мы видим, как Европа все время объединяет всех именно по принципу «ценностей». Не по принципу культурной общности или исторической преемственности, не по принципу базовых моральных устоев, которые свойственны той или иной религии, а по принципу неких абстрактных «ценностей».

По-моему, это и есть причина, по которой сегодня православие и ислам мешают развитому капитализму.

Новые «прорабы перестройки»

М. К.: Насколько помню, ваша мысль о том, что Трамп – «лидер перестройки» в американской империи, основана на допущении, что имперские амбиции США плохо совмещаются с заботой о благе рядовых американцев. О национальном производстве. Но Трамп – первый настоящий бизнесмен во главе США. Как знать, может быть, у него и получится «пересобрать» имперскую структуру США, и американский флаг еще долго будет реять над всеми морями?

Трамп демонстрирует, порой парадоксально, победы на всех фронтах. Казалось бы, какое-то чудачество… А потом смотришь – он выиграл. Вот он добивается своего в Корее. Не забывает обложить Россию новыми санкциями. Заставить раскошелиться Европу на НАТО. И при этом ощутимо повышает доход собственных граждан.

К. Ш.: Начнем с твоей первой выкладки – о том, что Трамп «лидер перестройки», только умелый, удачливый лидер. Наши-то лидеры перестройки, как мы помним, только метались, не зная, что делать. Но если их действия сравнить с действиями Трампа, мы увидим, что они удивительно схожи. Цель Трампа вроде бы понятна: вернуть величие Америки. То есть, по закону обратной связи, получается: Трамп понимает, что этого величия уже и в помине нет. Может быть, он делал некие расчеты, оперировал цифрами, а может, просто наблюдая карту мира, видит, что звезда Америки закатывается. Может быть, он это чувствует интуитивно…

То же самое видели и чувствовали и лидеры нашей перестройки. Но как вернуть былую устойчивость и авторитет СССР, они не имели

понятия. То же и Трамп. Как вернуть величие Америки, на мой взгляд, он не знает. У него нет никакого плана. Никакой программы. И поэтому всё, что он делает, только усугубляет положение.

Я не знаю, с чего ты взял, что у него какие-то победы. Какие у него вообще достижения? Да никаких. Что он добился в Корее? Она не уничтожила ядерное оружие. И не собирается, это очевидно. В результате его ультиматумов и переговоров Америка тоже перестала, как и Корея, проводить учения. То есть, по идее, в этом споре выиграл Ким Чен Ын. Одним из основных требований Кима было: «Перестаньте нас пугать своими учениями». Америка с тех пор и не проводит учения.

Да, Ким Чен Ын тоже не проводит испытания своих ракет. В каком-то плане это даже хорошо для бюджета его небольшой страны. Так чего добился Трамп? Его основная цель состояла в том, чтобы принудить Корею уничтожить свое ядерное оружие. Но Корея его не уничтожила. Я не вижу, чтобы они даже собирались. Ким Чен Ын не такой дурак, чтобы взять и главный свой щит уничтожить. Значит, это он добился выгоды. А Трамп ничего не добился, кроме шоу и того, что в СМИ поговорили об этом.

Далее. Трамп практически одновременно начал торговую войну с Китаем, Россией и Турцией. Заметим, что Турция является для них важным союзником. Это южный фланг НАТО. Там база Инджирлик, обеспечивающая влияние американцев в этом регионе. Если турки заставят их убрать эту базу, это катастрофа для их военных амбиций.

Но, может быть, он добился каких-то других важных вещей в результате? Нет, он не добился ничего! В результате только создал ситуацию, которая объективно работает против Америки. Это при всех своих амбициозных заявлениях. Он шоумен.

Вот это и называется «перестройкой» в плохом смысле слова. «Перестройка», как мы помним, совсем не означает, что имеется какая-то программа, план. Это просто означает, что у руководства страны и у ее народа имеется понимание, что необходимы изменения. Но поскольку плана нет, ситуация от действий «прорабов перестройки» только обостряется.

И я понимаю, почему против него вся элита американская. Был бы я американцем, тоже был бы против. Вся элита говорит ему: «Ну что вы делаете? Зачем вы один из основополагающих принципов внешней политики США нарушаете?» Это принцип звучит так: не объединяй двух врагов. Для них теперь это Россия и Китай.

В свое время, когда они боролись против СССР, одна из их стратегий состояла в том, чтобы поднять Китай. И противопоставить его СССР. Им это тогда удалось.

Но сейчас Трамп все сделал для того, чтобы у Китая и России не осталось выбора, чтобы не прийти к военно-политическому и экономическому тесному союзу. Это притом что наша прозападная элита не очень-то рвется к Китаю. И Китай не очень-то к нам рвался. Но и ему, и нам просто деваться некуда, как будто специально Трамп нас толкает «в объятия друг друга». Куда деваться, если тебе говорят: «У нас вооружений на 700 000 000 000$, и ты – наш главный враг».

Я, кстати, в свое время задавал Путину вопрос о нашем союзе с Китаем. Он мне тогда уклончиво ответил: «Мы с уважением относимся к Китаю. Но одно из наших правил – не вступать ни в какие военно-политические союзы».

Но жизнь заставит. В том числе и политика Трампа ведет именно к этому.

Поэтому, с точки зрения результата, если вынести за скобки всю его риторику, все его шоу, чего он добился? Вот он встретился с Путиным, и какой результат? Несмотря на все его обещания и улыбки, результат один – ужесточение санкций.

Что, после этого у Путина, при всем желании, и у российской элиты сохранятся некие надежды на сотрудничество с Западом? Да, у нас пока большая часть национальной элиты – прозападная. И она, конечно, давит на Путина. И у них еще в подкорке брезжит, что как-то всё обойдется, если пойти на уступки. Только после подобных демаршей как может «обойтись»? Какое примирение?

Таким образом, Трамп наносит удар по своим союзникам внутри России. Он этими санкциями и открытыми угрозами бьет прежде всего по нашим западникам. По тем, кого мы называем либералами (на самом деле это западники). Теперь им очень трудно что-то объяснить нам. Их основные тезисы «Не надо так, давайте искать компромисс. Это ж мы сами во всем виноваты» выглядят теперь смехотворно. Я этого наслушался на ток-шоу от Бориса Борисовича Надеждина и других апологетов псевдолиберальной партии… Но теперь им очень трудно. Потому что любой нормальный человек, в стране большинство таких, скажет: как можно с ними договариваться, если они 700 миллиардов объявляют военный бюджет (а на самом деле он еще больше, есть и скрытые статьи бюджета). Если в речах их президента, военных министров и главных политиков Россия всегда упоминается как основной враг. А нам тогда что делать?

Он и монолитное единство Запада, по сути, разрушает (а оно казалось очень монолитным до недавних пор). А «царство, которое разделится внутри себя, не устоит» – еще в Библии сказано. Вот Трамп ультиматум выдвинул Европе: «Вы тоже должны НАТО содержать, тоже вносите свой вклад». И зачем тогда им нужна Америка, если надо самим вкладываться в оборону?

То, что делает сегодня Трамп, на мой взгляд, глупость. Но эта глупость опять же следствие того, что он не знает, что делать. Он не великий лидер. К тому же ему еще надо доказать, что он не агент Кремля. У него нет никакой стратегии. Он выиграл выборы на той интуиции, которая ему подсказала, что его страна в кризисе. Что американский народ в своем большинстве уже не хочет нести эту ношу глобальной империи. Трамп это почувствовал и благодаря тому, что его предвыборная кампания была на этом понимании основана, выиграл выборы. Но как всё то, что он обещал простым американцам, реализовать, он не знает. И своими действиями только хуже делает.

То же самое было и с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Даже странно, до чего похоже. Что, Михаил Сергеевич пришел с мыслью развалить СССР? Только мне об этом не рассказывайте, сыну его помощника. У него не было и быть не могло такой мысли. Он действительно стремился обновить социализм. Поэтому народ с огромным энтузиазмом воспринял его приход и первые годы его «ускорения», «гласности» и «перестройки». Он действительно хотел усилить страну. Говорил (почти теми же словами, что и Трамп), что страна должна развиваться. Что надо думать о простом человеке и прочее. Но он абсолютно не знал, как и что делать. И в итоге делал вещи, которые не только не способствовали реализации его воззваний, а прямо им противоречили и разрушали страну.

Что поделаешь? Я смотрю как режиссер – стараюсь увидеть людей как людей, а не абстрактных каких-то существ. И я хорошо помню, как действовал Горбачев. Накладывая его действия, как кальку, на действия Трампа, я вижу, что это почти то же самое… При этом я должен сказать, что примерно о тех же впечатлениях пишут американские политологи и журналисты-международники в своей прессе. По-английски я читаю и не так давно прочел статью в «Нью-Йорк таймс». Эта газета у них – как «Правда» в советское время. И вот там впрямую написано: «Процессы, которые происходят на Западе, напоминают процессы, которые происходили в 89-м году в Восточной Европе». Они тоже не дураки, они это чувствуют.

Поэтому их элита и не признает Трампа. С другой стороны, она так и сяк его клянет, но она так же не знает, что делать. Что тоже похоже на обстановку в Советском Союзе в конце 80-х – начале 90-х.

Их элита уже не того качества, которой была 20, 30 или 40 лет назад. Она тоже другая, не способная почти ни на что. Что это за объединение – американская элита сегодня? Кто такие эти сенаторы, конгрессмены? Это все дети богатых родителей. Это люди, пришедшие из хай-класса. Но это люди, которые не создавали сами своих состояний. Как и Трамп, кстати. Мы говорим – Трамп бизнесмен. Но у Трампа папа был чуть ли не миллиардер. Это совершенно другой тип людей.

М. К.: При этом Трамп-сын пережил два банкротства.

К. Ш.: Это, кстати, тоже о многом говорит. Это значит, не очень качественный вообще бизнесмен. Все делают акцент на том, что он два раза поднялся. А я выделяю, что он два раз потерпел дефолт. Я бы с таким человеком, наверное, не очень бы работал.

Но я говорю о том, что вообще качество элиты у них теперь другое. Они сидят в этих стенах конгресса по двадцать лет. То же самое, что несменяемые члены нашего ЦК, начиная с брежневских времен. Потом уже их дети стали занимать все ключевые посты. Начали крутить-вертеть страной дети партноменклатуры, к которым я тоже, кстати, принадлежу (это не значит, что среди «детей» не бывает толковых людей). Но, когда это пронизывает всё, тут радоваться нечему.

То же самое в Америке сегодня происходит. Это совсем не те ребята, которые сами завоевали свои состояния. Это не их отцы и деды. Это совсем другой класс. И поэтому они тоже ни хрена не знают, что им делать. Просто нутром чувствуют, что Трамп губит все. Отсюда их желание его убрать. Но это желание не исправляет ситуации.

М. К.: Интересно, как на это смотрят основные кукловоды. То есть люди, которые, как говорится, реально правят миром. Финансовая олигархия, ФРС. Они не видят, что ли, как этот «прораб перестройки» куролесит? А это смехотворное «дело Скрипалей»? Оно вспоминается сейчас просто как яркая иллюстрация профнепригодности множества чиновников, политиков, следователей, в общем, всех людей, которые тем делом занимались.

Или «великих кукловодов» устраивает, что под ними такие вот жертвы ЕГЭ что-то там исполняют?

Дети титанов

К. Ш.: Как ни странно, их это устраивает, я думаю. Но это их ошибка. Вообще ключевым моментом для финансовой олигархии было пре-

зидентство Рузвельта, когда она почувствовала, что необходимо ограничивать президентскую власть в США. Ведь до Рузвельта не было ограничений, по сути. И это неслучайно. Потому что Рузвельт, который выиграл четвертый срок, практически достиг такой силы, которая могла сломать их. И они почувствовали эту опасность. Поэтому они ограничили полномочия и срок президента, внесли соответствующие поправки.

Наши либералы любят говорить, что главное в демократии – это ограничение президентского срока. Да ничего подобного, главное в демократии – это воля народа, а срок не имеет значения. Срок как раз волю народу ограничивает. А у нас тоже есть финансовая олигархия, довольно мощная – и это ограничение президентского срока благоприятствует именно ей. Потому что, если ты выбираешься на два срока, как там Трамп, – к концу второго срока тебя уже ничего не волнует. Тебе главное – на второй срок попасть. А когда ты завоюешь второй срок, надо будет просто как-то досидеть – с таким прицелом, чтобы жизнь потом сложилась. Такой президент не готов принимать никаких по-настоящему революционных решений. Вот что в такой системе главное.

Финансовая олигархия, которая на самом деле контролирует Штаты, – это акционеры ФРС (Федеральной резервной системы). Это несколько семей, которые, собственно, и печатают деньги. В этом вообще фантастическая нелепость американской системы. Там печатают деньги частные лица. Но если ты производишь финансы, минуя вообще все трудности, связанные с получением какого-то продукта, который будет обеспечением этим деньгам, ты полностью владеешь ситуацией. И собственно идея «глобального мира» – это их идея. Финансово они уже сделали мир глобальным. Им надо теперь полностью его единым и управляемым сделать. В этом смысле они станут неформальными властителями мира.

Поэтому им только мешает чей-то суверенитет. Сегодня западные политики отстаивают суверенитет тех или иных малых стран только потому и в той степени, в которой это помогает им бороться с суверенитетом стран больших, таких как Россия или Китай. Особенно Россия, Путин со своей идеей суверенитета, их очень раздражает. Да и американский суверенитет не нужен им. Здесь Трамп в определенной степени вышел на противоречие с ними, отстаивая интересы американских граждан и вообще национальные интересы США как отдельной страны. Но его уже, по сути, укротили.

Почему они не чувствуют, что «под ними» творится? Насколько деградировал их собственный (имеется в виду англосакский) управленческий аппарат? Да потому что они точно такие же люди, и ничто человеческое, так сказать, им не чуждо. Потому что это давно уже не те ребята, которые все это создавали ФРС и так далее.

Я приведу простой пример. Поскольку, как я говорил, всегда исхожу в политических оценках из своего жизненного опыта. Я как-то познакомился с владельцем сети магазинов Marks & Spencer. В свое время эта сеть была знаменита, сейчас их мало стало. Такой британский универмаг, там люди среднего достатка шмотки покупали. Я хорошо его знаю, потому что один из моих продюсеров с этим сегодняшним Марксом дружил.

Так вот, когда-то этот магазин организовали два старьевщика. Один – шотландец Спенсер, другой – еврей Маркс, которые торговали на рынке Ковент-Гардена. Там эти бедные старьевщики и познакомились.

И как-то слово за слово решили заработать вместе. Постепенно организовали эту сеть. Надо сказать, долгое время она была вообще одной из самых могущественных сетей. Потому что она предлагала одежду и обувь хорошего качества, но очень недорого, ориентируясь на человека среднего достатка. Даже ниже среднего. Там мог одеться кто угодно. И Спенсер и Маркс на этом выиграли, очень хорошо поднялись.

Их магазины были по всей Европе, и у нас они были, только сейчас большинство их закрылось. И почти всюду в Европе они позакрывались. Кое-где в Англии еще их можно встретить. В общем, для этой сети сейчас тяжелые времена. Тот первый Спенсер умер, не знаю, кто его наследники, но я на одной вечеринке познакомился с наследником этого Маркса.

Милейший человек. Занимается китайскими иероглифами. Формально он владеет магазином, но на самом деле он ничем не занимается. Его этот бизнес абсолютно не интересует. Он интеллигент, увлеченный китаист. Весь в своей науке. Ему до лампочки вся эта одежная сеть. Просто это уже другое поколение. В нем (и это сразу видно) нет ни деловой хватки, ни энергии, ни понимания. Да и нет желания вообще бизнесом заниматься. Он вырос в условиях, когда всем уже был обеспечен. Когда не надо день за днем, с утра до вечера добиваться какого-то результата – иногда затянув поясок, постоянно просчитывая что-то, рискуя, разрабатывая новые ходы и связки. Когда это вопрос благополучия или нищеты, более того, жизни и смерти, для тебя и для твоей семьи. И в детстве, и в юности он был уже избавлен от этого. Вот у него сейчас и нет ни соответствующих навыков, ни чувства опасности. Ни расчетливости, ни азарта, необходимых для бизнеса.

Вот мне и кажется, что то же самое происходит и в политике. Поэтому, когда мы говорим о том, как поступает сегодня финансовая олигархия, мы должны иметь в виду, что это уже не та финансовая олигархия. Тогда, грубо говоря, это были «братки». Энергичные, нахрапистые, дерзкие. Умеющие выйти в своих замыслах за стереотипы. Вот они и создали эти финансовые империи. В принципе, как наши бандиты, то же самое. Морганы, Ротшильды, Рокфеллеры… – все это очень мощные фигуры были. Сегодня их наследники уже не те. Формально, конечно, они стремятся к тем же целям, но совсем иначе. Там уже совсем не та работа мысли, не то устремление, не те личные ставки. И в этом проблема нынешнего Запада и наша надежда. Нам это выгодно.

Так или иначе, в любом деле всё зависит от качества людей, которые им занимаются. Если бы сейчас были живы их дедушки, нам мало бы не показалось. А у этих словно атрофия воли. У всех хорошее образование, все хорошо живут. При этом все упоены могуществом своим. Причем настолько, что, мне кажется, у них почти нет чувства опасности. Вот это может стать проблемой и для нас.

Первый Рокфеллер был разносчиком газет. Генри Форд, который собирал сам машины, был механиком в чужой фирме. А сейчас люди совсем другого качества. И этот процесс неизбежен. Так империи и гибнут. Их основывают энергичные, смелые, дерзкие и очень умные люди. А постепенно, естественно, всё переходит в руки их потомков, которые уже сыты, а потому ничего не хотят. Они, может, и неплохие люди, но на большие дела не способны уже.

Поэтому, оценивая современную политику, я и вспоминаю свою встречу с наследником Маркса. У него в руках контрольный пакет, а

он ничего не делает. Даже не хочет задуматься, что можно сделать. И вот результат: эта, некогда колоссальная, сеть почти везде закрыла свои магазины. Теперь, вспоминая свою встречу с этим милым китаистом, я думаю – понятно, кто до этого довел.

Детские заговоры

М. К.: Раньше мы часто говорили о «теории заговора». Но способны ли на серьезный заговор вот эти потомки без энергии и хватки? Вам не кажется, что вообще это противостояние с Западом, как бесконечная тема ток-шоу и новостных передач, преследует цель – накручивать нас, «нагревать» против весьма отдаленных противников, тем самым отвлекая от серьезных внутренних проблем?

К. Ш.: Нет, не кажется. Противостояние с Западом, на мой взгляд, – это объективная история. Другое дело, что власть в определенной степени, конечно, этим может пользоваться. И она была бы очень глупой властью, если бы это не использовала. Если бы я был во власти, я бы тоже это делал. Надо понимать, что это часть политики. В этом смысле у меня претензий нет.

Но, с другой стороны, противостояние России и Запада – все равно объективный момент. И далеко не такой безобидный и отдаленный, как ты говоришь, в отношении опасности, которую Запад для нас представляет. Несмотря на ослабление его элит. Ведь и наша элита сегодня не ахти что собой представляет.

К сожалению, конфликт всегда в природе вещей. Противостояние всегда естественно в этом мире. Так и в жизни любого человека: если ты хочешь чего-то добиться, обязательно возникнет кто-то, кто захочет тебя приструнить и отбросить назад. Я не раз высказывался на эту тему и еще раз повторю: я верю в теорию заговора. Не потому, что тяготею к мистике. А потому, что я знаю жизнь. Я просто видел эти заговоры в этом кабинете. Сколько их сплеталось даже из-за сущей ерунды.

М. К.: Да, я помню, вы говорили, что даже дошколята в детском саду уже плетут какие-то заговоры.

К. Ш.: Еще как плетут. Ведь у каждого из них уже имеются свои желания, уже очень отчетливые. Каждый хочет что-то получить. Я помню, как я вел своего сына в детский сад. Он перед этим позавтракал дома. И вот мы подходим к детскому саду, и он мне так тихо: «Ты только не говори, что я позавтракал дома». То есть он хотел позавтракать и там тоже. Соответственно, он заранее просчитал, что может так случиться, что я скажу воспитательнице в раздевалке: «Он дома позавтракал, так что кормить его уже не надо». А ему хотелось и еще позавтракать. Наверняка даже не потому, что он голоден был. А потому, что это был его завтрак по праву. Или там что-то особо вкусное могли дать. Может быть, он просто конфету с чаем съесть хотел, не суть. Но я тогда подумал – надо же, ему всего 3 года, а чем тебе не заговор? Значит, так устроен человек.

За 5 метров лишней жилой площади, ради того, чтобы забор раздвинуть на 2 метра на участке, люди такие устраивают комбинации – закачаешься! Ну как же в таком случае можно поверить, что ради власти над миром, ради сумасшедших денег, ради этого могущества люди не вступают в заговоры? Да постоянно вступают. Поэтому теория заговоров – это не мистика. Это реальность. Причем совершенно обыденная.

Другое дело, что далеко не все заговоры удаются. Более того, подавляющее большинство заговоров не удается. Или их реализация идет совсем не так, как запланировано. Иногда результат получается прямо противоположный. Потому что здесь вступает тот фактор, в который я, как ни странно кому-то, тоже крепко верю. Что все равно помимо нас есть сила, которая нас сильно редактирует. «Человек предполагает, а бог располагает».

Так вот, поскольку в природе человека заложены заговоры, то понятно, что Запад не может не пытаться с их помощью разрушить Россию. Не потому, что он плохой, а потому, что он такой же человечный, как и мы. Был бы я или ты на месте Запада, точно так же мы себя вели бы. Зачем тебе такая огромная страна под боком, да еще напичканная оружием? Богатая, с колоссальным ресурсом.

Ты даже можешь любить русских, читать Толстого, Чехова и искренне полагать, что этим русским в разобранном, так сказать, состоянии гораздо лучше будет. Ведь наши либералы как нам говорят? «Вы развалитесь, вам же лучше будет. Вы все будете лучше жить». И некоторые из них так искренне думают. Может быть, это даже прекрасные, просто немного наивные люди. Им просто невдомек, что они – тоже часть заговора, их просто используют втемную. Они, конечно, начнут махать на меня руками, обвинять в ответ в шизофрении или в паранойе, попробуют засмеяться…

М. К.: Вот только засмеяться у них получается всё хуже и хуже. Актёрски всё слабее. Вы как режиссер это наверняка замечаете.

К. Ш.: Замечаю. И даже нахожу этому объяснение. Они уже всё меньше верят в свою роль. И сами начинают понимать, что то, что мы называем заговором, – объективная реальность. Что по-другому и не бывает. Действительно, не понимать этого теперь – это надо быть двухмесячным ребенком.

Поэзия

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут (семинар Юрия Кузнецова). Доктор медицинских наук.

Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, многочисленных публикаций в «толстых» журналах, зарубежной периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Победитель международных поэтических конкурсов «Рождественская звезда» (2011), «Цветаевская осень» (2011), имени Сильвы Капутикян (2013).

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ДУШОЮ БОЖЬИ, А ТЕЛОМ – КНЯЖЬИ...

* * *

В утлом мире, где царствует случай,
Где сплошные прорехи в судьбе,
Эта странная сила созвучий
Почему-то нас тянет к себе.

Рифма сладкая тянет магнитом,
Как стальные опилочки, нас.
Видно, тайна какая-то скрыта
В сочетании звуков и фраз.

Как загадочно ты, мирозданье!
Плеск леща, соловья щебетанье.
И себе задаю я вопрос –
Почему же Святое Писанье
Без мучительных рифм обошлось?

Русский демон

С той поры, как расстрел заменили
Жуткой каторгой, ссылкой глухой,
Каторжане его заманили
Русской песней – бесслезной, лихой.

Оскорблен, и унижен, и злобен,
Он ночами сидел у свечи.
Был мятежному духу подобен
В ледяной петербуржской ночи.

Не рассказ, не роман и не повесть,
А больная, усталая плоть.
Только Совесть, Вселенская Совесть
И к кресту пригвожденный Господь.

Только приступы, только неврозы.
Психопата стальная рука.
Проститутки священные слезы.
Раздвоенье души игрока.

Ростовщицы коварные сети.
Бандюганов кривые ножи.
…Почему только он не заметил
Васильки, что синеют во ржи?

* * *

Я книгу взял на озеро. Она
В моем пакете так и провалялась.
Виной тому – сирень и бузина,
Жасмин цветущий, и такая малость,

Как длинная болотная трава,
Названия которой я не знаю.
К тому причастна неба синева
И облака, ребристые по краю.

И предо мной предстала жизнь моя,
Что прожита уж явно на две трети.
Пусть не раскрыта тайна бытия,
Мне кажется, не зря я жил на свете.

Гражданский кодекс рыжих муравьев
Я соблюдал, я был одним из прочих
Упорных собирателей основ,
Родного языка чернорабочих.

Привитый от наносной чепухи,
Журнальной зарифмованной заразы,
Я был уверен, что мои стихи
Поймут и лягушонок пучеглазый,

И ящерка, и юркий плавунец,
Притихший в ожидании рассвета.
…Я был не худший на дуде игрец!
Пускай их примет на худой конец
Хоть мусорная яма интернета.

* * *

Портрет Менделеева я прибивал
К стене в кабинете химическом. Смело
Стучал по гвоздям. Я давно понимал,
Что главное в жизни – серьезное дело.

Там уксусом пахло, и ржавый карниз
Скрипел от молочного школьного счастья.
И видя, как падают гвоздики вниз,
Смеялась вовсю сексапильная Настя.

Стучал, не жалея ни стен и ни рук.
В столовой варилась противная манка,
Дешевым портвейном пропах военрук,
И «Красной Москвой» – директриса-тиранка.

Их нет уже с нами. Божественный Свет
К себе обратил их заблудшие души.
Хотел бы вернуться я в тот кабинет?
Вопрос на засыпку. Наверное, нет,
Боюсь я идиллию эту нарушить.

Пусть уксус останется, и водород,
И Дмитрий Иваныч на старой картинке.
Все кончится скоро, и Брежнев умрет.
И граждан поглотят оптовые рынки.

Когда ж, через несколько рваных годов,
Посыпятся с башен багряные стяги,
Я вспомню вожатую, клич «Будь готов!»
…Смешно, но остался я верен присяге.

* * *

В Шпандау, крепости ребристой,
Я на сухой траве лежал,
И надо мною воздух чистый
Слегка слоился и дрожал.

Молчали каменные плиты.
И Богу задал я вопрос:
«Mein Vater, sagen Sie mir, bitte,
Давно ли горе началось?»

И протестантский Бог ответил,
Что в войнах вовсе нет вреда,
Что обязательны на свете
Страданье, горе и беда.

Что если б села не горели
И не взрывали бы метро,

Тогда бы люди не сумели
Понять, где зло, а где добро.

А с неба лился чистый, вечный,
Мучительный, слоистый свет.
Он был лучистый, бесконечный,
А горя в этой дали млечной
Казалось, не было и нет.

О смертном зная приговоре,
Я все ж не плачу, а живу.
…Mein liebe Gott, возьмите горе!
Сухую дайте мне траву!

* * *

Всех выскочек и ловких парвеню,
Торгующих свининой алексашек,
Орловых гришек, горничных агашек
Из русской тьмы не вырвать на корню.

До трапезы вольно им почивать
И ставить в ряд услужливых лефортов,
Покуда будет пить и пировать
Усатый черт в заляпанных ботфортах.

Шуты, шутихи, карлики, цари –
Они все вместе в общей грязной своре
О смертном и не знают приговоре –
Они ничтожны, что ни говори.

Как тошно здесь! И видно за версту
Притихшую на листике козявку.
Надев очки, она читает Кафку,
И чупа-чупс шевелится во рту.

Как ты противен, пошлый маскарад!
Свиные морды, гадкие корыта.
И только затонувший Китеж-град
Еще тревожит тайной нераскрытой.

* * *

В телевизор, на гадкую свору,
Я не брошу взыскательный взгляд.
Я пойду на Кудыкину гору,
Где Макар не гоняет телят.

То, что свора увидеть не в силах,
Я увижу с высокой горы –
Тлеют кости в забытых могилах,
На болотах пищат комары.

Голубиная пишется книга,
Спасской башни скрипят ворота.
О засилье монгольского ига
Размышляет Иван Калита.

Всех московских царей оппоненты,
Порождение сорной травы,
Все противней пищат диссиденты –
Письма подлые шлют из Литвы.

Окопались, скоты, на чужбине!
Но измены им Бог не простит.
О спесивой и подлой Марине
Молодой Самозванец грустит.

Об Отчизне своей незалежной
Размышляет Мазепа седой,
И свистит соловей безмятежный
Над великой и малой водой.

Разночинцы при всякой погоде,
Прозябая в постылом труде,
Постоянно твердят о народе,
О бескрайней народной беде.

В гулких ямах сопят вурдалаки,
Околдованы трепетным сном,
И тревожные тайные знаки
Проступают на небе немом.

В многих знаниях – много печали.
Мысль поэта подобна стрижу.
Но о том, что увидел я дале,
Я уже никому не скажу.

* * *

Душою Божьи, а телом – княжьи.
Здесь бездорожье, одноэтажье.

Штакетник хилый, петух понурый,
Кривые вилы, худые куры.

Рыбачья леска да плоскодонка.
Гниет подвеска у «жигуленка».

В раздольном поле одна полова.
У тети Поли мычит корова.

Нас не погубят американцы.
В заштатном клубе сегодня танцы.

Стопою твердой идем мы к рынку.
Засунь-ка, гордый, подальше финку.

Мы телом княжьи, душою – Божьи.
Одноэтажье и бездорожье.

* * *

Повезло мне – тюремных обид
Я не знал, и гулял без конвоя.
Синий плат над моей головою
На квадратики не был разбит.

Ты меня миновала, беда,
Злополучный удел доходяги.
Как светла облаков череда!
Как безвылазны наши овраги!

Счастлив тем, что в барыжьем краю
За полушку не продал таланта
И настраивал лиру свою
На болотной травы эсперанто.

Плавунцов бессловесный язык
Был, как русский язык, мне понятен,
И, цветов полевых ученик,
Я носил свой небесный дневник
Весь в закладках от солнечных пятен.

Я хлебнул из кастальской струи –
Ледяной, первозданной, проточной.
Я везунчиком был, это точно!
Так растите – светлы, непорочны,
Полнозвучные строки мои.

* * *

Я деньги на книжку просил у него.
А он на меня, как баран на ворота
Смотрел, был не в силах понять ничего,
И чувствовал я неприятное что-то.

Я помню его опечаленный вздох
И выдох, и щечек бордовые пятна.
И был для него я не лузер, не лох,
А некий игрок, чья игра непонятна.

И был для него я заштатный хитрец,
Солидных людей разводящий на бабки,
Такой же, как он, прохиндей-удалец,
Для виду одетый в плебейские тряпки.

«Конечно, культура нам тоже нужна, –
Промямлил он вяло, – но все ж, извините
(Зачем ты пришел к нам, какого рожна?!),
Так трудно с деньгами… А впрочем, звоните…»

Звоните, звоните… Стальные стрижи
Безмозглое небо стригут спозаранку,
И в сердце втыкают стальные ножи.
А много ли надо сегодня подранку?

Среди узаконенной русской трухи
Живешь абы как, не скрывая опаски,
Не в силах отвлечься от той чепухи,
Что в книжках должны появляться стихи
И пахнуть всегда типографскою краской!

Я помню, коллега мой старший, в кремле,
Над Волгой замерзшей (а впрочем, звоните!),
Немного смущаясь, показывал мне
На строчки свои, что блестят на граните.

Под снегом белел отрешенно обком.
Снежинки кружились и падали наземь.
И все мне казалось – меж тем стариком
И этими строчками не было связи.

Он умер недавно. Я тоже умру.
О, как далеко нам до славы народной!
Но как притягательна жизнь на миру!
Как жалко дрожали на зимнем ветру
Тесемки от шапки его старомодной!

Ау, гонорары! Не стоит тужить,
Что канули в вечность багряные флаги.
Ведь жизнь не закончилась! Можно прожить
Без слов на граните, без книжной бодяги.

За печкой трещит колченогий сверчок.
И что ему мир нуворишей и выжиг?
Он песнею счастлив своей, дурачок,
И нет ему дела до спонсорских книжек.

Максим ЗАМШЕВ

Поэт, прозаик, критик. Родился в 1972 году в Москве. После окончания средней школы служил в Вооруженных силах СССР. Затем окончил музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А.М. Горького.

Автор десяти поэтических книг и четырех книг прозы, многочисленных публикаций в разных жанрах в России и за рубежом. лауреат литературных премий им. Николая Рубцова, им. Николая Гумилева, им. Дм. Кедрина, им. Александра Грибоедова. Награжден медалями «Защитник Отечества», «За просветительство и благотворительность», медалью Суворова. Произведения переведены на 15 языков. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Член наблюдательного совета литературной премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов.

Главный редактор «Литературной газеты», главный редактор журнала «Российский колокол». Живет в Москве.

ДУМАЙ О ТОМ, ЧТО ЗВЕЗДА БЛИЗКА...

* * *

Идёт, пригнувшись, пилигрим,
Так сильно небо давит.
Давай с тобой поговорим
О том, за что страдали, –
О Родине, о временах
Печальных и тревожных.
Идет, ссутулившись, монах,
Глаза поднять не может.
А в небесах над ним горят
Останки душ невинных.
Так далеко последний ряд,
Что ничего не видно.
Давай пойдём с тобой как встарь
Лихой тропой гусарства,
Идёт, расправив плечи, царь,
Оставшийся без царства.
И в голове его не гимн,
А прошлых мыслей улей,
А молчим, а мы сидим
И что-то караулим.
Не сыщешь в голосе металл,
Молчание дороже.

Когда последний первым стал,
Второй сошёл с дороги.
И хрустнул мира позвонок
Под строгим взглядом Бога.
Я жил, наверное, как мог,
Но смог не так уж много.
Пусть простота не воровство,
Пусть скверно дул в трубу я.
Не ангел я и ничего
В жизнь не возьму другую.

* * *

Никого уже нет из тех,
с кем я мир поменять хотел,
с кем гуляла моя душа,
в дни весенние не спеша.
никого уже нет из тех,
кто в году отмечал лишь сны,
кто разбрасывал снег для всех,
чтоб растаял он до весны.
Никого уже нет из тех,
кто стихи до утра читал,
кто всю ночь в облаках витал
и мечту добывал из стен.
Никого уже нет. Война
опоясала как лишай.
Если можешь, себя лишай
лучшей доли, что не дана.
Никого уже нет. Рассвет
не дотягивается до дня.
Не с кем чокнуться, чтоб до дна,
дна как не было, так нет.
Но зато есть такая даль,
что не в силах вобрать мой взгляд.
Но зато есть такая сталь,
что клинки от нее блестят.
И еще кто-то мне сказал,
что, наверно, мы все в кино.
Опоздали мы на вокзал,
где в буфете всегда темно.
И состав прогремел без нас,
в нем все те, кого бог не спас,
в нем все те, от кого душа
ждет бессмертия не спеша.

* * *

Я писатель второго ряда,
Но мне хочется в ряд последний,
Потому что моя отрада,
Укатила в вагоне летнем.

Я бросаюсь на амбразуру
Виртуального пулемёта.
Я влезаю в чужую шкуру,
чтобы вспомнить чужое что-то.
Жаль, что мысли мои устали,
Поднимаясь в чужую гору.
Я участвую в карнавале,
Что спускается с неба в город,
Чтоб скупить в магазинах сказки,
Чтоб продать на базаре спицы,
Чтоб забрать у счастливых маски,
А несчастным оставить лица.
Подражатели, лицемеры,
Я писатель второго ряда
Прославляю вас всех без меры,
Вы хлебнули такого яда,
Что теперь ничего не страшно,
Бьют куранты на разных башнях,
Часовые стоят в дозоре,
И слеза не дрожит во взоре.

* * *

Москва сегодня мокрая,
Как будто искупалась.
Всё утро песня смолкшая
В моей груди копалась.
В ней дар прожить без девочки,
Что расплетала косы,
В ней сладкое бездействие
И на веранде осы.
В ней струны то расстроены,
Уродуют гитару,
В ней люди, что расстроены,
А им бы жить на пару.
Не ищет прилагательных
Один глагол великий,
Ему бы вздох мечтательный
И солнечные блики.
Москва сегодня лучше, чем
Любой такой же город.
Студенты снова учатся
Чтоб пропитаться вздором,

Коты устало хмурятся
Среди возни мышиной,
И светофоры щурятся,
Чтоб разглядеть машины

* * *

В тумане мне видится лучник,
Хочу совершить с ним обмен,

Когда-нибудь все станем лучше,
Чем были на данный момент.
Казалось бы, лучник, ну что в нём?
В нём крупная соль бытия.
В родстве мы с ним больше, чем в кровном,
И он здесь нужнее, чем я.

А мне бы туда, где просторы,
Где сходятся с волком пути,
Где в небо врезаются горы,
Чтоб кровь голубую пустить,
Где ходят деревья в пижамах,
Где русским рождён Робин Гуд,
Где тушат пожары глазами,
Волхвы, что веками живут.

Но лучник? Зачем же нам лучник?
Отравлены стрелы давно.
Когда-нибудь все станем лучше,
Но в чаше прокисло вино,
Пусть он лучше знает, как нашу
Отчизну варяги спасут,
Пусть он лучше видит, как чашу
Куда-то несут и несут.

* * *

Кто был из нас правее,
Откроется до весны,
Лавры Хемингуэя
Никому не нужны.
Кто останется с нами?
Только король да шут.
Голыми я руками
Душу свою душу.
Ветер, мечты развея,
Рукопись рвёт из рук,
Кто был из нас правее
Знает хромой паук,
Вижу полёт утиный,
Сбежать бы из этих мест,
Выпьем за паутину,
Где погибал Эрнест,
Выпьем за Че Гевару,
Чья борода черна,
Выпьем с тобой на пару
Водки или вина.
И, разобравшись с прошлым,
Мы новые дни земли,
Мешать будем длинной ложкой,
чтоб рты нам не обожгли.

* * *

Ранее утро. Густая тьма.
Даль невозможная.
Родина долгая, как зима,
Как бы спросить мне: можно я?
Русское небо в сплошном дыму,
Нечего больше скрашивать
И ничего здесь нельзя тому,
Кто научился спрашивать.
Счастье, что где-то течёт река,
Хоть до неё ты дойти не смог,
Думай о том, что звезда близка
Или не думай – повсюду Бог.

Евгений ЧИГРИН

Родился в 1961 году на Украине. Поэт, эссеист, автор четырех книг стихотворений. Публиковался во многих литературных журналах, в ряде европейских и российских антологий. Стихи переведены на 13 языков мира.

Лауреат премии Центрального федерального округа России в области литературы и искусства (2012), Международной премии имени Арсения и Андрея Тарковских (2013), Горьковской литературной премии в поэтической номинации (2014), а также Всероссийской литературной премии имени Павла Бажова (2014).

Член Союза писателей Москвы и Международного ПЕН-клуба. Живёт в Москве.

СТУПАЕТ НИКТА. НЕКТО ДЕРЖИТ МИР...

* * *

…Подкармливаю музыку стишками, в мозгах – музей от мамы
до любви,
Которая краснела коготками и смешивалась с запахом айвы,
Мешалась с поцелуями до света, и жизнь пила, и пела петухом,
Стихотвореньем офицера Фета нас на заре не мучила… Кругом
Цвели цветы в роскошных опереньях: я вру сейчас, а кто
не врал вчера?
Шептала ты о мыслящих растеньях, цвели мозги до самого утра.
…Подкармливаю музыку и снова бросаю взгляд в прошедшие миры:
Я – космонавт постпушкинского слова, я – огонёк
постблоковской поры.
…Включаю свет… и снова выключаю, и музыка стоит над головой.
К исходу дня, к бутылочному чаю стекает жизнь рифмованной игрой.
Цветёт апрель и – вспыхивает к маю: мне с китаянкой было хорошо
Царапать ад, притискиваться к раю, шептать на ухо дьяволу: ещё…
...В мозгах – музей вчерашнего… кладовка: фрагменты,
сновидения, дары,
Билет в кино, от счастья упаковка, и лёгкий свет, и яркие шары…

Мост Сен-Мишель

Кепарь вместо нимба на старой башке
И нечто в ушах, чтобы вникнуть
В Рембо: подключиться к весёлой тоске,
Знакомые строфы окликнуть.

Я что-то хотел подсказать сам себе,
Запутался в беглых глаголах,
Как будто в смешной и обманной судьбе,
В своих существительных голых.

Плюс 30 в безоблачном полдне. Жара
Стоит парадизом по-галльски,
В который иголки вгоняет хандра,
Чтоб выхватить ключик кастальский.
Стою на мосту, где однажды Фролло
Фебá укокошил кинжалом! –
Я точно в волшебное глянул стекло,
Прохваченный временем старым.

Я как-то хотел объясниться с баржой,
Со смертью, глядящей собором,
С химерой-метафорой, смертной водой –
Единственным словом, с которым
Сумел разойтись на мосту Сен-Мишель,
На мостик Менял засмотревшись.
Блуждающим взглядом ловя цитадель,
С какой-то подробностью спевшись,

Хотелось Бодлеру нелепый стишок
Оставить – забавный подарок,
В котором гуляет то сбивчивый слог,
То дактиль любви без помарок,
А то амфибрахий влезает, как тать,
Подстёгнутый не алкоголем.
И музы – давай стихотворцу шептать
И мучают счастьем, как горем.

Северные ворота

Щекастый гномик музыку корпит:
У дудочки бамбуковой везенье…
Какой опять невидимый пиит
Вышёптывает мне стихотворенье?
В четвёртый раз затягивает снег,
С подземным сочинителем не споря, –
Который где? Который – саундтрек
Фантазий холоднеющего моря?
В четвёртый раз заваливает снег,
По буквочке становится счастливо:
Я слышу твой с иголочками смех,
Я вижу свет… Я вру неторопливо…
В четвёртый раз у Северных Ворот
Маяк захвачен действием небесным,
Приговорён буксирный пароход
Бессмертием? – безмолвием воскресным.
В четвёртый раз шарманку крутит снег,
Расплещем жизнь в слабеющее небо,

Я слышу твой с изюминкою смех
У маяка, смотрящего налево.
…Текут слова, за музыкой плывут
Смятением приправленные крыши,
Неместный ангел? Гномиков приют?
Светильник зажигает кто-то выше…

* * *

Ладно, ладно, детки, дайте только срок.
Будет вам и белка, будет и свисток!
Алексей Плещеев

Цвета манго и мускатной дыни
Снился остров. Снились острова.
Снилась жизнь таких авиалиний,
От которой лучшая халва
И во рту, и на большой тарелке,
Только вот тарелка эта где?
Я проснулся. Ни свистка, ни белки…
Только осень старая везде.

* * *

Тончайший шорох листьев… Скоро нам
Невидимый опустит осень… Осень
Уже дохнула музыку ветрам,
Две стрелочки свела на цифре восемь.
К замостью фиолетовая мгла
Спешит на крыльях ангелов и птичек.
Ты теплоту легко с собой взяла,
Как несколько живительных страничек,
В которых ты так обольщала, что
Всё становилось образным и скрытым:
Закат стоял в костюмчике бордо,
Вышёптывал то музам, то харитам,
Которым было не до нас. Звезда
Выглядывала с дикостью такою,
Что нагота светилась без стыда
По Модильяни: белою рекою,
Темнея треугольником волос,
В молчании, которого хватало
На темноту, на летний дождик слёз,
На горний свет мажорного хорала,
Живущего в голландском сидюке,
Как гномики в дремучем подземелье,
На светик в постаревшем ночнике
И коду меланхолика Корелли,
Который – листья, шорохи, слова
Не Самого, так ангелов и птичек…
На ноготок везения – сперва,
Потом – на холод бархатных ресничек.

Портрет

В его шкафу скелеты как на выбор: в ночное время – тема хоть куда,
С бессонницей в обнимку (бес подсыпал) он из забытых
лепит города,
Открыв не дверь, но – щели Мнемозины, в которых то,
что изменить нельзя.
Стекаются забытые картины: стыдом прошиты эти паруса
Подробностей, стоят тенями возле дивана в клетку,
мёртвых словарей,
Масаи из ироко в странной позе, каких-то керамических коней.
В 4:20 демиург руками поводит странно, как лесной друид,
И – визави в зеленоватой раме, присмотришься, губами шевелит

И скалится, и обещает бездну, не бутафорский мрак,
но – шумный ад,
Как менестрель затягивает песню: слова Аида, музыка – впопад
Сюжету, что ворочается возле и демоном коричневым плывёт
(Что непонятно, объясню я после, возможно, дальше
расшифрую код).
Живее кто? Портрет? Его хозяин? Скелеты расшушукались в шкафу
И высушенный челюсти раззявил. Мотив стишка соткался на фу-фу.
Вот-вот герой покинет стены эти и выйдет в дверь,
как вариант – в окно…
Нигде не высоко на белом свете. Всего лишь шаг и – каменное дно.

Голова сновидений

В голове сновидений смеётся философ Хома.
Он женился на панночке: клады, офшоры, дома…
Вся нечистая сила с Хомой корешится повсюду.
У него на посылках каморра проворных чертей –
Так стараются, что валит дым из стоячих ушей,
Засыпают валютой иуду.

Комариные бесы несут сулею ведьмаку
Да вишнёвую люльку к пропахшему злом очагу,
На стене роковое сиянье звериных шестёрок.
Сладко демоном жить: белоручек-русалок иметь,
Распухать языком чернокнижья, ломая комедь,
Выдыхая то – Omen, то – Moloch.

Яд виверны давать от простуды шершавым кентам –
Монструозным кентаврам, мешающим бром и агдам
(Лошадиные уши, а фейсы страшил бородаты).
В голове привидений жирует отступник Хома,
Смотрит месяц галушкой, свисает широкая тьма
И скрывает вампирские клады.

«Полетай – говорит он ведьма́чке – в шикарном гробу, –
Тряхани стариной! – новобрачную вспомним судьбу,

Забабашим полёт, предадимся бездумному чувству», –
Так три ночи банкетят, играют в игрушки свои,
В перерывах, как в сгинувшем прошлом, гоняют чаи,
Колдовство приближая к искусству.

Ставят лайки «ВКонтакте» то старому сотнику, то
Неприкаянной птице, летящей в старинном пальто:
Вариант – в макинтоше, плаще, титулярной шинели.
В общем – всё как всегда: сочинитель на коде припух,
Словно бы очертил в ветхой церкви спасительный круг…
На запоре кондовые двери.

Полнолуние

...большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим.
Откровение Иоанна Богослова

Зимой он смотрит, как змеёй зима
Затягивает раны переулка,
И белый колер напрягает тьма,
И крепкий ветер голосом придурка
О смерти говорит, с которой жизнь
Так корешит, как панночка с гробами.
Он смотрит с 19-го вниз:
Весь снежный двор заполнен мертвецами
И полумертвецами: дышат, а?
Где неотложка с дошлым айболитом?
Из мира параллельного сюда,
По курсу каббалистики, транзитом
Влетают те, кто молятся ему –
Полмира разводящему дракону,
И засевают мандрагорой тьму,
И посылают к речнику Харону.
…Он впитывает темень, как сюжет:
Огромный шар, в котором скорпионы,
Клубок из чудищ недоступных недр,
И – ряд второй – когтистые грифоны.
Он долго смотрит… становясь другим,
Нанизывая глюки полнолунья,
И будто кто-то говорит над ним –
Смеётся в чёрном тощая колдунья?
Морана в тёмном, бабушка с клюкой?
Он шепчет заклинания, и монстры
Бегут в Полтаву быстрою рекой
К приспешникам уездной коза ностры.
И – остаются мальчик и старик
В одном флаконе, правильнее – в теле,
В котором жизнь смертельнее, чем стих,
В котором смерть привычнее свирели.

Neurasthenia (на безлюдной улице)

…Всё то, что для Безносой хэппи-энд,
Всё в сильном небе запросто сегодня:
Вот крупный план, вот тучи кинолент
И тусклый свет… Вот соечка Господня
Махнула мне? Придумал для себя
Я жизнь во тьме. Последним идиотом
Я там, где одинокая судьба,
Где фатум-рок глумится старым жмотом.
…Ты жив, мудак, и видишь столько, что́ –
Всё ближе Стикс и Лета с каждым вздохом…
Поправь кашне и запахни пальто,
Приметь фонарь и – продвигайся с Богом.

Маяк на мысе

Забыть континентальные слова:
Смешение архаики и сленга.
На мысе пахнет яблоком трава
И яблоком одна аборигенка…

Сбежать с материка. Сойти на мысе,
Почти необитаемом. Почти.
И выкинуть завянувшие мысли,
Как некогда вчерашние цветы.
И написать люпиновые письма
Тем мертвецам, с которыми на «ты»
Бывал, когда – соломенные листья
Ложились в запустенье темноты.

И домолчаться до условных знаков
Из мира параллельного, когда
Текут к созвездьям сны архипелагов,
Консервной банкой смотрится звезда.
И маяку сложить стихотворенье
О маяке, сигналящем во мгле:
Схватить на дактиль чудное мгновенье –
Свет корабля, как память о земле,

Которую оставил по причине
До йоты непонятной самому…
Стать зверем? Птицей? В сумрачной картине
Словариком, сверкающим во тьму? –
Хореем маяка, спондеем мыса,
Отшельником пропавшим навсегда?
Не ждущего с авиапочтой пи́сьма,
Забившего вчера на города…

* * *

Ступает Никта. Некто держит мир.
Озёрный парк в полночное отплыл…
Бредут шуты и сны Иеронима:
Знакомый в красном, в синем интроверт,
На колесе из пекла катит смерд,
Присел закат на крыше анонима.

Сказания библейские в кустах
Тёмно-зелёных, тянет когти Страх,
В пахучей мгле забудешь имя девы,
С которой жил на крепких берегах,
Ловил снега, кутил на облаках,
Как сын Адама, попадался в дебри:

То – Змий меня, то – местный василиск
Читать учили бестиарий. Диск,
Желтеющий вверху, до йоты в теме.
Великий бес над нами молча ржёт,
Листает бред да кушает компот
Из сухофруктов: старый мерин в теле!

Ступает Никта. Некто держит мир.
Художник свет лютнисту потушил,
Пророчества в подушку сунул детям.
Что бросит нам? Что высмотреть пора? –
Алхимия морочит до утра…
По курсу мифологий и приметам –

Кому – лафа, кому – нескучный ад,
Жужжащий мухой и встающий над…
…Как по приказу души танцевали,
Впуская то, что днём бы никогда…
Кричат зверьём в потёмках поезда,
И мы зверей, как музыку, прощали.

Проза

Павел КРЕНЁВ

Родился в 1950 году в деревне Лопшеньга Архангельской области. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, факультет журналистики Ленинградского госуниверситета, Высшие курсы КГБ СССР, аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук.

Работал в СМИ, служил в органах государственной безопасности, преподавал в Академии безопасности, занимался научной работой, руководил группой научных сотрудников и консультантов Министерства безопасности РФ по вопросам разведки и контрразведки. Работал в администрации Президента РФ в Главном правовом управлении, занимал ряд других должностей на государственной службе.

Автор 13 книг, лауреат всероссийских и международных литературных премий фестивалей «Русские мифы», «Золотой витязь», имени Николая Лескова, Александра Невского, Союза писателей России. Заместитель председателя Союза писателей России. Живет в Москве.

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Егерь Мелентьев, когда выпьет, очень добрый, и все этим пользуются. Такое наобещает... И, что самое для него плохое, – помнит на другой день, чего наобещал. Конечно, во время охоты – нн-ни и упаси господи, чтобы чего другого там, кроме чая из термоса. Но мужик он простой и честный и, помня обещанную накануне «королевскую» охоту, всегда мучается страшно. А потреблять эту самую «горькую» приходится егерю куда как часто. Есть на то несколько причин. Главные из них две. Первая: Мелентьев до нее охоч сам. Вторая: егерский обход у него один из самых богатых (если не самый) в охотхозяйстве и желающих побывать на его базе предостаточно. А это, само собой, означает пред- и послеохотные посиделки, разговоры, то да се...

Вот опять. Егерь только что пришел из бани и, раскрасневшийся, осоловелый, с капельками пота на лбу, присел было с сыном к накрытому столу, как – пожалуйста! Стрельнули светом по стеклам фары подъехавшей машины, и сразу залаял, загромыхал у крыльца цепью Амур.

– Леший несет! Поесть с семьей не дадут, – заерзала на стуле Татьяна, жена Мелентьева, давно, впрочем, привыкшая к таким вот вечерним наездам охотников.

– Ну, ты эт, не скандаль – работа... – привычно, с равнодушностью, больше для порядка возразил егерь и, сняв с гвоздя военную, с егерской кокардой шапку, плюхнул, ее на непросохшие, причесанные назад волосы.

Около базы, уже въехавшая в калитку, стояла легковая машина «Волга» черного цвета.

«Солидный кто-то, начальство, может», – прикинул для себя Мелентьев и на всякий случай приосанился, поправил шапку, сунул руки в карманы; шубу, однако, не застегнул, так и подошел с распахнутыми полами, трезвый и серьезный. Как и положено.

В машине сидели трое. Первым действительно выскочил представитель руководства – старший охотовед Тарасов, прямой начальник егеря Мелентьева, пухлый, вечно добродушный и говорливый. Раскинул руки, полез обниматься, от машины закричал:

– Алекса-андр Трофимыч! Лучшему егерю привет!

Но, обхватив Мелентьева, зашептал страстно-торопливо:

– Выручай, Трофимыч, инспекторская проверка... Надо сделать охоту по высшему!

Опытному егерю чего долго объяснять: надо так надо. Мелентьев заулыбался и стал ждать дальнейших распоряжений.

Машина немного еще пофырчала и умолкла. Вылез шофер, щуплый и востроносенький, в пыжиковой шапке и унтах, мельком кивнул егерю и пружинно, с вальяжностью прошелся к багажнику. «На управляющего трестом тянет, – подумал Мелентьев, – не меньше».

Потом вышел последний, третий пассажир. Лет пятидесяти, высокий, в меховой куртке и валенках. Он подошел к егерю, просто улыбнулся, протянул руку и представился.

– Юрий Николаевич.

Улыбнулся еще раз, по-доброму так, как старому, проверенному в переделках другу, и добавил: Алексеев.

«Кто же из них проверка?» – недоумевал в первую минуту Мелентьев. Но потом Юрий Николаевич дружелюбно и спокойно сказал «управляющему трестом»:

– Витя, барахлишко мое не забудь в тепло забросить, ладно?

И тот заторопился у багажника, суетливо стал навешивать на плечи пакеты, рюкзаки, ружье... Мелентьев понял тогда, кто из них главный.

Тарасов хлопотал тоже. Он громко хвалил Трофимыча за то, что хорошо протопил базу, что подметены полы, что работает холодильник.

– А мы туда их сейчас, голубушек, чтоб со слезой было!

И засовывал бутылки в морозилку.

Койку Юрия Николаевича он пододвинул ближе к печке и застелил сам. Тот, правда, протестовал, но старший охотовед деловито урезонил:

– Вы еще не знаете местных условий.

Потом было застолье.

Кто из охотников не любит этого священнодейства, этого неизбежного, сладостного атрибута лесных вылазок, когда позади пыльный, утомивший город, а впереди страсть новой охоты, встреча с чистотой леса, природы.

Егеря, как и положено, усадили в торец стола, на почетное место, первый тост подняли тоже за него. Это традиция. Тарасов встал, поднял на уровень плеча руку с бокалом, по-гусарски согнул в локотке и в короткой приветственной речи отозвался о Мелентьеве как о егере, который «может организовать любую охоту» и с которым «просто приятно иметь дело».

Потом еще и еще раз выпили за егеря, за его здоровье и благополучие, за жену, «тетю Таню», за детей. Мелентьев разомлел и, как обычно, подобрел. Глаза у него заискрились, пот со лба полил гуще. Слышать в свой адрес тосты ему нравилось, но егерь старательно

скромничал и, каждый раз подымая стопку, подбоченивался, махал свободной рукой.

– Да ла-а...

– Не ладно, а так и есть! – шумел энергично тостующий Тарасов.

А Юрий Николаевич тихо, но твердо добавлял:

– Со стороны виднее, Александр Трофимович.

Шофер Витя в разговор не вступал, только сосредоточенно жевал, кивал головой и все больше багровел от выпитой водки.

– А где сын-от? Ванька-то? – всколышился старший охотовед. – Соврал бы чего, без него не компания.

– Да заче-е... – протянул Мелентьев, морщась и улыбаясь одновременно. Ему было приятно, что вспомнили и о Ваньке, о сыне.

– Какой еще Ванька? Зачем? – спокойно спросил Юрий Николаевич у Тарасова.

Тот осекся, но вытаращил глаза и зашептал торопливо:

– Нужен он завтра будет, нужен!

Юрий Николаевич слегка выпятил нижнюю губу и посмотрел на Тарасова как на человека, который чего-то недопонимает.

– Все равно, зачем?

Тарасов кокетливо покашлял, сконфузился, будто засвидетельствовал Алексееву, что «да, мол, недотепа, не сообразил сразу», и поднялся провозглашать новый тост.

Мелентьев не обиделся: тут дело серьезное – инспекторская проверка, Ванька только помешать может в важном разговоре, нагородит чего лишнего...

Пошли-потекли разговоры, охотничьи истории, байки.

Единоличным рассказчиком выступал старший охотовед, знавший бессчетное количество всяких случаев. Юрий Николаевич слушал его заинтересованно, машинально вкладывал в полуоткрытый рот изюмины, лежащие под рукой на тарелке, иногда вздрагивал и неожиданно хохотал. Водитель Витя не слушал, он убрел спать, после того как Алексеев мельком намекнул ему, что завтра Витя должен быть свежим.

– В соседнем обходе волки-людоеды появились, – распалился Тарасов, – на Сосвенском озере двух мужиков съели.

– Как? – охнул Юрий Николаевич.

– Порыбачить задержались на ночь, налима взять, ну и порыбачили, одни лунки от них остались.

«Во завирает!» – думал о Тарасове Мелентьев. Сосвенское-то рядом. Уж он-то знал бы. Но не встревал егерь в эти байки. Пусть соврет – без этого какая охота! И на душе у него было хорошо.

– Ну, а как с дичью у вас в этом году? – спросил вдруг у егеря Юрий Николаевич.

Тарасов насторожился.

– Не хуже, чем раньше, а то и лучше. И кабан есть, и лось, тетерева прибавилось.

– Ну я же говорю – лучшая база,– поддержал старший охотовед и заподмигивал егерю. – Ну а берлога-то дышит у тебя?

– Какая берлога? – уставился растерянно на Тарасова Мелентьев.

– Да в декабре-то сказывал, помнишь?

– А разве вы, это, не на кабана? Такой разговор, помню, был.

– Какой кабан, Трофимыч? Охренел на старости! – захохотал Тарасов. – Загон втроем не сделать, в засидку – холодно. Ты берлогу давай, берлогу!

Юрий Николаевич тоже улыбнулся:

– Да уж за этим приехали.

Про лицензию Мелентьев не стал спрашивать – несолидно.

– Кха, сделаем, – сказал он четко после некоторой заминки. – Будет охота по высшему классу.

Последний тост поднял Юрий Николаевич:

– За успех нашего безнадежного мероприятия!

Тарасов рассмеялся, и все выпили.

...Покачивающегося егеря старший охотовед проводил до избы. У крыльца завыспрашивал:

– Чего ты мнешься, Трофимыч. Медведь-то лежит?

– Да лежит, проверял. Пар идет.

– Ну дак че тогда?

– Да, понимаешь, осенью в тех местах медведица с детенышами жировала. Может, она и залегла...

Тарасов толкнул егеря, локтем в бок, хохотнул:

– А нам-то чего, обратно из-за твоих следов взад теперь ехать? Ты че это, старый!..

Потом приблизился к Мелентьеву и задышал чем-то едким:

– Понимаешь, Трофимыч, мне этот мужик во как нужен. Власть у него большая, путевки на Золотые Пески по самой дешёвке обещал...

– Ты же говорил – инспекция, не понял я тогда...

– Какая тебе разница, Александр Трофимович, – Тарасов понял, что ляпнул лишнее, поднял голову и перестал шептать. – Документы есть, все по закону. А за мной не станет, ты же знаешь...

Когда Тарасов ушел, егерь постоял, поглядел на густо разбросанные по небу звезды, покурил.

У будки вилял хвостом Амур и улыбался хозяину.

Погода на другой день выдалась дивная на редкость. Из дому вышли, когда в воздухе висели зябкие сумерки, немного просвеченные сиренью, которая выливалась на землю из узкой полоски света, лежащей на восточном горизонте. Сначала шагали на лыжах по полю. Снег, просушенный морозом, похрумкивал под ногами, как поросенок, тонко и упружисто. Гнетущая души тяжесть утреннего похмелья потихоньку вытеснялась свежестью загородного воздуха, приливающей бодростью, ожиданием скорой охоты. Когда подошли к лесу и поднялись на небольшой пригорок, кромку неба на востоке прорезало острое ребро солнечного диска, его окровавленный, слепящий край разбрызгал по земле и лесу розовую краску, разделил поле на свет и тень. В лесу началась дорога, почти не заметенная позавчерашней метелью, охотники сняли лыжи, обстукали снег и, положив их на плечи, двинулись дальше пешком. Тарасов совсем ожил и болтал опять без умолку.

Минут через сорок остановились, надели вновь лыжи, и егерь повел охотников к берлоге.

Мелентьев нашел ее по каким-то только ему известным признакам. Показал издалека: вон, мол, под упавшей сосной. Но никто ничего не увидел. Простой снежный завал, какие в лесу на каждом шагу, рядом пройдешь – не заметишь.

Посидели в отдаленье, покурили, отдышались, перешли на шепот. Егерь сделал короткий инструктаж: где кому стоять, как действовать. Выходило, что водителю Вите как безружейному не доставалось никаких обязанностей. А он и обрадовался, даже заулыбался, сказал только:

– Если чего, подсоблю.

И закутался глубже в шубу, сунул ладони в рукава, как в муфту, присел на валежинку и затих.

Мелентьевский сын Иван вырубил из длинных молодых елок две слеги, обтесал их, тоже присел покурить.

Но Юрий Николаевич заерзал вдруг, повернулся в сторону берлоги, и Тарасов занервничал.

– Давай, Трофимыч, пора уж...

– Давай так давай.

Мелентьев поднялся, разломил ружье, вставил в стволы две пули. Все сделали то же самое.

Охота началась.

Стрелков егерь расставил так: сам стал у самой берлоги, у торчащего из-под снега комля, остальные расположились вдоль ствола засыпанной снегом сосны: метрах в пяти от Мелентьева – Тарасов, потом Алексеев. Иван с кольями влез на комель с наружной стороны и поглядел в дыру, из которой еле видимыми прозрачными клубами шел пар.

– Видишь чего? – прошептал Мелентьев сыну.

– Чернеет чего-то, шерсть вроде.

Стрелки щелкнули предохранителями, выставили стволы наизготовку.

– Торкай! – приказал егерь Ивану.

Иван сунул конец кола в дыру и начал торкать.

Тут же из дыры раздались рассерженные, хрюкающие звуки. Над берлогой взметнулся снежный взрыв. Из белой пыли выкатилось что-то черное, маленькое, закувыркалось мимо стрелков.

– Не стреляй, дите! – заорал Мелентьев.

Выстрел раздался тут же. Медвежонок напротив Юрия Николаевича перевернулся через голову и затих.

Второй медвежонок, выпростав из дыры тело, побежал не сразу, а посидел чуток, пощурился на свет и неуклюже запереваливался в прыжках по глубокому снегу.

– Не стреляй! – прохрипел Мелентьев.

Медвежонок не добежал до брата совсем немного. Выстрел остановил его шагах в двух от него.

– Вот это стрельба! – взвизгнул Тарасов.

Из берлоги вдруг раздался рык, от которого с елок заструился снег. Не сверху, а сбоку сугроба высунулась огромная, когтистая лапа, потом круглая голова с красной оскаленной пастью, и гигантская бурая туша, разбрасывая снег и коренья, широкими махами помчалась в лес.

В медведицу никто не стрелял. Поглядев направо, где стояли Тарасов и Юрий Николаевич, егерь не увидел их. Он вынул из стволов пули и сел прямо в снег. Иван слез с комля, подошел к отцу и сказал:

– Ну и маманя...

Полез в карман за сигаретой. Руки у Ивана дрожали.

Откуда-то сзади, из-за деревьев вышли старший охотовед с Алексеевым, сразу двинулись к медвежатам. Приподняли того и другого над снегом, потрясли.

– Шкеты, – оценил Тарасов, – не могли уж побольше мяса нагулять. – И рассмеялся.

С медвежатами в руках они подошли к егерю и Ивану, бросили добычу в круг. Медвежата упали друг на друга.

– Ну, Трофимыч! – хохотнул Тарасов. – Эх, сейчас бы «на кровушке» отметить. Где у нас Витя с запасами?

Старший охотовед был в отличном настроении. Егерь сидел на снегу, глядел куда-то в одну точку, не реагировал.

Потом Мелентьев, с кряхтеньем опираясь на ружье, поднялся, переступил медвежат и шагнул к Юрию Николаевичу, уставился ему в глаза.

– Вы... у тебя дети есть?

– Есть, конечно, как и у всех, – спокойно ответил Алексеев. И покашлял в кулак.

– А ты привел бы их сюда. Приведи, а!

– Что это вы, зачем?

– А мы твоих зверят тоже, как и ты этих...

– Что это вы себе позволяете!.. – Юрий Николаевич отступил на шаг и побледнел. – Вы что сравниваете?

– Это ты что себе позволяешь, сука! – Мелентьев шагнул к Алексееву и ткнул его стволами в грудь. – Ты думаешь, тебе можно тут... если ты начальство!

Между егерем и Юрием Николаевичем кинулся Тарасов, но Мелентьев его отшвырнул.

Егерь сгреб Алексеева за рукав и потянул к берлоге.

– Полезай в дыру, гнида! Я тебя торкать буду...

На егеря набросились Иван и Тарасов, оторвали от Алексеева, посадили в снег. Иван стянул с отца шапку, зацепил пригоршню снега и приложил ему ко лбу. Егерь перестал рваться, затих, только сказал:

– В инспекцию все равно сообщу.

На обратном пути Тарасов и Юрий Николаевич шли далеко сзади. Алексеев выговаривал старшему охотоведу:

– Ты куда меня привез? К сумасшедшему... На людей бросается... Я все понимаю, но есть же предел... Вдруг и вправду в инспекцию полезет...

Тарасов сокрушался.

– Да-а, надо снимать, возомнил из себя...

Юрий Николаевич с этим соглашался.

Водитель Витя плелся позади всех. Он тянул привязанную к лыжам добычу.

Татьяна засомневалась.

– Может, не надо будить-то? Намаялся за день и не в духах он чего-то.

Но Тарасов и слушать не стал.

– Какой же ужин без егеря, да еще после охоты!

Подошел к печке, пощекотал, подергал егеря за ногу.

– Вставай, вставай, хозяин, водка прокиснет...

Только присели за стол, Тарасов торопливо разлил по первой. Плеснул сначала егерю, потом уж Юрию Николаевичу и себе. Мелентьев сидел смурной и неразговорчивый. Тост в свой адрес как за «организатора и вдохновителя» воспринял молча, только сильно зашабарчал вилкой по тарелке, сгребая в кучу лук.

После второй он как будто пообмяк, лицо пригладилось и порозовело, на нем ясно проявилась готовность к обсуждению, к диалогу. Он оглядел охотников и начал первым:

– Семью ведь порушили, зачем, а? Медведица-то мамашка погибнет теперь. Корма нету...

Тарасов обрадованно встрепенулся. Закачал головой:

– Постарел, Трофимыч, ох и постарел! Да вернется твоя мамашка, ляжет опять! Что она, дура – по лесу шастать, когда жрать нечего! Поумнее нас с тобой будет. Верно я, Юрий Николаевич?

Тот часто закивал головой.

– А вот не завалил ты ее зря, Трофимыч, – азартно добавил Тарасов, но, перехватив потяжелевший взгляд егеря, тему продолжать не стал. Он поднялся с налитой рюмкой и сказал торжественно и серьезно:

– За егеря нашего, за благодетеля, за его мастерство!

Дальше разговор пошел раскованнее, неловкость и натянутость пропали. Тарасов куражливо внушал Мелентьеву:

– А ты – в инспекцию, мол! Нужны они там больно, шкеты эти. Глядеть не на что, вдвоем на одного пестунишку не потянут. Будут разбираться с ними в инспекции, жди...

Водитель Витя в застолье не участвовал. Он спал в салоне «Волги», потому что получил указание Юрия Николаевича подготовить ее к выезду.

К концу ужина егерь был тяжел. Он глядел на гостей осоловелыми, умильными глазами и все повторял:

– Хорошие вы ребята, а... Приезжайте, а... Охоту сделаю, как надо.

Охотники уехали. Мелентьев сидел, обхватив голову руками, в торце стола среди пустых бутылок, грязной, посуды... один...

Егерь Мелентьев очень добрый, когда выпьет.

Надежда ПЕРМИНОВА

Родилась в Маньчжурии. Окончила Кировский педагогический институт и Высшие литературные курсы Литинститута. Работала на телевидении, в бюро пропаганды художественной литературы, референтом Кировской организации Союза писателей России.

Поэт, прозаик, очеркист. Автор более 25 книг – стихов и прозы, книг о народных художественных промыслах. Лауреат двух Всероссийских премий: поэтической им. Н. Заболоцкого, им. Н. Карамзина «За отечествоведение». Заслуженный работник культуры РФ. Её имя занесено в Почётную книгу Союза женщин России.

Член Союза писателей России. Живет в Кирове.

САШКА

Чтобы рассказать историю появления в деревне Валки черного Сашки, или, как его зовут, Сашки-Африкашки, надо прежде всего поведать о его матери, деревенской любимице Ольге, и главной его мамке – Ульяне Зотовне Зотовой.

С нее и начинать надо – с Зотовны. Родом она не из этих краев. Привез ее Пашка Зотов с Севера, где работал пятнадцать лет на рыбе. Вернулся он на родную землю инвалидом и вскорости помер. Осталась Зотовна в новорубленом доме с тринадцатилетней девкой Людкой. Сама крупная в кости, белая телом, спокойная лицом и черная волосом. И дочь в нее, только вот ростиком не вышла. Людка недолго задержалась в Валках. После восьмилетки уехала в город учиться на маляра да и осталась там. Правда, вышла попервости замуж за парня тоже из Валков – Геню Косых, с которым вместе работала на стройке.

Три дня поплясала деревня на свадьбе, а через год с небольшим получила Зотовна подарочек – рыжую да крепкую, как молодой боровичок, внучку Ольгу. Не пожилось молодым вместе, разбежались они из общежития по разным углам. И дите не понадобилось.

Зотовна работала тогда в детском саду и за истопника, и за завхоза, а то и за стряпуху или за нянечку – ребятишек она любила. Садик маленький, а она баба разворотливая, до работы хваткая, незаменимый человек. Так Ольга при ней и росла. То, глядишь, за хлебом на телеге вместе едут – девчонка песни поет, то дрова к печам следом за бабкой носит, за пороги запинается. Даром что в детсаду числилась, а все как хвостик за Зотовной, воспитатели рукой махнули.

Бабка от нее без ума: как же, ее Олюшка краше всех. Вылитый дед Павел, глаза голубые, и волос рыжий, густой, тело налитое, румяное.

Вот на этой почве у них с бабкой Косых шла война. Геня, Ольгин отец, тоже рыжий. Но порода ихняя, как считала Зотовна, вывелась: худосочны все, веснушками как мухами засижены, и глаза, словно у котов, рыжие.

Олюшка, как подросла, сама стала бегать к отцововой бабке, известно, что ласковый теленок двух маток сосет. Родители о ней не больно пеклись. Отец вскорости женился, да и мать, помыкавшись одна, нашла себе пару и родила двойню – двух парнишек. После этого в Валках ее почти не видели.

Олю знали и любили здесь все. Ласковая да услужливая, на ногу легка да на язык бойка – в Зотовну. Куда сбегать: на почту или в магазин, – соседки Олю кличут. Сено ворошить, картошку копать, как же без нее? Она и сама тут как тут. Одно подаст, другое отнесет. Да рассмешит всех. В клубе ни одно выступление без нее не обойдется, про всех басни расскажет, и про пьяницу, и про лодыря, и про начальство. Да с ужимками – все от смеха за животы хватаются.

В сельской школе Олей тоже не нахвалятся. Нет, не за оценки, хотя и училась она хорошо, – за общественную работу. Подросла, всю пионерию на себя взяла. Правда, бывали и у нее промашки. Раз на гороховом поле бригадир весь отряд с нею во главе застукал, ну да с кем такое в детстве не бывало!

Вот так жила-поживала Зотовна с внучкой, надеялась на свою Олюшку (близнецы после того, как Ольга наокупывала их в речке, глаз в деревню не показывали) и не знала, что разлука не за горами.

Новенькая учительница английского языка написала матери Людмиле письмо в город с тем, что у ее дочери большие способности к иностранным языкам и девочку надо учить в специальной школе.

Людмила с этим письмом сходила куда надо, и пришлось Ольге ехать в эту специальную школу-интернат. Но она не унывала. И на каникулы, и на выходной спешила в Валки. Бывало, переметет все дороги пурга, и мороз лютый, а она в ночь приедет на электричке до ближней станции и спозаранку на дороге голосует. Зотовна только еще встает, а в двери уже тук-тук – Олюшка вваливается. Нос морковкой красной, вся в снегу, и к Зотовне на шею: «Бабулюшка ты моя!»

Все в доме перестирает, перемоет, у кабанчика вычистит и бабкиных подружек рассмешит: начнет песни по-иностранному, заковыристо так, что язык сломаешь, петь да по-ихнему же плясать – ужом извивается. Точь-в-точь как в кино.

Огород засеять да убрать, дров наколоть – тут Зотовна без нее ничего делать не смеет – рассердится девка.

Красивая вымахала. На голове стрижка модная, а волосы сами по себе как огонь, так и в областной парикмахерской не выкрасят. Телом в Зотовну – статная да белая. Но парни деревенские ее побаивались. На язык больно остра, да и умна не в пример многим. В международной политике не хуже завклубом разбирается. Все же как-никак из специальной школы девка.

Солнце всходит да заходит, и годочки все летят. В тот год, как Ольга десятилетку кончила, и весна, и лето стояли дождливые, дорогу развезло, и с месяц Зотовна не видела внучку. А тут глянь: солнечный день, и Олюшка у крыльца в платье белом, газовом, в прическе завитой. Эдакая принцесса, а босиком, и ноги в грязи по колено. Прямо с выпускного, добиралась на попутке, а с шоссейки напрямки километра три бежала. Смеется, счастливая.

– Ты еще жива, моя старушка?!

Бабка в слезы от радости:

– Ну, внучка, теперь уж насовсем ко мне...

– Да нет, бабушка, – сама ноги в корыте моет и кричит Зотовне: – В Москву поеду...

– Это еще зачем? – Зотовна так и села на крыльцо.

– Поступать в Институт дружбы народов, там иностранцы учатся. Зря я, что ли, над инглишем сохла?

– Лихо ты мое, – запричитала, словно учуяла неладное, Зотовна.

А Оля ее тормошить:

– Ну, ну... туда, знаешь, как трудно поступить. Может, еще провалюсь на экзаменах... Вернусь к тебе назад, замуж за кого скажешь выскочу, нарожаю тебе ребятишек полный дом...

Смеется, заливается, и бабка вместе с ней заулыбалась.

– Ну, ну, Емеля...

– А если поступлю да выучусь, тебя в город заберу. Телевизор самый лучший купим, будешь в кресле мягком сидеть да поглядывать.

Что девку держать, если башковитая. Зотовна и сама понимала, что образование в наше время – большое дело. Да уж больно далеко – в саму Москву. Попечалилась Зотовна, но и погордилась. Глядишь, внучка ее в школе учить ребятишек станет.

В первые же каникулы приехала Оля. Ох, и рассказов было, в клубе весь вечер просидели, кино крутить не стали. Но посерьезнела девка. Приберется по дому – и за учебники. Разве что сбегает в детсадик, Зотовне что поможет. Той теперь какая пенсия – Олюшке помогать надо, из всего выросла, а одеть-обуть нынче чего стоит. От матери немного перепадало: на руках два сорванца да мужик пьющий.

К лету пришло письмо из Москвы от Оли. Пишет, бросай детсадик, бабулюшка, отдыхай. Я нашла себе на все лето подходящую работу, приеду в Валки только к осени, и то ненадолго. Посокрушалась Зотовна, лучше бы в Валках подрядилась, работы здесь полно, пожили бы все лето вместе, она бы насмотрелась на свою красавицу. Да оказалось, что подрядилась Оля не только на лето, но и зимой вечерами, после учебы работать станет.

В конце августа появляется наша Олюшка. Бабка так и обмерла: внучка ее в штанах иностранных, на заду все исписано.

– Да ты что, бабулюшка, они пять твоих пенсий стоят...

– Да что пензия, наши слезушки. А вот ты лучше бы лапотину каку себе справила...

Но послушалась ее Оля, по деревне в джинсах не ходила, только в клуб к молодежи. Валки, конечно, – деревня в стороне, но молодежь уже моду переняла, кто в кино увидел, кто из города привез. Девки тоже в штанах щеголяют, но таких обтяжных ни у кого не было.

Штаны штанами, но и бабке Оля всего навезла: и штапеля на платье, и платок теплый клетчатый, и конфет всяких, и чаю индийского.

По второму году уже не приезжала Олюшка, только письма да посылки присылала. И от бабкиных переводов наотрез отказалась.

Но не больно поотдыхала Зотовна. Всего-то один годок с небольшим. Как-то в феврале приходит от Оли телеграмма, мол, жди, скоро буду. Зотовна, конечно, истосковалась, рада-радешенька, шанег напекла и пельменей наморозила.

И вправду, вскорости у калитки «газик» встал. Идет ее Олюшка, в беремях вещи несет, и Петька-шофер из района – чемодан за ней следом. Вот как стала Олюшка приезжать – как городская дама.

Бабка двери настежь: добро пожаловать, дорогая гостюшка!

Та вещи на диван и к бабке на шею, плачет-ревет да смеется. И Зотовна с ней в голос. Петька посмотрел на этот бабий концерт, рукой махнул да из избы.

И тут Зотовна слышит, на диване словно кто замяукал. Ольга бросилась пальто снимать, а у Зотовны сердце так и упало. Не зря ей вещие сны снились, чуяло сердце, что с девкой что-то неладно.

Так и есть. Развязывает Ольга сверток, одеяльце, простыночки...

– О, лишенько ты мое!.. – запричитала Зотовна.

– Да тише ты, не пугайся, бабулюшка... – успокаивает, а сама возится с ребенком, – ты погляди лучше на парнишечку...

Зотовна подошла да так и ахнула: на белых да кружевных простыночках лежит ребеночек месяцев четырех – весь-то с ног до головы черненький, лишь ладони да следочки срозова. Она перекрестилась и зажмурилась: уж не пригрезилось ли ей.

А Оля подгузники мокрые меняет, ребеночка то спинкой, то животиком переворачивает, да ласково так приговаривает:

– Ты не бойся, бабулюшка, у него все такое же, ты погляди... Ну, шоколадненький, в папу... Вот плачет маленький, есть хочет, у мамы молока мало, не хватает бедненькому... сессию сдавала, понервничала, и молоко пропадать стало... вот и приехали к бабулюшке в деревню, куда же нам еще ехать...

– Ой, горе-то какое, – только и выдавила из себя Зотовна. – Что ж ты, девка, наделала!

А Оля парнишечку спеленала, грудью кормит, целует в головку и тихо Зотовну, как дитя малое, поучает:

– Какое же горе – человек родился, правнук твой. Сашкой назвали, как Пушкина. Говорят, смешение кровей полезно, детишки талантливые получаются.

– Дак что, Оля, в Москве русские-то парни перевелись?..

– Так уж случилось, бабулюшка, вместе учимся. Мир да дружба. Зачем же политику нарушать...

– Ох, не до смеха мне, девка... вон у нас бабы – в деревне, да и то от ребенков избавляются... сходила бы и ты... к доктору...

– Жалко мне стало. Меня вот родили, и я живу, хотя и не очень-то кому нужна была, кроме тебя. Хотела пойти, а потом думаю, что, мы с тобой не вырастим, что ли?

– А что же отец-то?

– Да он хороший... я фотку привезла, достань, вон в сумке, посмотри... И замуж зовет, и покупает все...

Зотовна достала фотографию, на которой, прислонившись к дереву, стоял высокий, с кудрявой шапкой волос, одетый, как артист из кино, негр. Лицо у него было широкое и грустное. И, мысленно перекрасив его, бабка даже нашла в его лице небольшое сходство с Олей, но тут же, в каком-то испуге от своих сравнений, отбросила эти никчемные мысли.

– Ну дак чего же?!

– Бабулюшка, ну как же я тебя брошу, старую! Выйдешь замуж, значит, и в Африку с ним надо ехать, а у них там сейчас – ой-ей-ей, за независимость борются. Да и какая же мне Африка, когда я и в Москве-то только Валки во сне вижу. И он здесь не останется, его тоже понять можно.

Зотовна так и похолодела от мысли – куда ж это она, старая дура, свою Олюшку чуть не спровадила? Пусть уж лучше этот парнишеч-

ка... С ума сойти: Олюшку в Африку... еще не хватало. У нее полегчало на сердце, и она засуетилась, побежала на кухню собирать на стол. У девки молоко пропало, да с дороги, а она с упреками и не покормит. Совсем ополоумела... И чего убиваться... Приехала жива-здорова, и ребенок, слава богу, видать, здоровенький, угомонился, сопит...

Назавтра в Валках все от мала до велика уже знали, что за подарочек привезла Ольга на этот раз Зотовне. Бабы засокрушались поломанной судьбе, но нашлись среди них и такие, которые и порадовались, что рыжая бестия не больно высоко прыгнула в Москве, позарилась на иностранца за деньги. Молоденькие девчонки, те вроде бы даже завидовали. Одна так и сказала: «Уж лучше культурный иностранец, чем пьяница», за что схлопотала от матери ухватом.

Бабка Косых – та обрадела. Раз пять за день в магазин за хлебом бегала, чтобы попричитать там:

– Зотовская порода! Тут уж как ни бейся, хоть заучися, все одно гулящие...

Только одна Зина Бердникова, бывшая одноклассница Оли, отнеслась к этому событию преспокойненько.

После школы Зина училась в районе на бухгалтера, вернулась обратно в Валки и вышла замуж за соседа Зотовых – Ивана Бердникова, только что демобилизованного. Сейчас сидела дома после родов, раздобревшая, налитая здоровьем, покоем и лаской. В первый же вечер она прибежала к ним в дом со своей двухмесячной пухлой и сонной Марьей Ивановной. Как ни в чем не бывало, сразу бросилась к Сашке.

«Знала», – с обидой подумала Зотовна.

Целый вечер подруги трещали как сороки: о прививках, присыпках, прибавках. Узнав, что у Оли пропадает молоко, Зина, к удивлению Зотовны, не раздумывая расстегнула свою цветастую готовую лопнуть от переполненных грудей кофточку и принялась кормить черного парнишку. Да еще и радовалась:

– Вот спаситель мой. А то я замучилась: перегрубают, спать не могу, а Марья одна не справляется.

Так и повелось. То Зина прибегала кормить Сашку, то Оля, укутав его, бежала к Бердниковым.

А деревня все пережевывала неслыханную новость, и каждому не терпелось взглянуть на негритенка. Одна за другой то за солью, то за спичками, то за какой-нибудь травой стучались бабы в двери. Но Зотовна, сердясь, их дальше порога не пускала. Ольга же, казалось, не обращала на это никакого внимания и даже иногда, когда Сашка не спал, сама приглашала соседок в горницу и показывала своего «африкашечку». Те, поддерживая разговор, все пялили глаза на ребенка, и Зотовна не раз видела, как старухи, уходя, крестились. Тогда бабка уходила в закуток, за русскую печку, и вытирала там занавеской свои улитые слезами щеки.

Постепенно интерес к черному ребенку и разговоры поослабли, и Зотовна начала успокаиваться. Помогая Ольге купать малыша, она грела воду, устанавливала ванночку, подавала нагретые у печи простынки, но никогда не брала правнука на руки – не могла. Однажды внучка ушла на почту за посылкой от африканца. Зотовна раздела гулькающего малыша, погладила руками все его и совсем не черное, как ей показалось попервости, а светло-коричневое, мягонькое и беззащитное, как у всех детей на свете, тельце, разжала сжатые в кулачок пальчики и, видя, как он, прижав ножки к животику, следит с интересом за ней, загулькала,

как все матери и бабушки на свете. Он словно ждал от нее именно этого, растянул свой пухлый рот в улыбке и пустил слюну.

Сердце ее обмякло. Похлопывая и поглаживая, стала она одевать его во все белоснежное, мягонькое: распашоночки с яркими картинками на груди, ползуночки, дивясь на иностранное. Завернув ножки для тепла в одеяльце, она впервые взяла своего правнука на руки и села у окна.

Ольга с двумя посылками в руках пнула калитку и вошла во двор. Увидев их в окне, так и расцвела вся.

Черный папа оказался заботливым: он прислал в далекие Валки консервов, детского питания и ей, старой, дорогую шерстяную кофту.

– Маде ин не наше, – смеялась Ольга, – носи, пока морозы.

Но Зотовна, помяв в руках дорогую, красивую, каких она отродясь не нашивала, вещь, все же положила ее в сундук. Не надевалась кофта – не к сердцу была.

Каникулы тем временем подходили к концу, и Оля заметно скучнела. Приболел маленький, и они задержались еще на две недели.

У Зотовны разрывалось сердце, не раз она заводила разговор о том, что уж лучше бросить институт или хотя бы на время уйти из него, должно же понять начальство, там, небось, тоже люди сидят... Но Оля стала собираться.

Тут в дело вмещалась Зина. Пришла вечером, как обычно, со своей Марьей Ивановной, а на этот раз еще и с Иваном, и зачастила, обращаясь к Зотовне:

– Что, бабулюшка, оставляй его себе. Вон какой тихий парнишонок. Станут там его по общежитию таскать, в случайные руки совать – испортят. И от искусственного питания болячки замучают. Дите хорошо, пока глаз с него не спускаешь. Положим их вместе с Марьей Ивановной, вдвоем-то веселее расти, ты за ними доглядывать станешь, а я простирну да покормлю...

– У ней, как у дойной коровы, – засмеялся Иван,– на весь детсадик хватит, глядишь, на джинсы заработает...

– У иностранцев такого размера нету, чтобы на меня... – подхватила, ничуть не обидевшись, жена.

– Ой, да уж как же... – растерялась Зотовна от столь неожиданного предложения, но взглянула на тревожно ждущую Олю и поняла, что неспроста Зинка пришла с Иваном, которого соседка почитала за серьезность и домовитость.

Через два дня Оля уехала, и вскоре пришла необычная посылка – большой детский манеж, который установили в горнице у Зотовых. С утра запускали туда чернокудрого Сашку с белобрысой Марьей Ивановной, и весь день крутилась Зотовна у этого манежа, как пчелка у блюдца с медом. Зина тем временем бегала в магазин, стирала, готовила, шила, управлялась по хозяйству в обоих дворах. К ночи приходил Иван, и они уносили ребятишек к себе.

Зотовна оставалась одна. Поначалу болели руки, ныла поясница, но сон был мгновенный и крепкий. Утром она просыпалась, и сразу ее обступали насущные заботы, и она вскакивала так бодро, как лет двадцать назад. Целый день был заполнен у них с Зиной заботами о ребятишках: то из носу потекло, то зубы режутся, то животиком который-нибудь мается. Иван смастерил двухместные санки и катал малышей уже по последнему снегу.

До летних каникул раза два ненадолго приезжала Оля, похудевшая, погрустневшая... Привозила ребятишкам наряды, теперь уже парные.

Одетые в новенькое, одинаковое, кудрявый мальчишка и белоголовая девчушка вызывали теперь умиление и улыбку даже у старух.

– Ребенок не виноватый, – примирительно говорили они, – вона Кузьма-цыган в Просницах бросил кочевье и живет с Нюркой-бригадиршей, уж трое погодков у них.

– Ну дак цыган-от все же русский...

– Русский не русский, но крещеный. Вот бы и тебе, Зотовна, окрестить парнишонка...

Но Зотовна побаивалась Зинки.

На лето Оля приехала к удовольствию бабки одна. Африканец уехал в свою трудновыговариваемую страну бороться за независимость, даже не доучился.

Управившись в огороде, Зотовна поехала к дочери Людмиле в город, отдохнуть на недельку. Но получила от той выговор за Ольгу. Получалось, что это она испортила девку с детства и сейчас вместо того, чтобы проучить ее, пригрела снова под своим крылышком. Обиделась Зотовна, крепко обиделась на дочь и назавтра прикатила обратно. А дома – вот она, радость – тянутся ручонки к ней, глазенки смеются, и губы лопочут: «Ма...»

– Масеньки вы мои... – смеется старуха, прижимая к себе свое счастье.

А Оля ей радостно так:

– Устроилось все, бабулюшка, письмо я получила. С сентября буду работать в круглосуточных яслях ночной нянечкой. Заберу Сашку, освобожу тебя.

От этого «освобожу» бабке стало не по себе. Что же – снова оставаться одной в четырех стенах? Вон как он ножонками крепенькими перебирает, скоро ходить начнет, чадушко ее, а она и не увидит. Да и Оля тогда, считай, уже все, может, раз в году наведается... Поняла Зотовна, что действовать надо, не терять времени. Пошла в новорубленый детский комбинат, построенный взамен старого садика. Заведующая была стародавняя, и напросилась к ней Зотовна на работу: картошку чистить да за молоком ездить, но чтоб Сашеньку определить. На обратном пути с Зинкой с глазу на глаз потолковала. Теперь у них получился сговор против Оли. Поколебалась внучка, посомневалась, но уступила – настращали ее болезнями, бензинным городским воздухом.

Провожали ее всей честной компанией с Бердниковыми и ребятишками. Поцеловала она своего кучерявенького, улыбающегося на все четыре зубика, и расплакалась, садясь в автобус.

– Ох и кукушки же оне у тебя, что Людка, что эта... – услышала Зотовна сзади. Оглянулась, а там бабка Косых, змея злющая...

– Каки же кукушки, коли все в дом родной несут, – обрезала ее Зотовна.

Вот так двумя семьями и зажили. У Бердниковых своей бабки нет, так Зотовна, как подросли, и Сашку, и Марью в садик и из садика водит и вечером посидит, пока молодые в клуб сходят. Коли Сашка приболеет, тут Зина первая помощница – а об Иване и говорить нечего: по хозяйству поможет – дрова ли привезти, огород ли вспахать, и Сашку по выходным с коленей не спускает. Марья Ивановна – та строгая да рассудительная росла, все больше хозяйничала да мальчишкой командовала, а Сашка – мальчишка ласковый и технику до дрожи любил. Посадит его Иван на мотоцикл да прокатит – и радости на неделю. А Марья Ивановна в стороне стоит, от горшка два вершка, а руки как у Зины на груди сложены.

Сашкин отец так и не вернулся. «Война у них», – оправдывала его Оля.

«И слава богу, – думала про себя так ни разу и не надевшая дорогую кофту Зотовна, – еще увез бы ребенка. Кто его знает, иностранца, у них свои законы».

Оля, приезжая на лето, возила ребятишек в город то в цирк, то в кукольный театр – прививала сызмальства культуру. И все уговаривала Зотовну переехать с Сашкой к ней. После защиты диплома ее оставляли работать в институте и давали комнатку в общежитии.

Старухе было жалко Валков, расстроившихся и похорошевших за последние годы, и своего еще крепкого дома, но и Сашку отрывать от себя не хотелось. Но кто знает, как все сложится в жизни, стара она стала, здоровье барахлит. Сашку без нее обидеть могут злые люди. В Валках к нему все привыкли, за своего давно, а в городе опять начнут диковать, что не русский.

«Да как же не русский; – возмущалась она, – вона как чисто, лучше многих валковских говорит и стихи читает, как Олюшка в детстве».

Терзали старую раздумья, и на всякий случай решила она Сашеньку окрестить. Никогда особо богомольной не была, молилась разве что, когда жизнь прижимала, а тут решилась, убедила себя, что будет к лучшему. Улучила как-то время, когда Бердниковы всей семьей уехали в гости к родственникам, и отправилась с правнуком в район.

Был престольный праздник, в церкви шла служба. Крепко держа за руку вертящего головой парнишку, ступила она в церковь, где в дымке от восковых свечей и ладана плавали дребезжащие песнопения старушечьего хора. У входа народу было много, и потому пошли они потихоньку людским коридором вперед. Тут хор замолк, распахнулись двери алтаря, и вышел рослый, весь в золоченых одеждах священник. Он вознес руки, и Зотовна знала: через секунду гулкая тишина храма должна наполниться его рокочущим басом. Но в этой тишине вдруг раздался веселый Сашкин голос:

– Мамка! Гляди-ка – клоун! Да вона же клоун! – вырывая у нее руку и показывая на священника, радовался мальчишка.

На них зашикали, оглядываясь, зашептались, заойкали, закрестились. Зотовна, зажав Сашке рот, опрометью бросилась назад. Он упирался, а потом долго еще ревел, не понимая, почему она утащила его из цирка и не велит никому про то сказывать...

Комнату Оле дали маленькую, зарплата тоже невелика, и было решено повременить с переездом. Остались они снова вдвоем, вполне довольные отсрочкой и своей жизнью в деревне. Вместе топили баню, копали картошку, собирали грибы маслята в сосновых посадках у дороги, ходили на телевизор к Бердниковым, а в праздники к бабушкиным подружкам, где Саша пел со старухами их длинные песни.

Были в их доме мир, согласие и маленькие радости, когда Оля присылала в посылках любимый «мирмилат». За посылками обычно отправлялись втроем – с Марьей Ивановной, которая все сладости честно делила на две половины. Иногда ребятишки спорили и даже незло дрались, за что мама Зина могла их и отшлепать, а бабулюшка, их главная мамка, после шлепков утешить и даже выделить по конфетке из своих запасов.

У Бердниковых родилась вторая девочка, – и Марья Ивановна, ревниво встретившая появление сестренки, теперь дневала и ночевала у Зотовых.

Ульяне Зотовне пришлось уйти с работы, стали к вечеру опухать и болеть ноги. «Видно, отбегала свое», – так и написала она в заявлении. Лицо ее вроде бы похудело, резче обозначились морщины на потемневшей коже. Телом была еще по-прежнему полна, но словно бы обмякла, осела, пологие плечи опустились – годочки катились к семидесяти.

Ребятишки подросли, теперь не то что одевались, но сами в садик и в магазин бегали. Иван купил им один на двоих велосипед, и они гоняли на нем по заросшей топтуном улочке.

Изменения намечались и у мамы Оли. Пришла как-то Зина к Зотовне и завела разговор о том, что рано Ольге такой молодой да ученой на себе крест ставить, жизнь устраивать надо, не война – одной век коротать.

– Ты уж говори напрямки! – не выдержала старуха.

Оказалось, зовет Олю замуж какой-то аспирант, русский и человек неплохой. Промолчала Зотовна, но стала задумчива и рассеянна. Она уже привыкла было к мысли, что жить им втроем. Ради этого и Валки решалась оставить, а тут вот, пожалуйста... Придется, видно, ей все же век одной доживать. Сашеньку-то как же держать? Оля – мать ему. А вот ей, старой, ни к чему в чужой дом.

Оля не спешила на этот раз. Приезжала все одна и ни гугу про аспиранта, словно бы и не было его. И лишь через год написала Зотовне, что они с Вадимом-аспирантом решили расписаться, так скорее дадут квартиру да попросторнее, и Саше надо начинать учебу в школе в Москве, на месте. О Зотовне в письме ничего не было сказано.

«Тебе жить, смотри сама», – отписала ей бабка и стала мысленно готовить себя к смерти, туда, куда одна за другой, словно торопясь опоздать, уходили в последние годы ее сверстницы. Она зачастила на кладбище, на могилу своего Паши, рядом с которой определила и себе местечко. Как-то взяла с собой Сашу и показала ему это место, слева от травянистого холмика мужа под старой черемухой.

– Ладно, мамка, я запомню, – пообещал серьезно правнучек, – только ты не помирай пока.

– Да как уж придется, касатик мой, – растрогалась она.

В середине августа приехала Оля с аспирантом. Он, как мысленно и представляла Зотовна, оказался похожим на того африканца – высокий, в отутюженной тройке, только волосом и кожей светлый. Встретила она его сдержанно, хотя он с порога стал называть ее мамашей и подарил диковинный стеженый электрический сапог – греть больные ноги. Она повертела эту странную штуковину, проворчала про себя «вот деньги мусорят» и убрала сапог в сундук, где все так же лежала пересыпанная нафталином кофта африканца.

Вадим заигрывал с Сашкой, но как-то осторожно, словно боялся до него дотронуться, а тот убегал от него к Ивану на поле или с друзьями шел рыбачить.

Тогда гость начинал стараться для Зотовны. Он брался за любую работу: носил, расплескивая, воду в баню, неумело колол дрова, латал вместе с Олей крышу. Был он человеком городским, и не все у него получалось. «Руки растут не из того места», – сказала Зотовна Зине. Еще он донимал ее разговорами о жизни, о старых праздниках, и она постепенно смягчилась к нему: «Он-то в чем передо мной виноватый?»

Он звал ее поехать с ними в Москву, пока, конечно, в общежитие, но там у них две комнаты, одну они уступят им с Сашей. Но молчавшая поначалу Зотовна высказалась категорично:

– Кака мне сичас Москва. Одно осталось кочевье – к Паше на бугор. Там уж местечко приглядела. Сашенька укажет. Тут хошь по-людски в землю зароют, не сожгут... На что мне Москва!

Ольга привезла школьную форму Марье Ивановне, и они чуть ли не каждый день примеряли ее у зеркала, и мать рассказывала, какую красивую форму они купили Саше и какой у него ранец с картинками, и какая у него будет большая и красивая школа в Москве. Марья Ивановна завидовала и тоже хотела в Москву, а у Сашки блестели глаза от ожидания перемен.

У Зотовны от этих разговоров разбаливалась голова и пропадал сон. Когда же накануне отъезда Вадим словно невзначай при ней сказал, глядя в окно, где возились у велосипеда ребятишки: «Тяжело ему придется, в городе дети злые, дразнить станут», – Зотовна совсем потеряла покой. По интонации, по уверенности в голосе зятя, так и не расположившего к себе мальчишку, она поняла, что тяжело придется Сашке не только в школе.

Ночь она почти не спала, хотя и пила запаренные травы.

Было воскресенье, и провожать Сашку вышли не только Бердниковы, но и соседи по улице, и мальчишки-друзья со всей деревни. Все сгрудились у калитки, где стояла Зотовна. Старая почувствовала, как в ее щеку ткнулась Оля, потом Вадим. Ноги у нее ослабли и задрожали, и она села на скамейку.

Сашку, веселого, принаряженного, целовали по очереди бабы, мужики ему, как взрослому, жали руку и трепали по голове, каждый что-нибудь говорил на дорогу – про учебу, про Москву, про то, что он не должен их забывать.

И вот настал тот момент, оттягивать который уже больше не имело смысла. Сашка подошел к Зотовне, и все замолчали. Она сквозь слезы, застилавшие глаза, видела его как в тумане, и, боясь, что не выдержит и завоет в голос, перекрестила его и стала отстранять рукой к машине, чтоб он шел, чтоб не мешкал, чтоб уже скорее кончалась эта мука...

И он, поняв ее жест, сделал шага три туда, где его крепко взяла за руку мать, приговаривая: «Пора, уже пора...», но, словно поняв, почувствовав не умом, а тайными силами детской своей души, что от этого разъединения рушится что-то такое важное, – обернулся на бабулюшку, на главную свою мамку, закричал, заплакал и стал вырываться из рук матери.

Оля схватила его в охапку, чтобы силком унести в машину, но тут выскочила из толпы ребятишек Марья Ивановна и вцепилась в Сашкины ноги. Ревя и повизгивая, она стала тянуть его в противоположную сторону. Оля, растерявшись, разжала руки, и ребятишки опрометью кинулись к Зотовне, вцепились в нее, не переставая реветь. Та обняла их своими большими руками, как бы защищая от чего-то, и слезы покатились у нее по морщинам, и нечем их было вытереть.

– Так я и знала, – убивалась Оля, – сыночек, мы же опоздаем на поезд.

Но он выкрикивал сквозь рыдания:

– Не поеду! Не хочу! С мамкой останусь!

Бабы, вытирая слезы, стали расходиться, мужики ушли к машине, где курили Петька-шофер и Вадим.

Оля и Зина, сев на корточки перед ребятишками и Зотовной, уговаривали Сашку, снова обещая красивую форму, ранец с картинками и большую, аж в пять этажей, школу. Иногда он, словно прислушиваясь,

затихал, и Оля с надеждой дотрагивалась до него, чтоб оторвать от бабушки, но он от ее прикосновения снова начинал биться в испуге и реветь. Его тут же дружно поддерживала Марья Ивановна. Когда Зина, не сумев оторвать дочь от руки Зотовны, шлепнула ее, та в ответ устроила такую мельницу ногами, что матери пришлось отступить.

– Бабулюшка, сделай что-нибудь, – уговаривала, испробовав все средства, Оля, – Вадиму завтра с утра в институт, ехать надо, опоздаем...

– Так и поезжайте, – уже спокойно, без слез, но и с некоторой печалью, словно винясь перед внучкой, ответила старуха.

Молодые уехали. Разошлись мужики, ушла Зина кормить малышку. Остались на щелястой, когда-то крашенной в зелень скамеечке они одни: большая, изборожденная морщинами, как кора старого дуба, старуха и два птенца – черноголовый и белоголовый по бокам. Она сидела все так же молча, но успокоенная и просветленная. Сашка, прижавшись к ней справа, уже не всхлипывал. Он словно задумался, обмяк и готов был вот-вот заснуть. Лишь Марья Ивановна, выглядывая из-под бабушкиной руки, продолжала возмущаться:

– Нашли моду – из родного дома человека забирать...

Слушая ее, поглаживая Сашку по спине, Зотовна светлела лицом.

«Поживу еще», – с облегчением подумала она.

Игорь КУПРИЯНОВ

Родился в 1962 году в Горьком. Окончил филологический факультет Горьковского госуниверситета им. Лобачевского. Преподавал в школе русский язык и литературу. Сейчас работает в туристическом агентстве.

Автор поэтических сборников «К Отчизне милой теплые слова», «Утро любви», «Снова осенью в Болдино». Публиковался в периодических изданиях.

Живет в Нижнем Новгороде.

ЧЕРЕЗ ЗАБОР

Посетителей в этот день в музее не ожидалось, и после обеда Комаров хотел улизнуть под каким-нибудь благовидным предлогом. Он мысленно потирал руки, представляя, как усядется за любимую научную работу. И чтобы никто не мешал… А перед внутренним взором его маячила будущая книга, прекрасно, кстати, изданная: «Андрей Борисович Комаров. Заметки провинциального экскурсовода». Хотя название можно подобрать и другое: что-нибудь более привлекательное… Но, когда он размечтался за чаем с бутербродами, в дверях появился директор, и молодой специалист сразу понял: это облом.

– Не отпущу я тебя, Борисыч. Гость к нам прибыл высокий – депутат, из Москвы. По музею я его проведу сам. В два у меня совещание. Так что город возьмёшь на себя.

– А Петровна что? Не может?

– Стесняется она… Не привыкшая с такой публикой работать. Да ты лучше справишься. Ты же надежда наша. Светило, можно сказать, восходящее!

Хотя и умастил начальник Комарова, но раздражение в мозгах не улеглось: «Заманчивая перспектива – крутиться перед важной персоной!» Поостыв, стал Комаров прикидывать, как лучше москвичу *этому* город показать: так подойти или с другой стороны? И плюнул наконец: «К чему расшаркиваться? Проведу экскурсию как обычно… И всё!»

И часа не прошло, казалось, а директор музея представил ему депутата. В мгновение ока оглядел провинциальный гид столичного гостя – с головы до ног: «Одет по форме: костюмчик с галстуком, ботинки итальянские. Но в фигуре ничего представительного нет».

– Ты, Борисович, не подведи. Покажи наш город с лучшей стороны! – повелел директор и убежал, откланявшись. «Будто лакей. Да-а… Не ожидал я от тебя, Степаныч!»

– Тебя как звать-то? Я не расслышал, – бесцеремонно спросил депутат.

– А? А… Андрей. Вы как хотите, Евгений Львович…

– Можешь говорить мне «ты». Я – человек без претензий. Не в апартаментах рос.

«Зато теперь в Москве живёшь! А я тут кисну», – подумал Комаров и вслух продолжил, стараясь избегать местоимений:

– Как лучше по городу прогуляться: в автомобиле, с остановками, или пешком?

– Давай пешком. На своих двоих больше увидишь. Согласен?

– Разумеется, – кивнул Комаров, и они пошли к городскому валу.

Поднявшись, экскурсовод принял выразительную позу (он даже гармонировал со стоявшим внизу памятником!) и начал свой рассказ:

– Когда-то над этими валами возвышалась крепость… Что? Деревянная, разумеется. Каменный кремль построить не успели… Остатки крепости разобрали при Екатерине II, валы превратили в место для прогулки…

– Эге! Хороший тут обзор, – восхитился Евгений Львович. – Можно, я пофоткаю?.. А ты рассказывай, рассказывай. Мне это не мешает.

Комаров чуть поперхнулся, потом подтянулся. И продолжал:

– Город наш, по преданию, был основан в середине XII столетия великим князем Юрием Долгоруким… Правда, некоторые историки считают, что город основан позже. Однако (он поднял указательный палец вверх!) особо убедительных доводов в свою пользу привести не могут. Существует такая тенденция в современной науке: гоняться за оригинальностью.

– Это ты верно подметил, – согласился депутат. – Причём не только в науке, но и в других сторонах общественной жизни. Все нынче оригинальничают.

– Да-да, разумеется, – поддакнул Комаров. – А теперь мы с-с… прогуляемся по нашим старым романтичным улочкам.

Гуляли они не спеша. Гид указывал рукой на исторические объекты, а депутат нацеливал на них свой фирменный фотоаппарат.

– Обратим внимание на жёлтое здание с колоннами, построенное в середине девятнадцатого века в стиле провинциального классицизма. Это бывший особняк купчихи Авдотьи Ивановны Рюшиной. После смерти мужа она устраивала здесь балы, музыкально-литературные вечера… Её прозвали «весёлой вдовушкой».

– Кавалеров, значит, к себе заманивала? – подмигнул экскурсант.

– Нет. Сохранилась её переписка с сестрой. Она покровительствовала талантам. Но почему-то многие дурное думают.

– Вот и я подметил, что любят сейчас про любовные шашни расписывать. Никакого эстетического момента в этом нет.

– Разумеется, – заулыбался Комаров.

– Что ты одно заладил: разумеется да разумеется? Разум надо иметь – синонимы подбирать.

– Извини… э-э… Извиняюсь! А этот скромный с виду дом… вон, на той стороне, – и гид повёл туда рукою, – принадлежал бывшему городскому голове. Николай Алексеевич Александров, владелец нескольких ткацких фабрик, на этой должности почти разорился. Благоустройство города, новое здание театра, водопровод, какого и в губернии не было… И всё за свой счёт! А городская казна при нём пополнялась.

– О! – округлил глаза Евгений Львович. – Это я запомню. И при случае расскажу кое-где. Пусть почешут репу конгрессмены-бизнесмены.

– А это здание, с балконами, построено в стиле модерн по проекту известного архитектора…

– Постой-ка. А что там за труба торчит?.. Да нет, вон там.

– Я как-то раньше и не примечал её. Возможно, какое-то производство было?

– Значит, точно не знаешь? Ну, ладно.

– Посмотрим теперь на двухэтажный дом с парадным подъездом. Это бывший…

– Ну вот, опять «бывший»! Когда настоящее будет?

– Подожди… те, будет и про настоящее. Мы же по старым улицам гуляем.

– Ничего. Не смущайся! Я про старое послушать люблю. А придираюсь ради шутки. Хе-хе…

У Комарова, как ему противно ни было, невольно расплылась по лицу дурацкая улыбка.

– А здесь, – они остановились у каменной ограды, – до революции жил известный селекционер Никифор Авдеевич Кузнецов. Он работал над улучшением сортов яблонь: урожайность, выносливость, вкус. Старожилы говорили: ну и яблочки были в его саду; кто их хоть раз попробовал, других не пожелает.

– А сейчас растут? – как-то странно полюбопытствовал депутат, аж в глазах огонёк загорелся.

– К сожалению, после революции весь его научный архив оказался за границей…

– Известное дело! Они большие мастера – на чужих достижениях своё благополучие строить. Согласен со мной?

– Разу… Конечно! Так вот… Архив пропал, но ученики остались. И в нашем городе его дело потом продолжали. В бывшем его саду, – Андрей показал за ограду, – три яблони растут, ещё до войны посаженные. Плодоносят до сих пор. Мы мальчишками туда лазили. Забор-то попроще был, деревянный.

– А каменный кто отгрохал? – спросил депутат, измеряя глазами его высоту.

– В доме Кузнецова… Кстати, дом – рубленый, больше ста лет стоит… Разместился в нём сначала кооптorг, потом отделение НИИ растениеводства. А недавно его приобрели, вместе с садом, братья Крутилины – известные наши предприниматели.

– Как бы мне этих яблочек попробовать? – московский гость с хитрецой взглянул на гида.

– Можно устроить! – Андрей для убеждённости поднял пятерню. – Хозяева на озёра уехали, ключи соседям оставили, чтобы за порядком следили. Я им ситуацию объясню, что гость у нас, из Москвы… В целях, так сказать, изучения традиций. Думаю, возражений не будет.

Депутат вдруг глянул Комарову чуть не в душу:

– А можно, я того… Через забор?

– То есть как… через забор?

– Что ты рот-то открыл? Ворона залетит… Не понимаешь, что ли? Собака в саду есть?

– Нет. С ними уехала… То есть с собой взяли.

– Наконец-то, дождался, – загадочно молвил Евгений Львович. – Подержи-ка фотоаппарат. И пиджак заодно, с галстуком. Конечно, в форме воровать азартнее. Но как-то неудобно… А ты на шухере постой, на углу… Никого не видно?

– Никого.

И на глазах растерянного гида солидный человек – да ещё с мальчишеской сноровкой – перелез через ограду. Какой-то треск раздался. «Только бы яблоню не поломал…» Но и минуты не прошло, как он обратно спрыгнул.

– Эко яблочко-то, наливное! Тебе, быть может, дико показалось? – говорил депутат, смачно жуя. – А это мечта моего детства. Подсознательная мечта… Отец мой строгий был. Поймали нас, пацанов, когда в чужой сад лезли. И он мне пригрозил: смотри, Женька, ещё такое повторится – накажу! Боялся я больше по заборам лазить: не дай бог, отец узнает. Друзья меня звали, а я наотрез. Зато теперь получилось… Надо же! От души…

Дальнейшая экскурсия не клеилась. Они повернули в проулок – к музею.

– Ну, спасибо. Спасибо тебе большое, – благодарил депутат. – Впечатление – колоссальное! Как тебя звать-то? Я забыл… Вот тебе, Андрей, моя визитка. Будет в жизни грустно, позвони. А теперь держи все пять! Такой экскурсии у меня ещё не было.

«Может, с книгой пособит?» – промелькнуло в уме Комарова. Так что расстались они весьма доброжелательно.

СИРЕНЕВАЯ НОЧЬ

На третьем курсе университета, поздней осенью, я вынужден был взять академический отпуск. Болел, хандрил, но к марту окончательно поправился. До начала занятий оставалось полгода свободного времени; хотелось провести его с толком, чтобы подзаработать, а заодно и свежие впечатления получить. Дразнила весна: дробью капели, томительным – до душевного расслабления – солнцем и, как тогда казалось мне, каким-то романтичным ветерком, влекущим к неизведанному… Ветер, что ли, гулял в голове?

Мои однокурсники летом подрабатывали проводниками в поездах дальнего следования (был такой студенческий отряд «Стрела»), и много кое-чего они рассказывали… А что? Мечтать под мерный стук колёс – так это здорово! Но тётушка родная меня отговорила:

– Что ты будешь в вагоне-то киснуть.

– И куда податься бедному студенту?

– А ступай-ка ты на теплоход матросом. На свежем воздухе и весу наберёшь.

Вспомнил я, как в детстве путешествовал по Волге… И загорелся! Всё разузнал, прошёл медкомиссию, а с началом навигации вступил на борт туристического теплохода – четырёхпалубного красавца чешской постройки.

И завертелся мир вокруг меня! Берега реки по обе стороны – то пологие, уплывающие за горизонт, то вздыбленные холмами… Невыразимые оттенки неба, особенно при восходе солнца и на закате его… Уютные города Поволжья, от которых мы отходили под марш «Прощание славянки» – даже сердце щемило… Знакомства новые да разговоры… А главное, очаровательные существа другого пола.

Завёл я толстую тетрадь, куда заносил свои пёстрые впечатления, а на последнем листе – женские имена, причём с адресами и телефонами. Каждые десять дней на теплоход садились другие туристы. Обычно со второй палубы я рассматривал тех, кто шёл по трапу: среди солидных пап и мам, детишек их, то беззаботно скачущих, то ноющих, выискивал юное личико. А что? Красив я был тогда, и без особого труда (регулярно, каждые десять дней!) открывался очередной роман.

Какие девушки-то были! Изящно-стройные и привлекательно полные, с короткой стрижкой или распущенными волосами… Мы танцевали, целовались даже… В последний день, прощаясь с ними, я выписывал обычной шариковой ручкой, но с трепетом неизъяснимым – очередное имя. Вряд ли кто из них подозревал о своём номере. Быть может, и играл я в донжуана, но сердце жаждало любви – такой большой и настоящей!

В общем, на теплоходе я и работал, и отдыхал как мог. Обязанности матроса меня не обременяли: швартовка у причала, уборка палубы…

Вот только загрузка продуктами (на четыреста-то с лишним человек!) была тяжеловатой. На вахте я стоял с 12 до 4, днём и ночью, с напарником Юркой, грузным мужиком лет тридцати трёх…

Около часа ночи наш огромный теплоход величаво вошёл в узкий шлюз. Накинув чалку и закрепив трос, я ждал подъёма. Забурлила вода; зеленоватая стена отсека поплыла вниз… А передо мною постепенно открывалась дивная картина! Будто кто-то пригоршнями разбросал звёзды по чёрному небу. Свет фонарей и редких окон тонул во тьме… Соловьи свистели ошалело – такого громкого пения я никогда ещё не слышал, просто уши заложило. А ноздри мои наполнило благоухание: кругом белела гроздьями сирень…

Смотрел я вверх; мечтательная улыбка невольно засияла на лице. (Смешно я, наверное, выглядел.) И когда шлюз до отказа наполнился водой, заметил я девушку… Что в ней особенного было? Пожалуй, с виду ничего. Юбка до колен, голубенькая кофта, простые туфельки. И не скажу, что симпатичная. Но глаза… Они выражали – не кокетство, не самолюбование, а какое-то глубокое, потаённое чувство. Она молча подошла, на миг опустила ресницы… И протянула мне большой букет сирени. От короткого взгляда её на сердце стало как-то хорошо – спокойно, ровно, но в то же время радостно.

Я не успел сказать ей ничего. Она повернулась и пошла к серому зданию. «Да оглянись же ты!» – подумал я. И она оглянулась, улыбнулась чуть-чуть. Едва успел ей помахать рукой, как она уже скрылась за металлической дверью.

Ворота шлюза отворились. Громада теплохода потекла дальше – по тёмной, с отсветами, Волге. А я, вдыхая аромат её подарка, смотрел назад. Шлюз с сиренью, соловьиное пение, огоньки – всё терялось вдали, вливаясь в общую картину ночи.

«О чём она мечтает? Как живёт?.. Для кого станет надёжной спутницей жизни?» – задумался я.

– Везёт тебе на баб! – вдруг грянуло сбоку, чуть ли не в ухо, а в ноздри шибануло перегаром.

Я обернулся. Передо мной – в ночи – белело Юркино лицо.

– Букет-то какой здоровый! Поделись со мной. Хоть жене подарю, – и он бесцеремонно отобрал у меня половину сирени. Так прозаически, увы, закончилась эта история.

Тогда в тетрадь я ничего не записал – ни на первых страницах, ни тем более на последней. Сиреневая ночь сохранилась в моей памяти. До сих пор.

Елена АЛБУЛ

Поэт, музыкант, модельер, дизайнер. Родилась и живёт в Москве. Окончила ГМУ им. Гнесиных по специальности «скрипка». Автор и ведущая программ на сетевом литературном телеканале «Литклуб.TV». Участница Форума молодых писателей России фонда СЭИП в Липках.

Публиковалась в «Литературной газете», журналах «Москва», «Октябрь», «Мурзилка», «Костёр», парижском литературном альманахе «Глаголъ», альманахе «Семейка» (Германия), сборниках фонда СЭИП.

Лауреат национальной литературной премии «Поэт года» (2014) в номинации «Детская литература». Неоднократный дипломант Всероссийского фестиваля юмористической и сатирической поэзии и песни «Ёрш» в различных номинациях.

МАЛЕНЬКАЯ ДОМАШНЯЯ ВОЙНА

Из-за чего они в тот раз поругались, вспомнить было невозможно. Наверное, как всегда, из-за ерунды. Ссорились родители часто, но ни до чего серьёзного обычно не доходило. Конечно, на многое она тогда не обращала внимание, всё-таки ребёнком была; что-то забылось; но стиль – стиль этих ссор не менялся, и даже сейчас, почти через сорок лет, она могла бы реконструировать любую.

Начинала всегда мама. Что-то в ней происходило ещё до того, как она возвращалась домой со своей исключительно нервной работы, где была лучшей, незаменимой – в общем, самой главной, в представлении дочери. Такой она была и на самом деле. И как спортсмен на пике формы уязвим для малейшего постороннего чиха, так и мама, с блеском распутав клубок чужих неразрешимых проблем, оказывалась беззащитна перед не вымытой кем-то посудой или полным помойным ведром.

Первым попадал под прицел тот, кто оказывался ближе, неважно кто – она или папа. Голос у мамы повышался до такой головокружительности, которой позавидовала бы любая оперная дива, помойное ведро становилось центром мирового порядка, а тот, кто его не вынес, – воплощением Зла. Слово за словом разворачивалась грандиозная картина рухнувшей гармонии, и если бы за мамой в такие моменты записывать, был бы готовый текст потрясающей художественной силы.

Такому напору дочь противостоять не могла, да и не думала об этом – чувство вины заливало едва возникшее ощущение несправедливости.

Даже собака забивалась в какой-нибудь угол, стараясь свернуться в максимально плотный клубок. Тоже на всякий случай чувствовала себя виноватой.

А папа, конечно, возражал. Его главным оружием была логика. Когда ему удавалось вставлять в мамин темпераментный монолог остроумные реплики, безупречные в своей логичности, Вале он представлялся блестящим фехтовальщиком, этаким д'Артаньяном – выпад, укол, победная улыбка… Но мама была – танк. Танку незачем было стрелять, хватало гусениц. Какое фехтование!.. Здесь ничто не могло помочь – ни фантастическая эрудиция, ни учёная степень, ни лауреатские звания... И папа очень скоро складывал к этим гусеницам бесполезную шпагу, скрашивая шутками очередное поражение. Мама ещё какое-то время дулась, остывала, могла долго демонстративно молчать, но через день-два они снова играли вечерами в шахматы, смеялись, всячески друг над другом подшучивали, и Валя чувствовала себя счастливейшим ребёнком на свете, потому что таких великолепных родителей не было ни у кого.

Такая качельная жизнь вырабатывала специальные навыки, и к шестому классу Валя научилась безошибочно определять настроение, с которым мама возвращалась домой. Чуть прямее линия рта, чуть плотнее сжатые губы, чуть пристальнее взгляд – посторонний ничего бы не заметил, но Валя, как моряк, чувствовала неизбежный шторм и старалась не попадаться на глаза.

В тот раз, наверное, тоже было ведро. Или посуда. Целый вечер, сидя в своей комнате, Валя слышала доносившиеся с кухни крики родителей. Об ужине они и не вспоминали, а ей хотелось есть, но выйти было нельзя – попадёшь под волну, потом вообще будет не до еды. В такой ситуации хорошо делать уроки – и польза, и не придерётся никто, но было лето, каникулы… Она смотрела из окна на вечерний двор с качелями и песочницей и думала, что соседи тоже наверняка слышат эти бесконечные «Ты всегда…» да «Ты никогда…». Рядом на ковре спала свернувшаяся собака.

Лето позволило избежать утренней встречи. Валя каждый раз чувствовала себя ужасно неловко, когда все они после ссоры сходились за завтраком – ели быстро, молча, глядели каждый в свою тарелку. Никаких лишних движений, чтобы, не дай бог, опять не полыхнуло. Но на обед – институт был рядом – папа приходил уже с другим настроением, и они вдвоём с удовольствием уплетали приготовленный мамой суп или жарили картошку – папино фирменное блюдо.

В тот раз он пришёл на обед хмурый. Она разлила по тарелкам борщ, нарезала чёрный хлеб и сало – родственники регулярно присылали с Украины обсыпанные солью белые пласты. Домашние проблемы папа никогда с дочерью не обсуждал. Но тут не удержался: «Что-то мама в этот раз…», и она насторожилась, почувствовала, что ссора какая-то нетипичная. Он сделал усилие и стал шутить, что легче договориться с Америкой об ограничении ракет какой-то там дальности, чем с мамой о домашних делах; сказал, что пора устроить демонстрацию и выйти на кухню с плакатом, – в общем, нёс всякую несмешную чепуху. Ракеты Валю не пугали, а вот домашние демонстрации – очень. Качели раскачались слишком уж сильно.

А вечером папа действительно пришёл с плакатом. На куске ватмана гуашью было выведено *¡No pasarán!* Он прикрепил его булавками к кухонной шторе и стал рассказывать про гражданскую войну в Испании. Было интересно. Он всегда рассказывал что-то далеко выходящее за рамки школьной программы. Оказывается, в СССР много испанцев; оказывается, прославленный хоккеист Харламов – наполовину испанец;

оказывается, когда родители и компания их друзей поют под гитару «Гренада, Гренада, Гренада моя» – это как раз про ту самую войну…

Это была её любимая песня, Валя всегда подпевала. Но плакат всё равно пугал. Мама вряд ли оценит папину интеллектуальную шутку.

Сейчас это выглядит смешно. Расскажешь – кто не поверит, кто посмеётся; скажут, мол, креативненько мужик подошёл к ссоре с женой. Но – так было. Не матерились, не принято у них было, зато креативненько подходили. Об испанской войне нынче знают только люди, обременённые специальным образованием, а так – что там эта Испания? Пляжи, автобусные экскурсии да футбол, причём по телевизору. А ведь если подумать, то и тогда, в семидесятые, слова на плакате вряд ли были понятны многим. ¡No pasarán! «Они не пройдут!»… Но родителям – были понятны. Их друзьям, друзьям друзей – были. Шестидесятники. Интеллигенты. Словечка в простоте не скажут.

Когда слова произнесены, это многое меняет. Но когда они написаны, меняется всё. Может, его что-то особенно задело во вчерашней ссоре, может, количество ссор перешло в качество или расположение звёзд на небе было особенно неблагоприятным – но только папа решил отстаивать свою точку зрения. Ха-ха. Довольно нелепо пытаться доказывать что-то танку.

Хорошо, что она заранее, до маминого прихода, запаслась едой. Принесла в свою комнату бутылку кефира, бутерброды и книжки. Но отвлечься не удалось. Оставалось просто сидеть и ждать, когда накал спадёт. Наконец, заключительным аккордом хлопнула дверь – это папа ушёл гулять с собакой.

В то время ей никогда не приходила в голову мысль, каково это – после жуткой ссоры ложиться в одну постель? Квартира была двухкомнатной, других спальных мест не было. Но всё, что произошло дальше, вытекало именно из этого обстоятельства.

Порванный плакат она нашла утром в мусорном ведре. Ведро вынесла.

Папа пришёл на обед и сказал: «Ну вот что. Я больше так не могу. Маме надо дать время подумать, что происходит. Я ухожу пожить в квартире дяди Саши. Ты со мной?»

Дядя Саша и его жена были лучшими друзьями родителей. Они на всё лето уехали в командировку в Афганистан работать учителями, были тогда такие командировки. До этого таким же образом они побывали в какой-то глухой африканской стране, и эти поездки ставили их на совершенно особую ступень тогдашней социальной лестницы. Ключи от квартиры дядя Саша оставлял папе.

«Ты со мной?»

Шестой класс. Двенадцать лет. Папа – великолепный д'Артаньян, сражающийся с несправедливостью.

Она сказала: «Да».

Быстро собрали какие-то вещи, включая собачью миску и подстилку. Дом дяди Саши был в двух шагах.

Квартира встретила их особым нежилым запахом. Валя много раз здесь бывала. То родители приходили в гости, то она сама забегала к дяде Саше за какой-нибудь книжкой, которой у родителей странным образом не было, хотя уж их-то библиотеке завидовал весь посёлок. На одной стене у дяди Саши висели шкуры, а на них скрещенные копья и

чёрные африканские маски. Посмотреть бы сейчас – наверное, сувенирная ерунда, но тогда производило неизгладимое впечатление.

Папа дал денег: «Купи продукты и устраивайся. Вечером что-нибудь приготовим». И ушёл на работу.

Она с новым чувством обошла квартиру – такая же двухкомнатная, как и у них. Положила подстилку собаке. Сходила в магазин. Ещё раз обошла квартиру. И тут поняла, что можно брать из книжного шкафа всё, что хочется, – спрашивать-то некого! Жена дяди Саши относилась к книжкам ревниво и часто была недовольна, что тот даёт их Вале. Теперь-то можно начитаться!

До вечера она сидела среди книг, с упоением перебирая тома, и мысль о маме ни разу не пришла в голову. Оставил ли папа ей записку? Это она спрашивала себя сейчас, а тогда перед ней был Вальтер Скотт – целая полка!

Вечером папа приготовил жареную картошку и включил телевизор – начинались летние Олимпийские игры в Монреале. В их семье любили спорт и главные спортивные события смотрели по телевизору всегда. А она ещё и ходила в школьные спортивные секции, меняя их каждый год – не могла никак выбрать, что больше нравится.

На экране бегали, прыгали, плавали олимпийцы, прекрасные, как боги, и в этом было что-то невыразимо настоящее, какая-то правда простой, понятной работы. Неважно, что оставалось за кадром, а в кадре была поднятая штанга и всеобщая чистая радость по этому поводу, и Валя с другой стороны экрана – с другой стороны света! – вместе с атлетом напрягала мышцы и потом кричала от радости. Хотелось, чтобы мир состоял из таких же простых и понятных вещей. Ну, по крайней мере её мир.

Олимпиада оказалась подарком. Показывали её щедро, и от телевизора можно было не отходить. Паузы заполнялись книжками. И ещё надо было днём гулять с собакой.

После первой такой прогулки Валя автоматически пошла к их дому – к их настоящему дому. Потом опомнилась, позвала собаку, которая была уже около подъезда. Собака с недоумением обернулась, но хозяйка есть хозяйка, даже если она шестиклассница. Собака у них была впечатляющая, здоровенный дог, и умение управляться с таким страшилищем добавляло Вале авторитета в глазах одноклассников. На второй день она сразу вспомнила, что надо идти к дому дяди Саши. На третий привыкла.

Как-то, гуляя, встретила своего приятеля по волейбольной секции. Многие летом поразъехались, жизнь замерла, и Валя очень обрадовалась – оказывается, Олимпиады и книжек было недостаточно, хотелось и поговорить. Пойдём к нам, сразу предложила она и тут же осеклась. «К нам» теперь означало не то, что раньше. Замяли для ясности, как тогда говорилось, и сделали ещё кружок по лесу. Приятель ничего не понял.

На четвёртый день она почувствовала всю тоску неопределённости. Константой была только жареная картошка. Папа целый день пропадал на работе, а вечером они говорили о соревнованиях и больше ни о чём. Он даже на обед теперь не приходил – ей, мол, надо приучаться к самостоятельности.

А на пятый день она встретила маму. Шла из магазина с авоськой – бутылка молока, хлеб, колбаса, следила, чтобы авоська не чиркнула об асфальт. Когда-то у неё так бутылка разбилась, на тротуаре осталось

маленькое белое море. Вот оттого, что была сосредоточена на бутылке, и не заметила маму, которая шла, видно, с автобусной остановки. С работы приехала. Посёлок маленький, всего несколько улиц, трудно не встретиться. Но, конечно, она бы спряталась, если бы заметила маму раньше. Поздно.

Мама шла по другой стороне улицы и не могла не видеть дочь. Но ничем этого не выдала. Прошла мимо. Повернула к дому.

Валя застыла на месте. Одновременно хотелось и броситься к ней, и спрятаться за кустами – но всё перевешивало страстное желание провалиться сквозь щербатый асфальт прямо с молоком и всей прочей колбасой, чтобы исчезло, исчезло мучительное осознание того, что побежишь к маме – предашь папу, а спрячешься – добьёшь маму. Потому что лицо у мамы было убитое, несмотря на упрямо сжатые губы и устремлённый вперёд взгляд. Проигравшее лицо.

Если бы в те времена был, допустим, какой-нибудь «Фейсбук», можно было бы зайти на её страничку, посмотреть, что делает, о чём думает. Хотя о том, что происходит, она никогда не написала бы. Да и странички никакой у неё не могло быть. Не тот характер.

Валя вошла в квартиру, и африканские маски глумливо усмехнулись ей навстречу. С отвращением посмотрела на серый экран телевизора. Открыла книжку, но строчки расплывались, доблестный рыцарь Айвенго стал картонной декорацией с дыркой для лица, какие ставили на черноморских пляжах для развлечения отдыхающих. Ей было теперь понятно, что имеется в виду, когда говорят «сердце разрывается». У неё как раз разрывалось сердце – она чувствовала, как оно треснуло и разъединяется на две половинки, будто их тянут в разные стороны, и перемычка всё тоньше, тоньше, и невозможно вдохнуть… Надо же, а целых пять дней она ничего не замечала.

Папа вернулся с работы, удивился тишине, посмотрел на дочь и стал искать градусник. Она слышала, как он ходит по чужой квартире, грохочет ящиками, торопливо хлопает дверцами шкафов. Наконец, нашёл. Почувствовав под мышкой холодную стеклянную трубочку, она подумала о годами отработанной последовательности: чай с малиной, аспирин, специальная «болезная» пижама, холодная тряпочка на лоб – десятки приятных мелочей, а утром придёт Викторина Александровна, детский врач, согреет рукой стетоскоп, послушает, засмеётся и скажет: «Ну, это ж разве болезнь! Воспаление хитрости!» – и мама пригласит её попить чайку, а Викторина Александровна скажет: «Ой, в другой раз, меня ещё такие же хитрецы ждут», и после её ухода в воздухе останется какой-то приятно-медицинский запах, а температура сама собой спадёт… Викторину Александровну в посёлке очень любили.

Но в этот раз ничего такого не будет. Потому что сердце скоро окончательно разорвётся и она умрёт. Она подумала об этом вяло, без всякого сожаления.

Папа вытащил градусник и изменился в лице. Он уже не был похож на д’Артаньяна.

«Ты чего-нибудь хочешь?»

«Домой», – ответила она и закрыла глаза.

Здесь провал: она не могла вспомнить – шла сама или папа нёс её на руках? Вряд ли нёс, надо же было ещё собаку вести. И сумка с вещами… С другой стороны, собака у них была хорошо выученная, рядом

шла без всякого поводка, а сумку можно было потом забрать. Но – не помнила, и всё. Как открылась дверь? Как мама их встретила? Пустота. Провал.

Зато помнила, как пыталась проглотить таблетку аспирина – горло сжималось от слёз, потому что родители кричали друг на друга прямо в её комнате, и все их слова были очень правильными, и эти-то слова тянули половинки сердца в разные стороны… И, наконец, её вырвало проклятой таблеткой и чем-то ещё, и крики сразу прекратились. «Помиритесь. Пожалуйста. Помиритесь», – сказала она. Они засуетились, бросились всё убирать. «Мы уже помирились, уже помирились!» Это было неправдой. Вообще всё было неправдой. Правда осталась в телевизоре: в бассейне, на беговых дорожках, на пьедестале почёта. Там были выигравшие.

Она слышала, что родители всю ночь не спали. Сидели на кухне, разговаривали. Одёргивали друг друга, если повышали голос. По очереди заходили к ней в темноте, меняли тряпочку на лбу. «Спит», – говорили друг другу, выходя из комнаты. Она не спала. Слушала, как стучит сердце. Интересно, когда оно разорвётся, половинки будут стучать по отдельности?

Утром мама сказала: «Скоро Викторина Александровна придёт». Был выходной. Завтрак мама принесла ей в постель, и она ела, а мама с папой занимались уборкой. Ночью, наверное, об этом договорились. Папа мыл окна, мама пылесосила. Иногда, проходя мимо, мама на неё смотрела, и тогда ей хотелось провалиться сквозь постель, так же как вчера сквозь асфальт. Шестой класс. Двенадцать лет. «Ты со мной?»

Они никогда не разговаривали с ней об этом. Проверить, конечно, нельзя, но она была уверена, что и между собой они потом этого не касались. Она никогда не узнает, о чём мама думала пять дней в пустой квартире. Она вообще больше ничего не узнает, потому что нет уже ни папы, ни мамы. Качели давно остановились. В квартире живут другие люди, дом обветшал – старая пятиэтажка, такие только в забытых богом посёлках остались; деревья, которые они на субботниках сажали у подъездов, вымахали до крыши, мешают, наверное, жильцам. Вон на четвёртом этаже окно её комнаты. Рамы пластиковые, тюль. У них на окнах никогда не было тюля.

…Она сидела на качелях рядом с песочницей в пустом дворе своего дома. Порыв ветра взметнул сухой песок, и он осыпался у её ног, как будто где-то на небе разбились невидимые песочные часы.

Павел ТУЖИЛКИН

Родился в 1953 году в селе Плюхино Горьковской области. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Работал инженером отдела гражданской обороны, военным руководителем в школе, секретарем городского комитета ВЛКСМ, начальником отдела администрации города Сарова.

Публиковался в журналах «Роман-журнал XXI век», «Крокодил», «Нижний Новгород», ряде других изданий. Автор сборников стихов и прозы. Лауреат национальной премии Союза писателей России «Имперская культура» за роман-предположение «Пламенный» о жизни Серафима Саровского (2011).

Член Союза писателей России. Живет в Сарове.

ОСОБА, ПРИБЛИЖЕННАЯ К ИМПЕРАТОРУ

Он всегда опаздывал. В школу пошел в восемь лет, когда его ровесники уже освоили грамоту и вступили в октябрята. На торжественную церемонию приема в пионеры он опоздал, зачитавшись книжкой о похождениях Гулливера. В результате красный пионерский галстук ему повязали только через два года. Комсомольцем он стал только в студенчестве, когда в деканате с ужасом обнаружили, что приняли в педагогический институт не члена ВЛКСМ. Как такое могло произойти, никто не знал. И его срочным порядком, хотя и с большим опозданием, но все-таки приняли в стройные ряды строителей коммунизма.

Опаздывал он и в быту.

Опоздание было неотъемлемой частью его натуры. Он опаздывал на поезда, автобусы, спектакли, собрания, занятия, экзамены и киносеансы. Ему всегда не хватало пяти минут. Казалось, ну что бы выйти пораньше! Сократить время одевания или умывания, протиснуться в битком набитый автобус, а не ждать следующего, полупустого, который приползет через полчаса. Нет, всегда получалось одно и то же. Он опоздал даже на торжественное вручение диплома об окончании педагогического института, и диплом ему отдала секретарша в приемной ректора, заставив расписаться нерадивого выпускника в получении.

Странная особенность поведения напрягала и его самого. Он стал подозревать себя в том, что опаздывал сознательно, точнее подсознательно. Он так любил покой и равновесие, что любое дело, связанное с движением, нервными усилиями, хлопотами и заботами вызывало в нем внутренне противодействие. И в самый решающий момент, перед выходом из дома, обязательно происходило что-то такое, что останавливало его. Либо кто-то о чем-то просил и почему-то нельзя было отка-

зать, либо рвались шнурки, либо выяснялось, что нет ни одной глаженой рубашки. И все задержки казались объективными, независимыми от его воли. Ну не сам же он, в самом деле, нарочно рвал эти шнурки? Но подозрение о подсознательном противодействии при необходимости нарушить состояния покоя в нем все-таки не умирало. Хотя поставленный диагноз никак не влиял на результат.

Опаздывал он и в психологическом развитии.

В шестнадцать лет он плакал, как в десять, если его обманывали. В тридцать он боялся приблизиться к девушке, как шестнадцатилетний подросток. В сорок он все еще верил в справедливость и полагал, что от каждого человека в этой жизни что-то зависит. В пятьдесят он думал, что все еще впереди. Выйдя на пенсию, он понял, что опоздал.

Он никогда не был женат, у него не было детей, не было квартиры, не было друзей, не было машины и ярких воспоминаний.

Когда ему стукнуло тридцать три, он влюбился. Это была пионервожатая, живая, миловидная, пухленькая девушка по имени Света, которая умела так заразительно смеяться, что вокруг улыбались все. Он тоже.

Его звали Атлант Спиридонович Колайдопуло, чем он несказанно гордился. Такое звучное имя всегда вызывало интерес окружающих. Светочка не была исключением.

– Ах, Атлант Спиридонович, какое у вас романтическое имя! Ваши предки случайно не из Атлантиды? – смеялась пионервожатая.

– Почти угадали, – с улыбкой отвечал он. – Мои предки – выходцы из Греции. Но они давно обрусели и на протяжении многих веков верно служили Российской империи. Среди них были и композиторы, и вице-адмиралы, и генералы, и даже особы, приближенные к императору.

– Ой, как в фильме «Двенадцать стульев».

– Светочка, извините, но проходимцев среди моих предков не было.

– Простите, Атлант Спиридонович, я не хотела вас обидеть. А вы мне расскажете о ваших знаменитых родственниках?

– Конечно, Светочка, с большим удовольствием.

Светлана имела приятное личико, а ямочки на румяных щечках были так забавны и восхитительны, что от умиления наворачивались слезы и хотелось схватить это милое создание и нести через всю жизнь на руках. Ее глаза так сияли, когда она смеялась, что казались двумя солнышками, выглядывавшими из-за свинцовых туч действительности, освещая весь мир радостью и счастьем.

После занятий Атлант Спиридонович, который о ту пору еще был стройным, как южный пирамидальный тополь, и имел довольно сносную шевелюру, водил свою возлюбленную в кафе «Снежинка» и угощал ее сливочным мороженым. На большее он не претендовал. Он считал, что если поцелует избранницу своего сердца, то немедленно доложен будет на ней жениться.

А о какой женитьбе могла идти речь? Он жил в общежитии, где соседом по комнате был штукатур-плиточник, часто употребляющий спиртные напитки, шумный и веселый, надоедливый и безграмотный. Даже в гости нельзя было пригласить к себе милую интеллигентную девушку.

А в случае женитьбы можно было претендовать только на отдельную комнату в том же общежитии, да и то не сразу. У него не хватало духу предложить такую, мягко сказать, незавидную перспективу для любимой девушки. Но, по правде, не только это удерживало его от порыва любовного признания. Он примерял на себя семейную жизнь, какую ему приходилось наблюдать в общежитских коридорах, и его бросало

в дрожь. Общая кухня на десять комнат, общая же прачечная и сушилка, дети, бегающие по коридорам и вопящие, как «вожди краснокожих», бессонные ночи под неумолкаемый плач больного младенца, неприбранная и злая от неустроенности быта жена, бросающая его вещи где попало и диктующая ему правило его личной неприкосновенной жизни.

Они все так же ходили в кафе «Снежинка», все так же ели сливочное мороженое, но Света все меньше смеялась и все реже просила рассказать Атланта Спиридоновича о его греческих корнях.

А он все размышлял и размышлял, представляя себе в разных вариациях сцену признания в любви. Но ни разу не позволил воплотиться какому-либо варианту наяву. Вся школа знала об их влюбленности и только гадали, когда же состоится свадьба. А время шло, и однажды произошло то, что должно было произойти. Коллектив в один из теплых майских дней собрался на пикник за город по случаю окончания учебного года. Закупили продукты и спиртное, распределили, кто берет с собой бадминтонные ракетки, волейбольный и футбольные мячи, подстилки и клеенки, посуду и вилки. Атланту Спиридоновичу достались шампуры. Дома, естественно, у него такого добра не оказалось, и он побежал с утра в магазин. Но все магазины открывались после девяти, и поэтому он, так ничего и не купив, опоздал на автобус, который ровно в девять уже отправился от ворот школы.

На пикнике под влиянием выпитого вина, пионервожатая Света неожиданно для себя оказалась в объятиях физрука Сережи, который был мил и ласков, заразительно весел и обаятелен, а к тому же восхитительно целовался.

С той поры Света ходила в кафе с физруком, а на Атланта Спиридоновича поглядывала с виноватой улыбкой, впрочем, нисколько не жалея, так как наконец-то обрела в своей жизни настоящего мужчину.

Но Атлант Спиридонович не сразу понял, что поезд ушел, и все еще переживал по поводу предстоящего признания, обустройства семейного быта и решения проблем, связанных с женитьбой. И однажды он все-таки собрался с духом и, встретив в коридоре Светлану, сказал:

– Светочка, я готов к семейной жизни.

Та улыбнулась, сочувственно погладила его по руке и ответила:

– Вы опоздали, Атлант Спиридонович, я уже выхожу замуж за Сережу.

Это было тяжелым ударом по самолюбию Атланта Спиридоновича. Несколько лет он не мог оправиться от потрясения. Душа его пребывала в смятении. Он еще больше замкнулся в собственном мире и еще сильнее стал ценить и оберегать душевное равновесие. С тех пор он смотрел на женщин, как смотрят на школьную доску или классный журнал, – как на вспомогательные элементы в рабочем процессе.

А поскольку без участия этих лживых и неблагодарных существ нельзя было произвести потомство, Атлант Спиридонович так и остался одиноким.

У него умер отец, проживший в одиночестве до восьмидесяти лет и оставивший ему однокомнатную квартиру. Он наконец-то переехал из общежитской комнаты в отдельное жилье. Квартиру получить он тоже опоздал – Советский Союз развалился. Растаял, словно льдинка в кипятке, развитой социализм, а с ним и надежды на доброе государство, которое чего-то должно было своим нищим гражданам. Листочек с очередью, в хвосте которой он долгое время числился, еще долго пылился на стенде объявлений, пока кто-то решительный не сорвал его и не выбросил в рядом стоящую урну. Страна изменилась, все стало продаваться и покупаться.

Но учительской зарплаты ему хватало только на пропитание и на редкие покупки одежды, чтобы выглядеть на уроках более или менее прилично. Поэтому, как это ни прискорбно говорить, смерть не очень обожаемого и не очень заботливого отца порадовала Атланта Спиридоновича – отпала необходимость присмотра за дряхлым, немощным человеком да и появился свой собственный угол, на который посягнуть никто не имел права.

Наличие собственного жизненного пространства еще более укоренило его в желании тщательного обустройства своего необитаемого острова, на котором только он был хозяином. Все лежало и стояло на своих местах, везде царили порядок и гармония. Ничто не требовало изменения. Покой и равновесие – вот главное правило, которое усвоил Атлант Спиридонович. Это очень трудно – изменять себя и окружающий мир. Для этого нужно прилагать большие усилия, беспокоиться, тратить психическую и физическую энергию. А зачем напрягаться, если все идет само собой? Все суета сует, говорил мудрый Экклезиаст. Так зачем тратить энергию, если все равно будет так, как будет?

К шестидесяти годам он утратил большую часть своих волос, приобрел солидность в районе живота и разучился что-либо понимать в окружающей действительности. Мир изменился без его участия. Он не понимал, почему добрые и душевные фильмы о любви, долге, чести, достоинстве пропали, а их место заняли боевики с ужасным количеством трупов и сцен жестокости, почему женщины перестали стесняться и оголились перед всем миром, показушно изнывая от страсти в объятиях таких же голых мужчин. Героями нации стали веселые и обаятельные авантюристы и добродушные убийцы. Его любимое дело – учительство – превратилось в услугу, словно он работал в прачечной. Вместо комплекса знаний стали требовать умения угадывать ответы в тестах, сработанных на заокеанский лад. В каком платье Анна Каренина была на балу? Синем, красном, черном? Угадал – пять. Не угадал – угадаешь в следующий раз.

Он перестал понимать, кого он должен был воспитывать. Кровожадных монстров без стыда и совести? Пустоголовых болванчиков, готовых за минутное удовольствие продать мать родную? Пошлых и похотливых попрыгунчиков, ненавидящих любой труд?

А что за государство строили нынешние вожди? Страну жадных, вечно жрущих и орущих от удовольствия бездельников?

А кто будет строить и лечить, учить и делать открытия, летать в космос и покорять океаны? «Кто, если не ты?» – спрашивал когда-то своих современников писатель Юрий Герман. И те откликались – мы! И строили, летали, опускались в океанские глубины и рисковали своей жизнью, чтобы спасти других.

Такие пафосные мысли приходили в его седеющую и лысеющую голову, и он сокрушался, что мир изменился далеко не в лучшую сторону. Если бы была его воля, то он бы…

Дальше этого мысль не шла, потому что он не привык заниматься изменением мира. Его душевного порыва хватало только на протест внутри себя и возмущение, изредка высказываемое в бесстыжие стеклянные глаза телевизора. Своих мыслей, «как нам обустроить Россию», у него не рождалось. Он никому не высказывал своего протеста, понимая, что это ничего не изменит и его недавняя вера во всеобщую высшую справедливость была ошибочной.

Да, конечно, у него был шанс изменить свою жизнь и попробовать изменить окружающий его мир. Кто, если не ты? Он тоже принял этот вопрос всерьез и всерьез задумывался о своем месте в преобразования

общества. Но благие размышления всегда разбивались о незыблемый утес благоразумия.

Однажды его вызвала к себе Альбина Сергеевна, директор школы, где он работал, и сказала:

– Атлант Спиридонович, вы мне нравитесь как учитель. Вы собранны и авторитетны, вас уважают коллеги и ученики. Вы серьезны и хорошо организованны. Я думаю предложить вам административную должность. Завуч, Анна Валерьевна, собралась на пенсию, и я ищу ей достойную замену. Не хотели бы вы попробовать свои силы на новом поприще? Хотя какое же оно для вас новое? Весь учебный процесс для вас ясен и понятен. Немного подучитесь и станете хорошим завучем. А завучи автоматически включаются в городской резерв на директоров. Если в какой-либо школе освободится директорское место, то сможете претендовать. А там и до заведующего гороно рукой подать. Как вы на это смотрите?

Атлант Спиридонович от неожиданности засмущался, он был ошарашен открывающимися огромными перспективами, у него перехватило дух. Но привычное благоразумие быстро привело вышедший из равновесия организм в состояние покоя. А сердце вдруг похолодело от ощущения опасности перед новизной. Ему хватило разума не сразу ответить отказом.

– Вы разрешите мне подумать, Альбина Сергеевна?

– Думайте, Атлант Спиридонович. Только не очень долго.

Он взвешивал все за и против, посматривал на себя со стороны и видел сурового администратора, который отчитывает опоздавшего на планерку учителя либо делает нелицеприятный разбор урока не очень умелого коллеги. Или с трибуны общегородской конференции клеймит позором ретроградов и лентяев, предлагая передовые реформы, назревшие в народном образовании. Кто, если не ты?

Но… А какое он имел право судить методику преподавания своих коллег? Он что – семи пядей во лбу? Или его диплом чем-то лучше, чем у остальных? А если, побывав на чужом уроке, он не выскажет ни одного замечания, все сочтут, что он - полный дурак. Да к тому же сразу в коллективе появятся тайные и явные враги. Все без исключения педагоги недовольны расписанием, которое составляет завуч. И его расписание тоже будет осуждаться и высмеиваться.

А уж о директорской должности и говорить не приходится. Начальство не любят все. Лабрюйер писал, что французский народ слепо предрасположен к вельможам, он так повсеместно восхищается их жестами, выражением лица, тоном и манерами, что боготворил бы этих людей, будь они хоть немного добрее.

У русских все наоборот. Народ ненавидит начальство только за то, что оно находится выше массы и всегда навязывает ему свою волю. А если он, Атлант Спиридонович Колайдопуло, дорастет до должности заведующего гороно, то количество врагов возрастет до угрожающих размеров. Людям нравятся не пророки, а памятники. Атлант Спиридонович не любил, когда к нему относились плохо. Он старался быть хорошим для всех. Став начальником, он изменил бы самому себе.

Процесс обдумывания затянулся. Однажды на утренней планерке директор представила новую коллегу:

– Знакомьтесь, это наш новый завуч.

По внешнему виду дамочки было видно, что той не свойственны сомнения. По ее узкому волосатому лбу, маленькому безгубому роточку, прямоугольной, без изгибов и выпуклостей, фигуре и короткой, словно

обрубленной саблей, прическе было ясно, что она имеет право судить о его учительской методике, и она будет судить, резко и нелицеприятно, а может, даже грубо и оскорбительно. По-настоящему страшны только дураки, у которых есть власть. А власть всегда бесчеловечна, иначе она не сможет существовать.

Заныло под ложечкой. Надо было соглашаться сразу.

Атлант Спиридонович опять опоздал.

Думая об этом, он вдруг понял, что опоздал даже с рождением. Он должен был родиться где-нибудь в девятнадцатом веке и стать, например, особой, приближенной к императору.

Там жили люди, для которых слово «честь» являлось ключевым. Иначе – пуля в лоб или честная дуэль. Женщины были эмоциональны, но стыдливы. Их богатый внутренний мир был так блестяще и волнующе описан Толстым и Пушкиным, Чеховым и Тургеневым!

Атлант Спиридонович, понял, что отдал бы все на свете, чтобы пройтись по вечернему бульвару с утонченной барышней, одетой в длинную широкую юбку и обтягивающий жакет, делавший стройную, изящную девушку богиней. Вот она плывет мимо пролеток и важно вышагивающих офицеров, украшенных блестящими эполетами и пышными бакенбардами, мимо булочных и парикмахерских, мимо высоких тополей и величественных храмов. Ее прямая спина, гордо посаженная головка, витиеватая шляпка, возлежащая на аккуратно уложенной прическе, создают неземной образ ожившей статуи, изваянной великим Творцом. Это неземное создание идет рядом, слегка касаясь твоего локтя тоненькой ладошкой, затянутой в черную ажурную перчатку, и задумчивым голосом говорит о таинственном и возрождающем чувстве любви и о совершенстве мира.

И ты сам становишься чистым и возвышенным, разумным и великодушным, милосердным и справедливым.

Колайдопуло опоздал стать именно таким. Он стал толстым, обрюзгшим, лысым, никому не нужным стариком. Жизнь прошла в суете за мизерную зарплату, в борьбе за маленькие удовольствия и прихоти, в ожидании чего-то лучшего, значительного и имеющего смысл.

Смысла не было. Пятнадцать лет он упорно учился, потом с не меньшим упорством осваивал профессию, затем передавал свои знания чужим детям. А результат? Что он получил взамен своего самозабвенного труда? Учителем, по мнению многих, он был неплохим. Вручали какие-то грамоты, помещали его портрет на Доску почета, присвоили престижное звание, отмечали в праздничных речах.

Но, выйдя на пенсию, он остался один. Никто из коллег не поздравлял его с праздниками, не приглашал на профессиональные сборища, бывшие ученики не радовали подарками по случаю дня рождения или наступления Нового года, а те, кто его хвалил с высоких трибун, хвалят теперь других. Все быстротечно.

Тоска, серость и пустота.

Откуда это?

Ах, да. Именно это чувствовали чеховские героини, жаждавшие яркой, чистой, восторженной, незабываемой любви. И не получали ее.

А случись такое, чтобы он вдруг попал в тот утонченный, благородный и восхитительный век? Что было бы тогда?

Надо быть честным. Он бы тоже не смог предложить им этого счастья и не смог бы стать особой, приближенной к императору, потому что всегда медлил. Всегда опаздывал.

Олег ПОГАСИЙ

Родился в Ленинграде в 1955 году. Окончил Карагандинский политехнический институт. Работал в Ленинграде инженером в строительном тресте. В настоящее время фрилансер. Публиковался в периодических изданиях России, Украины, Литвы, Израиля, в журнале «Дискавери».

Живет в Санкт-Петербурге.

СПАСЕНИЯ НЕТ

1

В Дели было 45,5. Красный уровень опасности. Аристов это сразу почувствовал, выйдя из прохладного терминала аэропорта к стоянке такси. Как в жаровне. Поправил лямку рюкзака и прощупал moneybelt под рубашкой. Муссон приходит с океана в июле. И начинается парилка, пот льет ручьями, но тело дышит. А сейчас июнь, и ты превращаешься в рассохшуюся глиняную фигурку, откопанную в исторически значащей пустыне. Возраст уже не тот, лет десять назад и не подумал бы, что может случиться что-нибудь нехорошее. А теперь мысль крутится: «Только бы не упасть от теплового удара – свезут в какой-нибудь индийский барак, страховку не купил из экономии, и положат в коридоре, натертом ядовито пахнущей хлоркой». В такси жужжал игрушечный вентилятор, ничего не добавляя и не убавляя, развинчивая или завинчивая адскую жару. «Ничего, доеду. А там возьму номер с кондиционером. Одну ночь пережить. А завтра автобусом в горы». Аристов прошел детекторную рамку, вставленную в дверной проем, и по ступенькам спустился в холл гостиницы. А capella вентиляторов ласкало слух. У виска Аристова приятно взвилась прядь волос. Номер с кондиционером в таких гостиницах считается повышенной комфортности, и их всего несколько, и стоят они double price. Идти же в обычный с вентилятором под потолком – смерти подобно.

Аристов оглядел комнату, поставил рюкзак в угол и потребовал, чтобы bellboy, коридорный, незамедлительно включил кондиционер. Начался индийский, знакомый с прошлых поездок, дурдом. Никогда бы не прилетел в июне, но такая дорожная карта, условия этого тура. Из коробки, похожей на советский ламповый радиоприемник, поступал теплый воздух. Аристов сказал коридорному, что кондиционер не работает, – на что получил ответ: нет проблем, через 15 минут всё будет OK». Но через 15 минут не было никакого окея, а продолжал дуть самум. Коридорный покачал головой и ретировался. Через пару минут

с ним пришли двое. Они попеременно прикладывали ладони к радиаторной решетке, бурно обсуждая между собой, как показалось Аристову, какие-то посторонние дела. Затем, поговорив, как показалось Аристову, уже по делу и обнадежив, что придет мистер Вишнанатан и все будет окей, вышли вместе с коридорным. Пришел мистер Вишнанатан, в черных ботинках, начищенных до блеска, и длинной рубашке навыпуск, обтягивающей покатый холм живота, с обязательной авторучкой в нагрудном кармане. Он подошел к кондиционеру, постучал по корпусу и приложил ладонь к решетке. Появились и двое, за ними коридорный, остановившись в дверях. Мистер Вишнанатан повернулся к ним, резко вскинул светлую ладонь темной руки и грозно рявкнул. Их сдуло, как ветром. Следом вышел мистер Вишнанатан, так ни разу и не глянув на Аристова. Время зависло в безнадежном пространстве комнаты. Аристов разделся до трусов и сел на кровать в раздумьях, ни на что не надеясь.

Но в Индии всё возможно. И совсем скоро из кондиционера потянуло прохладным ветерком. Жизнь налаживалась. Прохлада гуляла по телу и щекотала подмышки. Аристов раскрыл рюкзак. Вытащил завернутую в свитер плоскую бутылку коньяка и колбасу в вакуумной упаковке. Хлеба не хотелось. Выпить, закусить и спать. Завтра бесконечная дорога. Открыл пластиковую бутылку воды с продавленным боком. Сполоснул стакан, вылив воду на пол bathroom(a). Выпил, закусил липкими кружочками колбасы. Включил телевизор. Отыскал новости BBC на английском и завалился на кровать. Под бесперебойную речь диктора и чехарду картинок легче будет заснуть. Нормальный английский – когда закрываешь глаза, чтобы не видеть, о чем там, и врубаешься, о чем там. Но Аристов не смог сосредоточиться на теленовостях, в голове открылся авторский канал телевещания, и выключить его не было никаких сил. В беспорядочной нарезке лихорадочно крутились последние сутки. Ночное такси в аэропорт с блатняком из приемника; паспортный контроль, сонный пограничник, клюющий носом; ночное такси теперь из другого ментального поля, вызывающие рвотные позывы резкие повороты, торможения, горячий загазованный воздух, пробирающий до печенок; залы ожиданий, перелет в затяжной турбулентности, залы ожиданий, никак не удалось поспать в самолете, только-только глаза слипаются и начинаешь уплывать молочными реками к кисельным берегам, как – хлоп тебе! – продергивает нервяк от лодыжки до корней волос, нет – не заснуть, тело и нервы потеряли гибкость, пластичность. Стал как старое сухое дерево. Ох и ах, но годы, годы! Эта правда жизни как-то, годик назад, щелкнула в ожидании ножницами, когда в парикмахерской Аристову предложили подстричь брови. Он наотрез отказался. Но время, время! Беспощадный Кронос, прожорливая Кали. Аристов открыл глаза, услышав родной язык. На экране, прогуливаясь по гранитной набережной, омбудсмен по правам человека отвечал на вопросы журналиста. Когда Аристов слышал это плохо выговариваемое слово, всегда хотелось пойти переобуться, с ложкой для задника. Аристов выпил еще, и пошел в bathroom. Душ шипел, сопел, но не работал. Наклонился над раковиной и почувствовал во рту солоноватый привкус. Кровь из носа. Этого еще не хватало. Глянул в зеркало – да не так чтобы очень, ничего, пройдет. Лег на кровать, подбил подушку, запрокинул голову; и пролежал так до утра.

Рикша, приподнимаясь с седла, когда дорога шла в горку, оборачивался и, прикладывая руку к голове, сообщал Аристову: «Жарко, очень

жарко!» Аристов сидел сзади, обхватив рюкзак на коленях, поправлял панаму лягушачьей расцветки, съезжающую на глаза, и кивал в ответ.

«Вот же, и возраста моего, и худой, как щепка, а крутит педали, черт индийский, как качок в тренажерном зале, и хоть бы хны ему». Велорикша подъехал к обочине дороги, по которой проносилось дребезжащее, чадящее и пылящее железо на колесах; гудящее и квакающее – а вот это сигнал велорикш; развернулся и сказал Аристову, что автобус следует ожидать здесь. «Здесь?» – неуверенно огляделся Аристов, не находя никаких знаков остановки транспорта. «Здесь!» – радостно кивнул рикша, помог Аристову сгрузить рюкзак и, получив деньги, весело, налегке закрутил педали. Аристов достал билет, купленный в турагентстве, недалеко от гостиницы, где провел бессонную ночь. Подозрительная бумажка. Номера автобуса нет, номера места – нет, откуда отправляется – не указано, но время – есть. Как купюра без подтверждающих её подлинность знаков. Жара, бессонные ночи основательно подкосили волевые качества Аристова, и он инфантильно оплатил этот билет. До автобуса оставалось двадцать минут. Прошло полчаса. Никакого автобуса. Еще четверть часа. Подъехала тележка с мороженым. На вопрос относительно остановки автобуса мороженщик, глянув на Аристова грустными индийскими глазами, ответил, что стоит тут неделю, но туристических автобусов, подбирающих на этом месте, да и поблизости, ни разу не видел. Назревала новая проблема. Аристову светила еще одна ночь в Дели. Крепко обругав себя, что два раза оплатил проезд до этой тележки, купил мороженое и откусил кусок сладкого холода. Дико заломил зуб, потемнело в глазах.

Но в Индии всё возможно. И когда зрение в полном объеме вернулось, Аристов увидел выворачивающий из-за поворота автобус, тормозящий прямо к нему. Как из другой части света, блестящий, нежно-сиреневого цвета Volvo, как это мороженое. «Мой!» – прочитал он табличку рейса.

2

В салоне автобуса совершился переход из царства Солнца во владения Луны. Аристов испытал легкую эйфорию. +18°С – светилась над кабиной водителя приятная глазу цифра. А над сидениями на полках сложенные шерстяные пледы, если вдруг ночью станет зябко! Место было у окна. Аристов с чувством расположился на кресле, откинул голову на подголовник, но с подлокотником по левую руку не повезло. Сидящий рядом индиец вцепился в него пухлыми пальцами. Аристов поджался и положил ладонь на колено, а голову повернул к окну. Кровавый глаз солнца, подернутый лиловой дымкой, висел над горизонтом. «Солнце Махабхараты», – эпически заключил Аристов, покачиваясь в салоне с затемненными стеклами. Вечер медленно вытаскивал из двухмерного пространства нестерпимого пекла долгожданную координату в другое измерение, подобно длиннющей тени, ползущей от столба. Жизнь, приутюженная жарой, становилась объемнее и наполнялась смыслами, потерянными в прострации высоких температур. За стеклом темнели зеленью банановые рощи, открывались рисовые поля с хвостиками всходов, и опять рощи, поля, рощи – и вдруг – блеск! – сахарной белизны купол храма в мареве набирающей темноту зелени. Хижины из бамбука и соломы, каменные постройки с длинными узкими, будто прищуренными окнами, с рекламными щитами, зовущими купить буль-

онные кубики… сотовую связь… и, конечно кока-колу, – а как же без этой прохладной бутылочки?! Люди, люди; коровы, с выпирающими ребрами и ключицами, и недоеным выменем почти до земли. Автобус сбавил ход и пошел в поворот. Под деревом на кровати сидит старуха и вычесывает из головы девочки гнид. Туалет с одной каменной стеной, открытый ветрам и взглядам, так называемый outdoor, общий писсуар с шеренгой справляющих нужду, один из которых в сине-клетчатом дхоти и с корзиной огурцов на голове.

Аристов шмыгнул носом и повернул голову. Сосед ел земляные орехи, сняв обувь, поджав ноги под себя. Его носки источали канализационный запах. «Никуда не деться, чем хуже – тем лучше», – смирился с вонючими ногами индийца Аристов – и расшнуровал кроссовки, сбросил их, задвинул под кресло, с удовольствием пошевелив пальцами ног. Тут же спохватился и перехватил освободившийся подлокотник, пока сосед поедал орехи из бумажного кулька.

«Из какой страны? – с раздражением спросил Аристова индиец, глянув на занятый подлокотник, и, не заставив себя ждать ответа, добавил: – В Нилгири?»

«В Нилгири», – ответил Аристов.

«В Нилгири многие едут, в основном туристы в поисках этого… – он сделал паузу и, самодовольно усмехнувшись, закатил зрачки под свой индусский лобный потолок, – ищут там Индию, а Индия тут! – кивнул он на окно, за которым сумерки застилали уставшую от жары равнину. – И в Бангалоре, нет, я не про Сай Бабу, а про нашу Кремниевую долину. Слышали, наверно?»

«Слышал, – глуховатым голосом ответил Аристов, – и про Сай Бабу тоже».

«Я ни от чего не отговариваю, вы человек в годах уже, – наконец оторвался от орехов и окинул Аристова взглядом, – но никому из этих гуру так сразу не доверяйте. Среди них полно шарлатанов и фокусников, это я вам говорю как индиец. Есть просто попрошайки, без них Индия не Индия; а эти якобы восполняют ваш духовный пробел, прикрываются верой, сами распускают про себя чудесные истории. Но это бизнес. После сеанса медитации… или даже после того, как осчастливили вас лицезреть себя – обязательно не забудут попросить денег. Возьмите тех же хиджр, что-нибудь знаете о них?»

Аристов изобразил недоумение.

«Хиджры», – повторил индиец.

«Хиджры? Нет. А кто это, люди?»

«Вроде как люди, да не совсем».

«Да-а, а кто тогда – боги, что ли?» – съязвил Аристов, сделав удивленные глаза.

«Кастраты», – сказал индиец и, бросив в рот орешек, щелкнул его. Прожевав, с недоверием покосился на Аристова – правильно ли тот понял слово? – и повторил с чувством и расстановкой: «Ка-астра-аты. Были мужчины – перестали ими быть после того, как мужские шары чик – и в сторону. Но и не женщины, а – оно. Андрогины. Как и боги. Боги же должны быть целокупны, да?» – Опять вопросительно глянул на Аристова.

«Косметика, губки подведенные, в сари, – но плечистые. Там красивая древняя легенда, и хиджры из неё вышли… Чтобы победить извечных врагов, одному клану нужно было принести в жертву богине Кали прекрасного молодого человека. На этот подвиг нашелся только один

желающий, принц Араван, девственник, но с условием – после брачной ночи. Среди принцесс не было ни одной, согласившейся на такое: быть вдовой, да еще в Индии – незавидная участь. Видя это, бог Вишну принял облик принцессы Мохини… Свадьба, брачная ночь, жертвоприношение. Так и хиджры разыгрывают эту мистерию, становясь на ночь женами ставшего божеством Аравана…»

Пока слушал переложение эпоса, Аристова накрыло воспоминаниями – что видел этих хиджр! Но не понял тогда, кто это и что это такое. Как-то в одной из его поездок по вагону второго класса ходили мужеподобные женщины или женоподобные мужчины – и просили, нет – требовали, буравя жесткими взглядами, подаяние.

«А денег не дадите – запугают до смерти, – подобрев от выговоренного, продолжал индиец. – Не знаю, как раньше, – стянул он с полки плед и закутался в него, – а сейчас там процветает проституция. Удобная лазейка для гей-культуры в традиционной Индии». Он зевнул, пожелал Аристову доброй ночи и закрыл глаза.

За окном густую мглу расцвечивали далекие огоньки, а близкие проходили волнами по стеклам окон. Вот приближается куб, залитый желтым светом. Остановка. Это передвижная кухня на колесиках. На прилавке, огражденном прозрачным пластиком, горят маленькие свечки, как осенние листья лежат стопки лепешек – чапати, в лунках – горки вареного гороха, кусочки картофеля и, конечно, острые приправы. Белозубый кулинар с надеждой смотрит на открытые двери автобуса – выйдет ли кто к нему? Нет – не будет с этого рейса навара. Водитель кричит: «Едем, едем!» Двери бесшумно закрываются. Автобус незаметно трогается. По стеклу окна скользит беспросветная тьма. Долгожданный сон берет в оборот. Но через час-другой, раскачиваясь на поворотах, Аристов заворочался и проснулся. С полки упала бутылка с водой. Дорога пошла в горы.

3

Аристов лежал под москитной сеткой в комнате зачуханной гостиницы, с общим туалетом в конце длинного коридора. На другой кровати в той же комнате лежала Джоан. «Спящая красавица под балдахином такой же москитной сетки… Но поцелую, вызволяющему из заколдованного сна, ни за что не бывать!» – пробил Аристова нервный смешок. Джоан некрасива.

Не успел Аристов осмотреться и распаковать рюкзак, как в дверь постучали. Администратор гостиницы извинительным тоном объяснил Аристову ситуацию. Женщина, приблизительно одного с Аристовым возраста, все номера заняты, одна свободная кровать в этом двухместном, если бы она была индианка, то и разговора не было бы, а так – если мистер не против, он уронит цену в два раза. Мистер не против, цена ценой… но куда ж ей идти на ночь глядя… Сначала въехал, заволокли её рюкзак, как двойка бобслеистов, а потом вошла Джоан с мини-рюкзачком на груди.

Она сказала Hi! Аристову и Fuck! индийскому сервису… Бронировала по интернету, и вот же… Она тоже в Нилгири, но хотела бы здесь недельку походить, посмотреть. Джоан из Австралии. Полгода работает, а на осень и зиму в Индию. В Австралии архитектура – прямые линии и углы, стекло, пластик. В Австралии фастфуд, сёрфинг и социальные гарантии. Одним словом – тоска. Fuck. Джоан надела беруши,

пожелала доброй ночи и полезла под сетку. Тучи комаров зудели всю ночь. Если высунуть из-под укрытия лицо на минутку и шлепнуть по щеке или по лбу – кровавое месиво.

Fuck. Но под сеткой жить, спать можно. Если Аристова и охватывали минуты сомнения – чего он сюда поперся? – то сейчас улетучились. Да и в чем сомневаться, есть выбор? Всё правильно делает. Одна дорога всем – в Нилгири, вот и Джоан туда же. А если кто-то думает по-другому и на что надеется – что ж, тогда им на ухоженные лужайки, что на рекламных щитах в окнах банковских офисов, на которых уверенные в себе их взрослые дети и краснощекие внуки; а на переднем плане они, во весь рост, достойно прожившие жизнь бабушки и дедушки, не потерявшие способность с оптимизмом смотреть в будущее с хорошими процентами по пенсионным вкладам. Аристов одним махом негодующей мысли распорол этот плакат, и действительность оказалась в помещении, где сидят усталые и больные бабушки и дедушки, не в силах выстоять очередь, волнуются у терминала, плохо понимая, как в эту очередь получить талончик. Ну а кто забрался выше по социальной лестнице – у тех свои тараканы: пригоршни антидепрессантов и карточная колода психотерапевтов. Аристов вспомнил древние изречения, не оставляющие никакой надежды, будто берешься за оголенный провод под током: и говорится там, что некоторые ведь не знают, что нам суждено здесь умереть (Аристов бы добавил: почти все)... и говорится там, что наше тело полное изъянов, гнездо болезней, роящихся мыслей, в которых нет постоянства… это бренное тело, эта гнилая груда разлагается (Аристов бы добавил: время – обманщик, создаёт иллюзию момента, как будто непреходящего – и мы не видим катастрофы изменений)… а в конце своей жизни мы гибнем, как старые цапли на пруду, в котором нет рыбы. Или лежим, как сломанные куклы, тяжело воздыхая о прошлом. Знакомый, бывавший в Нилгири, сказал, что не сможет ничего объяснить, да и не понять будет с чужих слов. Но есть возможность выхода из этой безысходности, а готовым надо быть ко всему, там экстрим. «Ты же был в Индии, – сказал он напоследок, – езжай сам».

4

Кофе в граненом стакане был что надо. Вставлял и приводил в чувство. Такой крепости Аристов уже и не помнил, где пил. И всего двадцать рупий за полный стакан с нежной ароматной пенкой. Но в Индии же всё возможно. Аристов сидел на веранде гостиницы за завтраком и в ожидании Бахадура, так звали проводника, который поведет его горной тропой в Нилгири.

А Джоан в чем-то засомневалась, сказала, что еще подумает – пойдет ли в Нилгири. Поговорила утром с одним бриттом, вернувшимся оттуда, и тот чего-то наплел ей, а что – Аристов, в пересказе Джоан, так и не понял. Закрученная фраза, не хватило английского. Аристов не стал вздергивать брови и просить повторить, но сделал вид, что принял информацию к сведению, но своего решения менять не будет. Вообще Джоан ничего, располагает к себе. Вчера с этим вторжением к нему в номер показалась страшненькой. Они обменялись адресами, номерами телефонов, но никто не позвонит, не даст эсэмэс, и они это знают, politeness, форма вежливости. Она чем-то напомнила актрису Джейн Фонду в годах, демонстрирующую с обложек журналов американский

оптимизм и активный образ жизни. Были бы помоложе, поездили бы с ней на пару, походили. Аристов настроился еще на стакан кофе, но не вовремя объявился Бахадур, настойчиво убеждая поторопиться, чтобы к вечеру быть в Нилгири. Он сразу поведет к учителю, Калачандр. Завтра поздно, Калачандр уйдет в пещеру, в затвор на несколько месяцев, будет глух и нем к миру. Бахадур много лет водит в Нилгири и знает, что из всех, кто сейчас там, Калачандр – самый-самый.

Чем выше, тем просторнее, воздушнее леса; а люди неторопливее, сдержаннее, у них светлее кожа и раскосые глаза. У Бахадура и вовсе монголоидные глаза с набрякшими веками. Тропа сыпучая. Аристов идет следом, стараясь ставить ноги на те же камни, что и Бахадур. Когда тропа расширилась, они пошли рядом, и Бахадур заговорил. Неизвестно: являются ли его рассуждения подготовкой встречи с учителем или просто личная инициатива? Как ни странно, скудный запас английских слов, которым он пользовался, излагая непростые вещи, не помешал Аристову ухватить суть и прокрутить для себя, на русском, придав образности усложненным синтаксисом. Так бы это выглядело в какомнибудь средней руки общеобразовательном журнале по вопросам религии и философии и если бы автором был Аристов. Бахадур говорил, что никогда не стоит полагаться на будущее. Завтра – это салфетки на столе, где нет даже столовых приборов, и ты можешь только обтереть губы, коль так не терпится. Бахадур говорил, что западная религия заявляет – никто не благ, никто не просветлен, кроме Бога. Проводит черту разделяющую, жесткую духовную вертикаль, и от этого напряжение, скованность и отсутствие свободы. Это заблуждение. А здесь, в Гималаях, люди и боги расслабленнее. Кто сдернул вуаль неведения относительно своего я – становится просветленным, здесь все на одной горизонтальной плоскости – и боги, и люди. Хотя есть зеленые долины и горные пики в сиянии снега. Бахадур говорил, что не имеет большого значения, махараджа ли ты или из касты неприкасаемых; звезда Болливуда или чистильщик обуви в трущобах Мумбая. В позе лотоса днями просиживаешь или руль автобуса крутишь. Главный итог всей жизни – понять свою истинную природу и жить в соответствии с этим.

Когда широколиственные леса сменились хвойными, Аристов спросил Бахадура: сможет ли он что рассказать о Нилгири, помимо общеизвестного, растиражированного в туристических проспектах?

Бахадур ответил: «Да, есть что добавить. Нилгири сейчас в основном известно как популярное место, духовный центр, школа медитативных практик. Сюда съезжаются со всего мира. Но есть и другая сторона…»

Бахадур замолчал, подбирая слова, и, замедлив шаг, продолжил: «По Индии бродит некий орден аскетов, немногочисленный, он видел их всего несколько раз. Одеты они во всё черное, к ремню на пояснице подвешены черепа разных мелких животных, говорят про них, что носят с собой и человеческие. Они придерживаются крайних взглядов. Для них нет разницы между белым и черным, золотом и… дерьмом. Некоторые из них, когда приходит старость, немощь, чтобы не быть обузой себе, бросаются с отвесной скалы, разбиваясь насмерть. Скала находится в горном массиве Нилгири. Это не самоубийство. Для них жизнь и смерть – как смена дня и ночи в бесконечности времени. Они уходят, падают в изначальное состояние, чтобы потом вернуться в новом рождении или не возвращаться. Правительство, полиция пытаются бороться с этим, но безуспешно. А как уследить, узнать, с чем человек поднимается?»

У Бахадура дернулось веко. Или он заговорщически подмигнул? Аристова это насторожило.

«В этом году, весной, было несколько случаев. Вот это и придает Нилгири славу мрачной таинственности. – Отвернувшись, Бахадур взял Аристова за руку, а пальцем другой руки указал на горный склон ущелья. – Смотри, отсюда уже видна скала, вон выступ там… Оттуда бросаются». Аристов остановился, всмотрелся – разглядел, проследил всю линию отвесную вниз. «Ух! – вырвалось у него, и по телу пробежал холодок. – Ну и высоко же!»

5

Голый по пояс Калачандр сидел на дощатом полу, застеленным шкурой снежного барса. Ноги укрыты иссиня-черным покрывалом. Длинные волосы, сплетенные в локоны, беспорядочно ниспадают на лицо. На шее под кадыком на шнурке блестит медальон. Аристов, как ни вглядывался, не понял, что там. Лоб, лицо Калачандра вымазаны пеплом. «Священным, – знал Аристов, – всё что останется от нас».

Подворачивая шкуру, чтоб было повыше, подсаживается он к Калачандру. Морда барса, передние лапы ползут за шкурой, хотя кажется, что зверь вцепился когтями в пол. В хибаре полумрак. У входа две керосиновые лампы, похожие на колбы с вытянутым горлышком. Чад, мерцают керосинки; и никаких курений благовонных масел, а поблескивают выпуклые мертвые глаза барса. Калачандр берет музыкальный инструмент с длинным грифом, закрывает глаза и начинает играть на двух струнах.

Эти звуки никакого отношения к музыке в привычном понимании не имеют. Изгиб мелодии, пульс ритма отсутствуют, не прослушиваются. Звуки равно удалены и равно приближены, как ни кажется абсурдом такое, потому что никак не нащупать точку отсчета. Нет начала, нет и конца.

А есть ли продолжение у этих звуков? – нет, и не потому, что нет длительности – длительность есть, но звуки не идут в тебя, их нет и рядом, они ничего не касаются, они отстраненные, не вызывают чувств, а значит, не имеют продолжения, времени. Ничем не наполнены, и не пустые. По бесконечной прозрачной плоскости несется куда-то светящаяся бусинка, ошалело, непредсказуемо, но с головокружительной свободой, потому что нет ничего, что можно предсказать. На запястье Калачандра четки из таких бусин, но черных, нанизанных на нить судьбы, отливающие желтым цветом керосинки. Потом на несколько тактов, которые, оказывается всё это время, отсчитывал Аристов, всё покрыла гармония.

Но что-нибудь подобное по ощущению слышал? – нет, ничего общего ни с восхождениями к звездам Баха, умиротворяющей сердце литургией. Ни с музыкой Востока, ни с едва уловимой мелодией сновидения.

Но что-нибудь все-таки должно быть? – да – Калачандр, дергающий за струны и бьющий ногтем по корпусу инструмента. У Аристова закружилась голова и заныло в пояснице. Он открыл глаза – и отпрянул! – Калачандр дышал ему в лицо. Инструмент лежал в стороне. Широко раскрытые глаза, радужная оболочка, подчеркнутая красным штрихом. Это не глаза – а вспышка световых лет в космосе, с лопнувшим капилляром жизни, кровавой меткой времени! А лицо – сначала – звездная туманность, переходящая в плывущие облака, застывающие в маску паяца с бессмысленной улыбкой, оживающую в человеческое с бровями

вразлет, длинным носом с горбинкой, пульсирующего жилкой… Калачандр убрал волосы с лица и вытащил из-под шкуры трубу с широким раструбом. Вставил мундштук, приложил к губам и стал дуть. Звуки были высокие и какие-то крикливые. Через некоторое время Аристов обнаружил исчезновение большей части своей личности. А дальше его не стало совсем. Калачандр выдул Аристова из Аристова. Осталось одно его название, но потом схлопнулось и оно. Аристов перестал знать, что он – Аристов. Как он мог это понять, являясь ничем, – не ясно. Когда Аристов возвернулся и заполнил себя, то увидел, что Калачандр с силой ударил в ладоши, а труба лежит рядом… Затем Калачандр убрал волосы с лица, взял Аристова за мочку уха, притянул к себе и сказал в ухо: «Прежде всего не бойся». Калачандр сказал, что сначала будет говорить на санскрите и хинди, – понимать не нужно, только слушать; а затем перейдет на понятный язык.

Он повторил несколько раз одну длинную фразу скрипучим, шумящим голосом. Затем Аристов отчетливо услышал: «Нет старости – нет и спасения от неё, нет смерти – нет и спасения от неё. Нет неизбежности – но от неё не уйти. Нет и меня, но ты не мог не услышать, что я сказал».

Замолчал. Отпустил ухо. Аристов отодвинулся. Тишина стояла со светильниками у дверей. Аристов вдруг понял: Калачандр хочет, чтобы он спросил его о медальоне на шее. Аристов спросил.

«С одной стороны череп, – Калачандр снял медальон с выпуклым рельефом и показал Аристову изображение с выступающим лбом, – с другой, – он перевернул медальон, приблизил его к глазам Аристова и после короткой паузы сказал: – у него много имен, здесь он – человек. Но это – так, пустяки. Не держись за себя». Калачандр бросил медальон в сторону. Снял четки, разорвал нить и швырнул их к двери.

«Дальше вот что, – продолжил он напутствие, – Бахадур отведет тебя. Выберешь сам. Но если остались проблемы, сомнения относительно себя, можешь там разом со всем покончить, если тебя так волнуют этот воздух, камни… Тебе могут понадобиться деньги, долларов пятьдесят, ты был предупрежден. Иди. Бахадур ждет тебя за дверью».

Аристов вышел. Бахадур посмотрел на Аристова, потом на небо и настоятельно потребовал поторопиться, пока солнце невысоко и нет ветра. Аристов спросил, куда они пойдут и что там? Бахадур сказал, потупившись в землю, что это кульминация, завершающая часть духовной практики, и повторил, что надо торопиться.

Крылья задерживали падение. Раскрывали простор раннего утра, искрящегося золотистой синевой неба. Аристов парил в пространстве, и его переполняло счастье. И когда расширились зрачки и он открыл рот от радостного удивления, выпал зубной протез. «А, бог с ним!» – попрощался с фальшивыми зубами Аристов, провожая их в темную дымку ущелья. Но счастья же нет, но от него же никуда не деться, – пари́ли рядом слова Калачандра.

Аристов знал, видел неизбежную встречу с землей. Но неизбежности же нет…

6

В Дели было 35. За две недели отсутствия Аристова накатила первая, еще слабосильная волна муссона. Небо разрывал холостой гром, скользили прозрачные молнии. Моросил дождик. Тяжелые ливни при-

дут позже. Аристов остановился в той же гостинице, но в номере без кондиционера. Вентилятора под потолком было достаточно. Он включил телевизор, отыскал новости BBC и вытянулся на кровати. Взялся пересчитывать оставшиеся деньги, выплыла лишняя десятка. Полет на параплане с инструктором со скалы в Нилгири обошелся в сорок долларов. Аристов оценил, как ловко это было подстроено. Ну что ж, такая дорожная карта духовной практики у Калачандра. Его провели по самому краю пропасти и показали, что спасения нет от того, что мы наделяем реальностью. Есть два пути – тьма бездны или парение в небесах. Но если разницы между ними существенной нет, как говорит Калачандр, то Аристов для себя выбирает парение в небесах под синими крыльями параплана. Аристов отвинтил пробку с бутылки коньяка, которую провозил с собой в рюкзаке. Из горлышка допил остаток. На экране пошли картинки со строкой breaking news. На западное побережье Индии обрушился тропический циклон. Свинцовое небо, застелившая береговую зону мутная вода. Перевернутые, разбитые в щепки лодки, затопленные деревни, плавающие автомобили, стрекот вертолетов, эвакуация людей, крики, шум стихии…

НИВЕЛИР

Виталий снял треногу с плеча, раздвинул ножки, осмотрелся и принялся острыми наконечниками тыкать… а-ку-пун-кти-ро-вать промерзлую бугристую землю, устанавливая нивелир на краю котлована. Вспомнил он это несъедобное словечко из Энциклопедии… Стянул перчатки, склонился к прибору военного зеленого цвета, уж как похожего на малярийного комара, заматерелого переростка, видимо, подпавшего под акселерацию, как и все живое в начале шестидесятых… Улыбнулся, отмахнулся от насекомого, залетевшего к нему из детства в этот ветреный ноябрьский рабочий день; и, покручивая колесики подъемных винтов, стал выводить пузырек уровня к центру. Пузырек покатался гондолой туда-сюда, и успокоился в нульпункте.

«Николай, – крикнул Виталий – да держи ты рейку прямее!»

И не отрываясь от окуляра, вытянул вверх руку и махнул ладонью:

«Правее, правее давай!» Рейка с красными и черными метками, наконец, попала в оптический круг…

«Ну, и что увижу сегодня?!» – затаив дыхание, одним оборотом навел резкость.

Судя по всему – было лето. Николай поднабрал годиков; в волосах, зачесанных за уши, проскальзывала седина. Щеки запали, скулы выперли. Он воровато оглядывался. «Стырил какой-нибудь гаечный ключ или наборную отвертку», – усмехнулся Виталий, и приблизил Николая в фиолетовом пиджаке с широкими плечами, одетым на блеклую спортивную майку с иностранным словом, каким – не разобрать. На Николае были также спортивные брюки с отвислыми коленями, и весь он стоял – какой-то пожеванный. Впрочем, пожеванности добавляла нечеткость изображения. Виталий еще разок глянул на озабоченную размытую фигуру, настроил резкость и перевел нивелир на административно-бытовой корпус. А здесь мела поземка. Та же поздняя осень. Двери с фасада были сняты. Рядом вместо таблички «Завод металлоконструкций» из керамзитовой плиты торчали лапки крюков и темнело пятно. На водосточной трубе трепетал клочок оборванного объявления. А порывистый степной ветер надувал грязновато-серый полиэтилен на окнах мертвого здания.

«На капремонт АБК поставили, что ли?» – удивился Виталий и прокрутил зрительную трубу на четверть круга.

«Ух ты! – вырвалось у него. – Ничегошеньки! Безликое дневное небо!». Взгляду не за что зацепиться, не на что повесить жадную, пытливую мысль, трепещущую на порывистом ветру. От этой слепящей беспредельности, от невозможности на чем-то задержаться у Виталия похолодело внутри, и он одним движением крутанул прибор на спасительную фиолетовую конкретику. Пиджак был тем же, но сильно по-

износился, пообвис на плечах, потух. И Коля претерпел значительные изменения. Его будто расплющило, раскатало. Будто прошелся по нему каток времени… и не вчера. Обиженный на жизнь старикан по центру стеклянного круга.

«А что там с АБК?» – нервно дернул свою подзорную трубу коченеющими от холода пальцами. И АБК преобразился, но, напротив, в лучшую сторону; посвежел, стены выкрашены, на окнах жалюзи. В двери поблескивал, как у циклопа, глазок. Под карнизом вывески: «Шиномонтаж» и «Перспектива». И, похоже, было тепло. Виталий аж почувствовал запах свежей краски, как в парке весной, когда красят скамейки.

«А там в степи?» – опять нетерпеливо стал всматриваться в даль. А «там» этой степи не было. И даль отсутствовала. Везде простиралось необъятное пространство, лишенное точек отсчета, но затягивающее, как в жерло, – и Виталия закрутило, протащило по трубе и выбросило – в черный космос. И он ощутил себя внутри шара, вмиг распавшегося, как и не было совсем. Опять в каком-то пузыре, тут же лопнувшем. А где звезды, ну или… звездная пыль? – ничего, ничего нет. Хотя бы космический мусор? Или это какой-то другой, вывернутый наизнанку, космос? Виталий, не выходя из завладевшего им пространства, нашел в себе силы отправить импульс онемевшей руке, пошевелил пальцами и перевел нивелир назад, чтобы ухватиться, ну хоть за что-нибудь, за обшарпанные лацканы Николая. Но где он? Где Коля!? Смылся!? Куда!? Смылся в том смысле, что его нет вообще, нигде. Николай стал пустым местом. Умер – какое-то угловатое слово. Как обрешетка из уголковой стали, ничего теперь не держащая. А тут пустое место. Как описать пустое место? А никак. И от АБК тоже никаких следов, ни битого кирпича со стеклом. Ни горки пепла. Будто ничего и не было. Никакой перспективы, ни прямой, ни обратной. Виталий запаниковал и вернул прибор на космос – но хрен редьки не слаще. «Везде одна, одна беспросветность», – запричитал он, погружаясь в пучину мрака. Его охватило нестерпимое отчаяние. И вдруг – Проблеск! Или это его мысль о Проблеске? Мысль увидеть Проблеск. Но он вцепился в эту мысль и продолжил её: он и есть Проблеск! Не все так безнадежно. Оторвался от нивелира, громко выдохнул и посмотрел на Николая, скучающего с рейкой на другом конце котлована. «Николай! – крикнул он. – Всё!» Поднял и скрестил руки. «Всё. Обед».

Вчера допоздна была планерка, и вагончик прокурили на пятилетку вперед. А из открытых шкафчиков несло пудовым рабочим потом. Виталий захлопнул дверцы, высыпал окурки из пепельниц в помойное ведро, включил отопление и чайник; глянул на Николая, развернувшего газету с тормозком, и сел ждать, когда вскипит, как тут ему послышалось, – что на улице прокудахтал мотор, пофыркал и смолк. А оно так и есть: двери распахнулись, и в вагончик решительно вошел невысокий человек в мотоциклетных очках и кожаном шлеме. Он стряхнул с блестящего черного плаща снег, поднял очки на лоб и оглядел бытовку. Хмуро пробежал взглядом по Виталию с Николаем, нервно дернул головой, но, увидев нивелир, прислоненный к шеренге шкафчиков, расплылся в улыбке, цокнул языком и сказал: «Вот».

Подошел, встряхнул треногу, как поставленного в угол пьяного; и, склонившись, стал рассматривать привинченную к подставке табличку. «Он. ОКШАМ-78». Довольный, поставил нивелир обратно и, кивнув Виталию, добавил: «Кочнев, из экспериментальной лаборатории. Если

нужно удостоверение, извольте, – и вытащил из внутреннего кармана плаща красную корочку. – Я за ним. По ошибке отгрузили, в отделе чёрт-те чем занимаются. Опытный экземпляр».

Кочнев ласково посмотрел на нивелир, подмигнул ему и сел на скамейку. Закинул ногу на ногу и оповестил пространство бытовки: «Сейчас перекурю это дело и назад». Вынул из бокового кармана мятую пачку «Примы», вытянул, покатал в пальцах сигарету.

«А если бы не нашли? Под суд пошли бы. Все. И я, что недосмотрел». Прикурил от квадратной железной зажигалки, но, вдруг, что-то вспомнив, прищурился и строго спросил, покосившись на Виталия: «А ты прибор-то еще не ставил, в работу не брал?».

«Ставил, – неуверенно ответил Виталий, – завтра бульдозер должны дать».

«Ну и что ты там смотрел?»

«Как что – отметки на рейке», – ответил Виталий, опустив голову и исподлобья поглядывая на Николая, как бы приглашая того в свидетели. Николай перестал жевать курицу, вытер пальцы о газету и икнул.

«Ясно-понятно с тобой, – отчеканил Кочнев и наконец-то затянулся, подставляя ладонь под столбик пепла, – но ты здесь ни при чем. Отдел виноват. А теперь слушай внимательно и запоминай, – он встал, подошел к столу, стряхнул с ладони пепел в раковину из алюминия. – Всё что видел – забудь. Считай – этого не было. И никому. И ты, – блеснул глазами на Николая, – не работал сегодня, отгул взял. В общем, высоты еще не мерили. Завтра будете, когда другой из управления привезут».

Кочнев сел обратно. Виталий пошел и выключил чайник, у которого прыгала с брызгами крышка, а Николай дожевал курицу, икнул и мутно посмотрел на Кочнева.

Немного помолчав, Кочнев нехорошо улыбнулся и взволнованно продолжил: «Ну а если развяжется язык, по пьяни там или попрет раж какой, на тот случай дана инструкция – говорить вот эту легенду. Сейчас скажу. Это чтобы разговор не выходил с плоскости инопланетян всяких и снежного человека. Несерьез, одним словом. Пурга». Виталий смотрел куда-то в угол; а Николай, не отрываясь, смотрел на Кочнева. «Пойдите к прибору и посмотрите на табличку, – властно сказал Кочнев: – ОКШАМ-78». Виталий с Николаем встали и подошли. Посмотрели. Виталий пожал плечами, а Николай провел пальцем по табличке и повторил губами название. Пошли назад, сели.

«А что это значит? – Кочнев старался смотреть на обоих. – А это значит – “Око шамана”; 78 – год разработки. Дальше детали. Бурятский шаман во время транса, это когда в танце с бубном его трясет, как в нервном припадке, входит в состояние су-пер-по-зи-ции, в инструкции так написано; и в этом состоянии он способен видеть будущее и прошлое, проходить разные пространственно-временные кон-ти-ну-у-мы, забираться в глубины космоса, в инструкции так. И вот тут-то его цап, усыпляют, извлекают правый глаз, в хрусталике которого зафиксировалась эта суперпозиция. А дальше дело техники. Шаману вставляют искусственный. И отпускают. А его глаз передают в секретную лабораторию. И над ним колдуют биологи и физики. И вот на выходе нивелир. ОКШАМ. Поняли?»

Кочнев деловито потер руки: «Засиделся я тут с вами. Пора. Ну, лады? И смотрите у меня…» – он шутливо погрозил пальцем и подошел к нивелиру. Виталий ушел в себя; а Николай вдруг встал, подошел к Кочневу, складывающему треногу, и сказал: «А это… Оно… А можно

оставить нам его на день, на один, очень нужно, позарез? – и провел раскрытой ладонью по горлу. – Завтра сами привезем куда скажете».

«Ты что, с ума сошел, на какой день?» – занервничал Кочнев и стал спешно стягивать ремнями ножки треноги.

«Оставь, начальник, на день, не жопься, завтра привезем целехоньким», – навис над Кочневым Николай, схватил треногу и потянул на себя. Кочнев взвизгнул, отпустил нивелир и толкнул Николая в грудь. «Ах, гадина конторская, ты чё буром прешь!» – прошипел Николай, стянул с Кочнева очки, зашвырнул их в другой конец бытовки, схватил за широкие отвороты плаща, мотнул Кочнева и завалил под себя. Нивелир гулко стукнулся об пол, у трубы отвалилось стекло, из нее выкатился прозрачный шар. Виталий вскочил было разнять дерущихся… Но к его ногам подкатился шар, остановился, прокрутился и будто стрелой света ослепил его, пронзил насквозь…

«Начальник, ты чё заснул там, руки, ноги замерзли! – хрипло крикнул Николай. – Эй, давай, очнись!» – и задвигал рейку.

«Да щас, подожди ты», – пробубнил Виталий и отогнал прочь свои посторонние мысли, эту историю со всевидящим нивелиром, с дракой в бытовке, которую только что придумал, придумал, пока мерил высоты на краю промерзшего котлована, в промзоне, среди заснеженных степей, в глухой тоске бесконечного однообразного дня…

В круге замаячили риски, и Виталий взял замер. Записал.

Они шли с Николаем в бытовку. Николай посмотрел, посмотрел на Виталия и как-то мечтательно сказал: «Не помню, говорил тебе, нет? У меня жена беременна. А кто будет – мальчик, девочка? Вот был бы прибор, чтобы посмотреть в будущее». «Кто будет? – заулыбался Виталий. – Мальчик, кто же еще». – И крепче сжал замерзшими пальцами штатив нивелира на плече.

Поэзия

Геннадий ИВАНОВ

Родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Кандалакшу на Кольский полуостров – там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии имени Ф.И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве.

СТИХИ ЧИТАЮТ И МИРАМ...

* * *

В мире этом плещут волны.
Волны плещут через край…
Мир, тоски и счастья полный,
Мир земной, не умирай!

Столько много злобы дышит
против жизни, красоты.
Адский жар, он так и пышет –
гибнут люди и мечты…

Новый век – не лучше, хуже.
Лживый век, холодный, злой.
Дух он сдавливает туже.
Совесть и любовь – долой!

«Стадо малое, не бойся!» –
говорит христианин
настоящий. Он спасётся.
Из ста тысяч он один.

* * *

В высших слоях атмосферы,
Там, где хранилища веры,

Ангелы кружат-витают,
К нам по веленью слетают,
Словно птенцов, нас питают
Верой, надеждой, любовью.

Здесь, на земле, виноваты
Все мы, грехами богаты.
Только надежда на сферы,
Там, где хранилища веры.
И через все расстоянья
Наши летят покаянья...

* * *

Я в гостях у Гумилёва,
У Ахматовой в гостях!
Их живительное слово
В позаброшенных полях…

Здесь оно всегда витает,
Здесь оно всегда звучит
Для того, кто понимает,
Кто ему душой внимает,
Кто живёт, а не ворчит.

На холме вдали Слепнёво,
Там и роща и река…
Навсегда родное слово
Нас порадовать готово,
Нас и новые века!

* * *

В той молитве говорится:
«Господи, явись!
Научи меня молиться.
Сам во мне молись».

На Тебя моя надежда
каждый миг земной.
И гордец я и невежда…
Не побрезгуй мной.

* * *

У тебя миллионы просмотров.
У меня миллионы несмотров.
Миллионы кругом, миллионы –
«Звёзды» шоу, бандиты, шпионы…

Но не всё же идёт на потребу.
Кое-что устремляется к небу.

Не зову я закручивать гайки,
Я и сам отвлекаюсь на лайки.

Только много уж всякого шума,
У народа сбивается дума.

Народ

А есть ли он теперь – народ?
Или мы все поодиночке?
Но теплится ещё, живёт
Его душа не только в строчке…

Она и плачет, и скорбит,
Но знает – будут испытанья,
И будет ей не до обид,
И все закончатся метанья.

Ещё, быть может, не пора…
А может быть, мне только мнится,
Что в жажде правды и добра
Тогда народ соединится.

* * *

Котлеты на стол подавали тазами.
И рыбу на рынок возили возами…
Когда это было?
Куда это сплыло?
Я детскими всё это видел глазами.

Немного застал я пиры избяные.
Застал я стога и сараи сенные.
Застал многолюдье
И песни народа…
Сейчас от народа осталась природа.

Я краешек видел того, что угасло.
В деревне сбивали чудесное масло.
И лошади были, и были коровы,
И все земляки были живы-здоровы.

Давай до конца уж придумаем счастье
И внучке подарим, любимейшей Насте.
Да, было, Настюша, блаженное лето,
Которое нынче неведомо где-то.

И всё колосилось, и пело, и жило –
И всё было празднично, дружно и мило!
Художника Пластова знаешь картины?
На них эти люди, земля и овины…

* * *

Там крестьянки лён прядут,
Прялки на небо кладут…
П. Ершов, «Конёк-Горбунок»

Где крестьянки лён прядут?..
Только в памяти придут
Из какого-нибудь года,
Где в избе полно народа…
Там крестьянки лён прядут.
Там и пляшут и поют.
Пашни там благоухают.
В сени ласточки летают.

Там их гнёзда, там их детки…
Там и я сидел на ветке.
Там всё рядом, там всё близко.
Там луна сияла низко.
Там и гуси, там и галки…
Где же, где же эти прялки?
Так уж было суждено –
Прялки на небе давно…

* * *

Восходы! Закаты! Восходы! Закаты!..
О как на земле мы безмерно богаты!
Богаты полями, богаты лесами,
Богаты мы так, что не знаем и сами

Насколько богаты и чем так богаты –
Об этом расскажут нам только закаты
И только восходы, и вольные птицы…
И это богатство продлится, продлится…

И детям, и внукам, и всем его хватит…
Но враг если родину нашу захватит,
Тогда и восходы, тогда и закаты
Не будут красивы, не будут крылаты…

22 июня 2018 года

* * *

Молодым поэтам

Стихи пишу, как будто побираюсь.
Строку мне бросят… и ещё строку…
Сижу, сижу, пишу и жду – и маюсь.
Впадаю в некий ступор и тоску.

Твардовский говорил когда-то: лодку,
Зачем её, мол, посуху тащить…

Но вот мелькнула, кажется, находка.
Ещё немного, и мы будем плыть…

Бывало же. Не всё так однозначно.
Трудиться надо, мало я тружусь.
Бывает, что и посуху удачно.
Ждать т о л ь к о в д о х н о в е н и я – боюсь.

Работать надо, да, работать надо.
А там уж как пойдёт, как поплывёт…
Конечно, это праздник и отрада,
Когда само стремительно идёт.

Да что идёт. Летит само, поётся!..
Но всё ж нередко нужен этот труд,
Когда как в стену твой порыв упрётся –
Не строчки, а часы и дни идут…

Памяти Николая Колычева

В это время звонят только сукины дети,
и друзья, если срочно,
среди ночи звонят.
Позвонили, что нет тебя больше на свете,
только слово осталось и песня, и взгляд…

Вот залив твой
и лес твой с большими груздями,
и везде валуны, валуны, валуны…
Ты навеки прибит золотыми гвоздями
к этим северным далям и плеску волны.

«Я за речку пойду…
Там кончается город деревнею.
Я за речку пойду. Там всегда хорошо, за рекой…»
Я тут жил, приходил я к поморскому кладбищу древнему,
Где свиваются ветры – лесной и морской.

Ты о Севере так нам сказал задушевно.
Ты о жизни печально писал и светло.
Неуютно и хрупко ты жил,
но напевно.
Мурманчанам с тобой повезло.

Николай дорогой, я овеян твоими напевами.
Ты сказал о родном, ты напел о земной красоте!
Ты сейчас далеко –
сочиняешь под райскими древами
на какой-нибудь, может,
похожей на Север звезде.

* * *

За Днепр обидно.
И. Северянин

Да, больше нету той страны,
того единства.
И в свете киевской луны
творится свинство.

Там объявляют нам войну,
за Русь пытают…
Они днепровскую луну
От нас скрывают.

За храмы на душе тоска,
за Днепр обидно.
И этой дикости пока
конца не видно.

* * *

Друзья звонить мне стали из больниц.
Мы достигаем неких рубежей.

Гляжу в окошко я на зимних птиц.
Как мало птиц, как много этажей…

Гляжу в окошко я на белый свет.
Друзья мои, я обнимаю вас.
Примите мой молитвенный привет.
Дай Бог ещё увидеться не раз.

Чем я могу в печали им помочь,
моим друзьям? Ну чем я помогу?
Я помолюсь за них в глухую ночь –
я помолюсь за них
не на бегу.

* * *

Жизнь дарит многими дарами,
лишь были б мы к ней не глухи.
Я выступал перед горами –
читал им новые стихи.

Стоял над пропастью, волнуясь.
Вдали была гора Седло.
Я, настроенью повинуясь,
читал про русское село.

Соединял родные дали
и эти горы всей душой,

чтоб никогда не воевали,
чтоб мы единой силой стали –
Кавказ и мой народ родной.

Читал стихи перед горами…
Смешно, наверно, Магомед.
Но ты читал перед полями.
Тут ничего смешного нет.

И даже это всё не ново.
Стихи читают и мирам.
Я верю в искреннее слово,
оно понятно и горам.

* * *

Когда настанет время умирать,
когда исчезну в вечности, в пространстве,
уже не буду рифму подбирать,
шепча: убранство, пьянство, постоянство…

Я буду средь долин, где нежатся поэты, –
писал Ронсар. Теперь не пишут так.
Где буду я, не знаю – буду где-то…
Господь, я верю, милостив и благ.

Мне есть за что в раю быть и в аду.
О нас, о всех, есть замысел гигантский…
Уходит каждый на свою звезду*, –
так говорил другой поэт, испанский.

Что фантазировать про свой небесный дом…
Нам заповедано смиряться и смиряться.
Куда мы денемся. Конечно, мы придём
Туда, где будет нечего бояться.

* Х.Р. Хименес.

Андрей ШАЦКОВ

Родился в 1952 году в Москве. Окончил Московский инженерно-строительный институт. Работал в Главмособлстрое, Минхимпроме СССР, Минтрансе России, в постпредстве Республики Саха (Якутия) при президенте России.

Участвовал, будучи главным инженером, в создании уникального санаторного комплекса «Бэс чагда» на Николиной Горе в Московской области. Работал в газете «Слово».

Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Автор двенадцати поэтических книг. Кавалер ордена преподобного Сергия Радонежского. Лауреат премии правительства Российской Федерации в области культуры (2013), а также литературных премий журнала «Наш современник» (1999 и 2005), журнала «Молодая гвардия» (2004), журнала «Юность» (2005 и 2007), журнала «Российский колокол» за (2008), журнала «Нева» (2010) и других.

Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Действительный член Академии российской словесности. Проживает в Москве и в Рузе.

И ЛИШЬ ЛЮБОВЬ ОСТАНЕТСЯ ПРАВА

Предчувствие весны

Январь – словно март с голубыми сугробами.
Февраль, как апрель – в сите синих проталин.
Холмы оседают под снежными робами.
Их абрис – у южного склона притален.

Весна далеко.
По прошествии месяца – другого
Она прокрадётся на улицы…
Но где-то в бору просыпалась медведица,
И пили капели на Сретенье курицы.

Дожить до весны – окаянной, безбашенной,
Чтоб сердце летело за птичьими кликами
Над кручей реки, красноталом украшенной
И к небу ползущими ввысь повиликами!..

Но снова дороги скрипят под полозьями
Влекомыми в белой попоне конями…
Лишь пёс на крыльце, под холодными звёздами,
Всё цедит весенние ветры ноздрями.

Февральский морок

Памяти композитора Юрия Алябова –
автора музыки к «Маршу “Варяга”»»

Слепые снегопады февраля…
Нежданные, негаданные – просто,
Сорвавшиеся с неба на погосты,
Чтоб стала пухом каждому –
земля.

Кто лёг в неё, кто не успел пока,
Надеясь, что весною снег растает.
Но он, увы, летает и летает.
И кружат каруселью облака

Над русскою печальною равниной,
Которой нет ни края, ни конца.
Как нет конца и края у кольца
Российских рек,
чьей вечной пуповиной

Повит из Грек в Варяги крестный путь
Истории, что нам не поиначить…
Какая боль в метельном волчьем плаче.
Как разрывает эта песня грудь!

Но всё равно, покуда в сердце есть
Хоть капля праотеческой отваги.
Спеши стихи оставить на бумаге
И завещай своим потомкам честь

С которой жил,
и не твоя вина
Что на последнем запределье шага
Не взвеял над кормою стяг «Варяга»,
Как прадед,
и грошовая цена:

Делам, поступкам, мыслям и словам…
Они пришлись не вовремя, не к месту.
Попавши под губительный секвестр
Низвергнутым из ада временам!

И что ещё, по правде говоря,
Осталось ждать от синегорской стужи.
Покуда над землёй, как враны, кружат
Слепые снегопады февраля!

Марш «Варяга»

Памяти бабушки – З.В. Рудневой

Над бухтой встаёт желтолицее солнце.
Дымится на рейде эскадра Японца.
Но в церкви на юте канон сотворив,
«Варяг» и «Кореец» идут на прорыв!

А где-то в России, в снегах молчаливых
Тоскуют берёзы на волжских обрывах.
И матери снова не спят до утра.
Им письма несут штормовые ветра.

Орудия, к бою! Орудия, к бою!
Грохочет шрапнель над матросской судьбою.
Но выше неё, в корабельных снастях
Трепещет, как чайка Андреевский стяг!

Остались в тумане окрестные сопки.
Протяжно гудят раскалённые топки.
И в небе ревут канонады грома,
И низко к волне накренилась корма.

Огнём запылали морские пучины.
В горящих сердцах не осталось кручины.
От мичмана с юнгой – до высших чинов,
Запомнит Россия отважных сынов.

Живые шагают по Невскому маршем.
Пусть вечная память останется павшим.
На воду ложатся кругами – венки
В шеренги на баках встают моряки.

От Жёлтого моря до берега Крыма,
Плывут бескозырки средь чёрного дыма.
И грозным салютом гремят крейсера,
И следом несётся – морское УРА!!!

Судьба

Задумчиво листаю свод страниц
Своей судьбы
и, несомненно, вправе
Воскликнуть –
заповедный август – AVE!
Я ждал твоё мерцание зарниц
Из чёрных туч, парящих так весомо
Над линией лесного окоёма.
В молчании к земле припавших птиц.

Пусть голос грома – накалён и груб
Рой ласточек спугнёт, чтоб те – над нами
Поднялись в небо, в суете и гаме.
Им вслед шепну, не разжимая губ –
Родства не обрывая пуповину,
Мою молитву донесите сыну
И горький запах георгинов с клумб...

Осенним одиночеством звенит
Хрустальный воздух,
и не может Руза
Стать Летой для вины отцовской груза
С которым мне не улететь в зенит
К тебе, мой мальчик – журавлёнок в стае,
Которая крылами, как крестами,
Нас грешных, напоследок, осенит.

Гармония души – навек, прости,
Заложница судьбы поэта в споре,
Где на кону стоят печаль и горе
И радость слов, которых донести
Не доведётся – людям, в книг конверте,
Скрывающем забвенье и бессмертье.
Как персть земли, зажатую в горсти.

В июле

Ещё почти не убывает день,
Но словно исключение из правил,
Ложится на поля ненастья тень...
Апостол Пётр
и Апостол Павел

Ещё не отмечали праздник свой.
Ещё вчера была жары истома.
А ныне дождь, и там – над головой,
Гремит раскат простуженного грома.

В кулак свои сомненья соберу,
И повторю слова седой молитвы.
Из сновидений смутных – поутру
Восстану к яви, в ожиданье битвы!

И вынырну из тины бытия,
И выдохну стихов заветных строчки,
В которых будем вместе – ты и я,
Бродящие сейчас поодиночке.

Глядящие на тлеющий закат
В полнеба, в пол хрустальной полусферы,
Раскрашенной волшбою, как агат,
Тревожащей превыше всякой меры.

Укрой меня в еловом чреве, лес.
За мшинами, за сучьями, за пнями...
Зажёгся в тучах алый Антаре́с,
Прибитый раскалёнными гвоздями.

Гори, гори июльская звезда,
Лучами освещая путь не ближний
Туда, куда отходят поезда
От трёх вокзалов в Новогóрод Нижний!

Август

Не нарушая царственный покой
Тьмы августа, распластанной над твердью,
Я в тихий сад, над тихою рекой
Спущусь, оставив вещий сон за дверью.

Тьма обостряет до предела слух.
Я слышу запах флоксов у ограды!
Ещё не скоро первый залп – петух
Даст с крыши, увертюрой канонады.

Ночное небо мириадом звёзд,
Летит на нас, как огненная заметь
И вся земля – один большой погост!
И вся земля – одна больная память,

Вобравшая горячий звёздный прах,
Упавший на озёрные палитры,
Покуда остывает на губах
Помя́нник неоконченной молитвы.

Настало время

Летит черёмух белая метель.
Бубнит о холодах метеосводка...
В глазах заволглых – волжской поймы мель
И об неё разбившаяся лодка

Той первой встречи, что в моих стихах
Пребудет навсегда в последней книге:
О доблести и суетных грехах
И о любви утраченной – вериге.

Настало время собирать жнивьё
И камни, что разбрасывал повсюду.
Останется – Отечество моё,
Про отчество рассказывать не буду.

Но всё же, где бы ты ни процвела,
Какие кущи путь твой не встречали,

Ты вспомнишь заповедные слова
Неутолённой, искренней печали.

И вспыхнет прошлогодняя трава –
Разрыв-трава негаданной разлуки.
И лишь любовь останется права –
Строфою на свои вернувшись кру́ги!

Оленьи пруды

Спят пруды. Свисает снег мохнато
С прибережных веток бахромой.
Здесь вдвоём бродили мы когда-то.
Сколько лет минуло, боже мой!

В зимней полудрёме и томленье
Уходило солнце вглубь воды.
Замерзали губы и Оленьи,
Скованные холодом пруды.

Утишало грай воронье вече…
Млечный Путь – неярок и далёк,
Фонарями вспыхнув в этот вечер, –
Росстанью на наши судьбы лёг.

Только всё равно, когда в смятенье
Пустоту почуешь за спиной,
Вспомни:
наши два пруда Оленьи
Осиянны тайной неземной.

Где перед тобою на колени,
Не приемля прозы суеты.
Стал поэт, обняв пруды Оленьи –
Светлые московские пруды.

Чабрец

(богородицкая трава)

В Богородичный день, утопающий в ласковой сини
Осенин, облачённых в сентябрьский, кровавый багрец,
На бескрайних полях, на безмолвных полянах России
Богородской травой возрастает пахучий чабрец.

Что за дивные сны с чабрецом навевает подушка.
С тем, которым иконный оклад украшали в Престол.
И прекрасной царевною станет простая лягушка,
И не станет помехою кречетам ясный соко́л!

Сколько сложено сказок о сём, на людскую потребу.
Как причудлива их златотканая, мудрая вязь…

Рождество Богородицы – лествица в чистое небо.
Рождество Богородицы – осени топкая грязь.

А из грязи, хвостатый бунчук на скаку поднимая,
Смертным мороком явятся тысячи волчьих сердец.
И падут ковыли, в полный рост, под пятою Мамая,
Но пригнётся к земле, распрямившись, Непрядвы чабрец!

И навстречу врагу, под хоругвью «Ярого ока»,
В Богородичный день, богородской любимой травой,
Вылетают заса́дные вершники князя Боброка,
Созываемы в битву Архангела звонкой трубой!

И усеется поле коростою ратного спора –
Куликово,
заветное,
в поросли из чабреца.
Расточится туман, и заря, словно плат омофора,
Ниспадёт на траву –
и не будет России конца!

Владимир СКВОРЦОВ

Родился в 1954 году в деревне Климовщина Новгородской области.

Окончил факультет журналистики ЛГУ, работал редактором радиовещания в Выборге, заведующим подготовительными курсами ЛГУ, заместителем директора международной фирмы «Информпрессервис». В настоящее время – главный редактор журнала «Невский альманах», президент некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы».

Поэт, переводчик. Автор пятнадцати книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Я ОТКРЫЛ В ТЕБЕ, РОДНАЯ, НЕЧТО БОЛЬШЕЕ, ЧЕМ ТЫ

Служа закону мироздания

Душа тоской, как льдами, скована!
Боль без причины, невзначай…
Где для печали нету повода,
Поэт придумает печаль.

А там, где холод, мрак, насилие,
удушье, пошлость – вновь и вновь
едва живой, покрытый инеем
Поэт придумает любовь!

Поправ законы мироздания,
пронзая сам себя строкой,
он любит в пламени страдания,
страдает в праздности людской…

* * *

Осень нагрянет, и роща нарядится,
будет листва полыхать над горой…
Легче от ветра и пламени спрятаться,
чем от назойливых мыслей порой.

Был я проблемами часто раздавленный,
был обокраден до нитки не раз,
был оклеветанный, был окровавленный,
только души сохранился каркас.

Выбрал себе я дорогу – нетленную,
долго пришлось мне плутать и страдать,
только я знал, что мой мир и вселенную
можно трудом и любовью создать.

Нечто большее

Без любви твоей страдая,
как в пустыне без воды,
я открыл в тебе, родная,
нечто большее, чем ты.

До счастливого финала
познавала ты меня
и во мне седом признала
нечто большее, чем я.

Нет сильней духовной жажды,
этой истины держись,
чтоб вдвоём прожить однажды
нечто большее, чем жизнь!

Совесть

Под луной, как под секирою,
тяжко мысли ремонтирую.
Речка волнами листается,
что-то мне внушить пытается…

Люди – грешные создания –
в храме ищут покаяния;
всё на свете возрождается,
если совесть пробуждается!

Звёзды в небе над отчизною
тихо смотрят с укоризною.
Не случайно речка катится –
в океане будет каяться.

Я плыву в тумане льдинкою
с покаянною слезинкою,
и трава в лугах скитания –
вся в слезах от покаяния.

* * *

Принесла на крыльях птаха
много разных новостей…
Хорошо, что кроме страха
есть рассудок у людей.

У кого ума палата,
у того пуста сума,
потому что кроме злата
есть достоинство ума!

Властелин, забывший Бога,
неизбежно был… злодей.
Растворялось чувство долга
в страсти славы у людей.

Иисус не ведал страсти,
въехал в город на осле,
потому что кроме власти
есть и правда на земле.

Слыть богатым – это ретро,
все богатства – на крови…
Я ценю дороже «Евро» –
чувство счастья и любви!

Закономерность

Парадоксально и печально,
мой вывод ранит, словно плеть:
жизнь и рождение – случайность,
закономерность – это смерть.

Что будет завтра? Я не знаю.
Судьбу приемлю без нытья,
предвижу смерть, но воспеваю
всю уникальность бытия!

Есть чудо в этой круговерти,
оно, как звёздочка во мгле,
и неподвластно даже смерти –
любовь к живому на земле!

Дмитрий ТЕРЕНТЬЕВ

Родился в 1987 г. в городе Горьком. Окончил Нижегородское речное училище им. И.П. Кулибина, окончил юридический факультет Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Работал на теплоходе, заводе «Красное Сормово», в системе правоохранительных органов. В настоящее время – юрист в частной компании.

Публиковался журналах «Нижний Новгород», «Невский альманах», «Север», «Великороссъ» и других периодических изданиях. Автор сборников стихов «Человек дождя» (2012), «Мозаика раненой нации» (2015). Участник форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья и совещаний молодых писателей в г. Москве.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

В ТЕМНОТУ ДРУГОГО ПОСМОТРИ...

Вербное воскресенье

Плачут балконы и крыши
В Нижнем, Рязани, Москве.
Юный, задумчивый, рыжий
Лезет в окошко рассвет.

В это воскресное утро
Я у окошка, за ним
Видится мне почему-то
Город Иерусалим.

То ли на улицах верба
Снег растопила и лед,
То ли окрепшая вера
В сердце осанну поет.

* * *

В темноту другого посмотри,
если взгляд собой не исковеркан.
Маленькая звёздочка внутри
сломленного горем человека

огонёчком теплится свечи
в ледяном космическом пространстве,
и её горячие лучи
тают в временном непостоянстве.

Ты её поближе рассмотри.
Даже в телескоп не видно сразу?
Иногда увидеть свет внутри
сложно невооружённым глазом.

Даже наблюдатель иногда
принимает в фатуме участье.
Сорванная с потолка звезда
не наверняка предвестник счастья.

* * *

Приходи ко мне на восходе солнца
созерцать рождение дня.
Ждать, когда тепло по земле прольётся,
напоит тебя и меня.

Из окна стяни покрывало ночи,
надкуси луны ананас.
Видишь, вдалеке небо кровоточит, –
это Бог страдает за нас.

Мы пойдём вдвоём по цветным аллеям
собирать зари урожай.
Где над головой небосвод алеет,
собираясь солнце рожать.

В молодом саду златокудрый мальчик
не по дням растёт – по часам.
Вскоре он по горним полям поскачет,
замыкая в круг полюса.

Золотым плащом он земли коснётся,
над рекой ковёр будет ткать,
в облетевший сад он уже вернётся
стариком седым умирать.

Мы пойдём вдвоём по пустой дороге
провожать его в крайний путь.
Разожжём костёр и попросим Бога,
дать ему за ночь отдохнуть.

* * *

Раннего утра вода.
Чуткого сна колыхание.
Это божественный дар –
слышать родное дыхание.

Не говори «не возьму».
Непредсказуемо это,

как погруженье во тьму
неумолимого света.

Это похоже на то,
что ты испытывал в детстве,
стоя в промокшем пальто,
не понимая последствий,

в парке.
Сентябрьский пожар.
Пламя носил по аллеям
ветер.
Ты, робко дрожа,
осознавал – заболеешь.

Страшно знобило.
Тогда,
чтобы помочь обогреться,
солнце взошло.
И звезда
вспыхнула в маленьком сердце.

...Утром очнулся больной.
День одинокий и длинный
серой стоит пеленой
в склепообразной гостиной.

Ходит под окнами дождь,
по подоконникам смело
бьёт.
И небесная дрожь
липнет к холодному телу.

На запотевшем окне
пишешь, как мантру, признание:
«изнеможение – не
слышать родного дыхания».

* * *

День как день. Под небом ходят ближние.
В небе пролетает самолёт.
К Сормовскому кладбищу из Нижнего
возят тех, кто завершил полёт.

Схоронили. Помянули. Хлюпаем.
Над толпой, как над котельной, дым.
Против воли лезет в строчку глупое:
если умирать, то молодым.

Надо говорить, но мне не хочется.
По тропинке памяти бреду.
Вот моё скупое одиночество –
лавочка в заброшенном саду,

где сижу, двумя камнями млечными
вглядываюсь в жухлые цветы.
И выходят говорить о вечности
из травы живые мертвецы.

Водят хоровод, мехами-рёбрами
раздувают полымя в себе,
черепами полыми, как вёдрами
черпают голубизну небес.

Навстречу 800-летию Нижнего Новгорода: эпохи, судьбы, факты

Юрий ГАЛАЙ

Юрий Григорьевич Галай (1945–2012) родился в деревне Черная Маза Лысковского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. Преподавал в Нижегородской академии МВД заведовал кафедрой конституционного и административного права Нижегородского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики, Профессор, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, полковник милиции, заслуженный работник высшей школы РФ.

Историк, краевед, писатель, библиофил. Автор более 300 опубликованных журнальных и газетных статей, 5 монографий и 10 учебников и учебных пособий. Лауреат премии Нижнего Новгорода в области краеведения. Одну из последних его работ мы публикуем сегодня.

«ВАША ТЮРЬМА – ЦЕЛЫЙ ГОРОД»

Интернированные в 1812 году французы оставались жить в России. Значит ли это, что 200 лет назад наше общество было гуманнее и сострадательнее?

В эпоху Французской буржуазной революции многие жители этой страны оказались в эмиграции, в том числе и России. По существующим правилам, все эмигранты давали клятву, что непричастны «ни делом, ни мыслю правилам безбожным и возмутительным, во Франции ныне введенным и исповедуемым», признавая настоящее правление там «незаконным и возмутительным… А потому, пользуясь безопасным убежищем, от его императорского величества самодержицы всероссийской даруемым мне в империи ее», обязывались «прервать всякое сношение с одноземцами моими французами, повинующимися настоящему неистовому правительству». В случае же противных этому поступков – подвергали себя «в настоящей временной жизни казни по закону, в будущем же – суду Божию».

Но и на новой родине они не всегда чувствовали себя уютно. Подозрительность к ним то обострялась (при Павле I), то смягчалась (с начала правления Александра I). Однако война и континентальная блокада 1805–1806 годов внесли в жизнь французских колоний в столицах России серьезные и важные изменения. По словам французского

исследователя Ф. Тастевена, «до войны нас любили и уважали», но «настоящие неприятности начались для французов в 1812 году, когда на пост губернатора был назначен Ф.В. Ростопчин».

5 июля 1812 года Александр I повелел «о всех вообще иностранцах, как в столицах и губернских городах, так и в прочих местах Российской империи находящихся сделать следующий разбор». Во-первых, из иностранцев оставлять в губерниях только тех, «в благонадельности» которых начальник губернии «совершенно уверен и примет на себя точную ответственность в том, что они ни внушениями личными, ни переписками или другими какими сношениями» не могли подавать повода к какому-либо нарушению спокойствия или «к совращению с пути порядка российских верноподданных». Во-вторых, неблагонадежные и вызывающие сомнение иностранцы высылались за границу. В-третьих, тех из них, кто могли разгласить сведения «внутренних наших положений и обстоятельств» и подать повод «к неблагоприятным или вредным для России последствиям», приказывалось выслать в разные российские губернии, по государеву усмотрению. Мера эта должна быть приведена в действие «с возможною поспешностью».

Во исполнение высочайшей воли министр полиции предписал губернаторам «немедленно учинить разбор о всех иностранцах» и списки доставить к нему. Если некоторые из них подлежат к высылке за границу, то за ними «усугубить бдительнейший надзор со стороны полиции» и ожидать от министра «отзыв». Других же иностранцев немедленно отправить на жительство в Тамбов. Для переезда состоятельные должны сами нанимать экипажи, а неимущих отправлять за счет казны и под надзором внутренней стражи, «дабы они, нигде не проживая, следовали в места указанные».

Данное распоряжение было направлено и нижегородскому губернатору. А 22 июля макарьевский городничий Шушерин получил из Нижнего Новгорода «ордер», предписывавший, чтобы прибывшие на ярмарку (открывалась 25 июля) иностранцы жили «по указанным срочным видам» и никто из них, даже приехавших «с дворянскими фамилиями», не мог отъезжать без ведения и позволения губернатора.

Через два дня губернатор, находившийся во время ярмарки в Макарьеве, направил «ордер» нижегородскому полицмейстеру Е.С. Бабушкину, извещая его о высочайшем распоряжении. Ему поручался разбор иностранцев как находящихся в гражданской службе в губернии, так и всех прочих, «партикулярно в губернии проживающих».

Из уездов стали поступать рапорты. Некоторые из них были написаны довольно витиеватым слогом. К примеру, дворянский заседатель Горбатовского земского суда Кастальский доносил, что иностранцев, «которые бы могли или вдыхать в наших соотечественников мысли, противные благоденствию Российской империи, или вражески содействовать намерениям дышущей противу россиян злобою нации», он у себя не нашел, «ибо все они находятся у российских патриотов, которые особенно во время чувствуемого в нашем отечестве от врагов потрясении, сами по себе должны обращать внимательные взоры на такой поступок иностранцев». Впрочем, продолжал он, «нельзя не полагать, что иногда под личиною добродетели скрывается злодейшее сердце».

К рапорту прилагался список иностранцев, проживавших у местных дворян: в доме генерал-майора и кавалера В.С. Шереметева уже десять лет жил тридцатиоднолетний пруссак Пауль Михайлович Витте, исполнявший должность шталмейстера. У надворного советника

А.Б. Приклонского – двадцативосьмилетний англичанин Жембаус, исполнявший должность на заводе; у надворного советника П.Н. Бестужева-Рюмина находился «для разделения времени» санкт-петербургский купец 3-й гильдии француз Карл Рей.

В Арзамасе проживало шесть иностранцев: трое немцев и столько же французов (одна из них женщина). У генерал-лейтенанта и кавалера Н.О. Кутлубицкого в деревне Костянине столярничал гамбургский уроженец Иоганн Генрихович Лоренц; у коллежского асессора И.Я. Зубатова в селе Троицком обучал иностранным языкам любекский уроженец Иоганн Христофорович Грот; в имениях князя Путятина управлял его вотчиной прусский дворянин капитан Семен Семенович фон Завацкий и при нем курляндец Якоб Шван, который ранее занимался «управительскою должностью» у помещика Горихвостова.

По сведениям полиции, в Нижнем Новгороде проживало 37 иностранцев. Среди них были аптекари, учителя, столяры, портные, сапожники, кузнецы, садовники, слуги, почтальоны, золотых дел мастер и с 1794 года пастор – Михаил Христианович Штайнбрехе. Многие из них проживали у нас долгое время. В частности, Андрей Иванович Стадлер с женой содержал частный благородный пансион семнадцать лет, а Егор Христианович Эвениус держал в нашем городе аптеку с 1776 года. Несколько человек служили в губернии по Министерству финансов: двое турецких подданных, поляк, горский черкес и великобританец.

Некоторые из нижегородцев поспешили избавиться от таких служивших, чтобы не брать на себя ответственность за их дальнейшее поведение. Так, подполковница княгиня Прасковья Евграфовна Грузинская извещала гражданского губернатора А.М. Руновского, что в ее доме села Катунки находится француженка Монфор, за которую она ранее ручалась, но теперь в сложившейся ситуации сделать этого не может, прося «поступить с нею по благоразумению». Екатерину де Монфор вызвали в Нижний Новгород, а затем выслали «на собственное ее иждивение» в Тамбов.

В августе 1814 года нижегородский губернатор выслал в Астрахань отставного почтальона поляка Ягана (Иоганна) Андреевича Гака, который находился в России с 1772 года.

Но и в Нижегородскую губернию высылались иностранцы, проживавшие до войны в нашем Отечестве и попавшие под подозрения властей. По мнению главнокомандующего в Москве графа Ф.В. Ростопчина, в древней столице чуть ли не половина иностранцев состояла из «наполеонистов». Он не желал отпускать их из России и предлагал Александру I для большей безопасности не выдавать им паспортов, так как они, хорошо знавшие Россию, могли дать Наполеону полезные сведения. Ссылаясь на раздражение москвичей в отношении иностранцев, Ростопчин приготовился к массовому выселению. В ночь 20 августа 1812 года многие были арестованы, заключены в дом Лазарева, и вскоре число задержанных иностранцев (среди которых были не только французы) достигло сорока человек. Им официально объявили, что удаляют из Москвы. Для этого было предоставлено небольшое плоское судно длиною в 15 метров и шириною 9,2 метра. Посадив на него арестованных, им прочитали ростопчинскую прокламацию. В ней, в частности, говорилось: «Россия дала вам убежище, а вы не перестаете выражать против нее свою враждебность. Дабы избежать кровопролития и не запятнать страницы своей истории подражанием вашей адской революционной ярости, правительство увидело себя в необходимости

удалить вас. Вы оставляете Европу и отправляетесь в Азию. Вы будете жить среди народа гостеприимного, верного своим клятвам и слишком вас презирающего, чтобы делать вам зло».

До Нижнего Новгорода судно добиралось 56 дней и прибыло туда 17 октября. Один из высланных, режиссер французского театра Арман Домерг вспоминал: «Здешний губернатор, находившийся также в неизвестности относительно нашей участи, объявил сначала, что не знает, что ему делать с нами». А потому до выяснения вопроса их оставили на судне. «Но тут скрывалось низкое корыстолюбие», продолжал мемуарист, так как, едва только скрылся губернатор, к ним подошел чиновник московской полиции под предлогом осмотра, но при этом «секретно предложил» одному из высланных за тысячу рублей выхлопотать у губернатора разрешения жить им в городе. Некоторые из наиболее богатых сделали складчину, и через день всех сорок прибывших были выпущены на берег, где им не без труда удалось найти квартиры.

Действовал ли полицейский-взяточник с разрешения губернатора А.М. Руновского, сказать сложно. Но то, что тот заранее знал о высылаемых в Нижний иностранцах, не вызывает сомнения. И его утверждение о незнании, что с ними делать, могло иметь подозрительную подоплеку.

17 октября все прибывшие в Нижний Новгород дали подписку, обязуясь без ведения полиции «ни под каким предлогом отсюда не выезжать», в противном же случае будут отвечать по законам. Среди них 28 были французами: купцы, учителя, актеры, портные. фабриканты и пр.

Через десять дней полицмейстер рапортовал о принятии их под надзор полиции: «И хотя доныне ни один из тех иностранцев не замечен в подозрительном поведении или дурных связях, но тем паче вперед поступки и образ жизни их не могут остаться без строжайших замечаний и исследований, а особливо касательно сношений их или корреспонденции, а чтобы никто из них не мог отсюда каким-либо образом отлучиться, то в наблюдение за сим и хозяина квартир обязываются подписками». Высланные были размещены в домах на Покровской, Ильинской, Печерской улицах, в Благовещенской слободе, Тихоновском, Троицком и Предтеченском церковных приходах, а также в квартале Рождественской части.

Нижний Новгород был наводнен московскими беженцами, и губернатор А.М. Руновский опасался, что обеспечить должный надзор за иностранцами «нет возможности», потому что местная полиция «и в отношении к населению города коренными жителями крайне умеренна, а по теперешнему умножению приезжими чрезвычайно развлечена в ее действиях и наблюдениях». Начальник губернии сетовал, что в городе не имеется такого помещения, где всех высланных можно содержать вместе, а потому вынужден размещать их в обывательских домах. К тому же некоторые из бедных иностранцев не имели средств для найма квартиры и даже пропитания. Губернатор опасался, что они обратятся к нему за помощью, а у него никаких средств на это не было.

В сложившейся ситуации Руновский запросил Ростопчина и министра полиции, «не благоугодно ли будет» им отправить иностранцев из Нижнего Новгорода «в какой-либо отдаленнейший и свободный город».

23 октября губернатор получает ответ от Ф.В. Ростопчина, разрешившего отправить иностранцев под караулом в какой-либо уездный город, где имеется острог, в котором можно было их содержать, никуда не выпуская. Указывалось на содержание каждому выдавать на день по гривеннику (10 копеек).

28 октября губернатор известил макарьевского городничего об отправлении к нему иностранцев и предписывал их «содержать под строгим надзором полиции». На пропитание, отопление и освещение для бедных высланных иностранцев «на первый раз» губернатор предлагал взять сто рублей из Казенной палаты, а впоследствии суммы должны отпускаться из Макарьевского уездного казначейства. Неимущим предполагалось давать по 10 копеек в день на человека. Надзор поручался квартальному надзирателю Михайлову.

2 ноября высланных отправили на санях и под конвоем восьми солдат и под командованием сержанта-татарина. Не успели они выехать из Нижнего Новгорода, сани окружили обучающиеся ружейным приемам местные ополченцы, с криком «французы! французы!», направляя на них ружья, сделанные из дерева, однако снабженные штыками. Но подоспевший офицер спас несчастных.

Из-за ранней зимы переезд был трудным, с сильными морозами и ураганным северным ветром. К концу второго дня после сильного мороза выпал в большом изобилии снег, так что ночью караван сбился с пути и заблудился. И вот «после многих дней пути и жестоких лишений» они прибыли в Макарьев, население которого с проклятиями и яростными криками сбежалось смотреть на них.

Городничий принял прибывших, вспоминал один из ссыльных, «с комическою важностью во всем величии своего сана». Их отвели на опушку леса в одноэтажный деревянный с восемью комнатами дом, который был окружен крепким забором и во время ярмарки служил больницей. Одна из комнат служила общей кухней для арестантов и караульных; в другой располагалась стража; третья, самая маленькая, как полагали ссыльные, предназначалась человеку, который должен шпионить за ними. «Пленников» разделили на артели: более богатых поселили в комнату, отделенную перегородкой от беднейших сограждан.

Прибывшим строго запрещалось прохаживаться по обширному «тюремному» двору, и они свои прогулки совершали по крытой галерее, расположенной по фасаду здания. Но постепенно ссыльные приобрели большую свободу. Разрешалось получать корреспонденцию от родственников и знакомых, которая тщательно проверялась полицией.

Для своего питания ссыльные объединялись в группы, доставая провизию через караульных в Лыскове. Это было очень невыгодно, так как стоимость продуктов возрастала за счет услуг посыльных. Городничий не разрешал встречаться со знакомыми, случайно проезжавшими через Макарьев, но приводил своих друзей, выставляя ссыльных напоказ.

Конец ноября ознаменовался прибытием к некоторым ссыльным жен, оставшихся в Москве во время занятия ее французами. Они рассказали, что депутация от московских французов встретилась с Наполеоном, который и узнал о сорока сосланных в Макарьев. Был составлен их список, и Наполеон передал его назначенному губернатору Москвы герцогу Тревизскому со словами: «Напишите от моего имени графу Ростопчину, что солдаты ведут войну с солдатами, а не с артистами, учителями или купцами. Скажите ему, что если посягнут на личность хотя бы одного из французских изгнанников, русские офицеры, находящиеся здесь в плену, ответят мне за это своими головами». Император якобы приказал спешить по следам изгнанников, и отряд кавалерии отправился вдоль реки Москвы, но его усилия были напрасны, ссыльных успели вывезти.

В Макарьев прибыло 39 иностранцев, так как один из них, учитель швейцарец Людвиг Фаио, был оставлен в Нижнем. 20 ноября девять

высланных (из них пять французов) направили на имя губернатора ходатайство, прося облегчить их «несчастную судьбу» и разрешить жить на частных квартирах. Жаловались на ухудшение здоровья, которое «много претерпело от теснения и строгого заключения в городской больнице». Но просьба была оставлена «без удовлетворения».

1 января 1813 года с таким же ходатайством обращается к губернатору француз Марон. Оно было вызвано приездом к нему беременной жены с двумя малолетними детьми (пяти и восьми лет) из Москвы. Марон просил разрешить жить вместе с женой «во время ее родов» в наемной квартире. Просьба была уважена.

Летом некоторые из пленников стали незаметно перелезать через стену и уходить в лес на прогулку. Возник конфликт с городничим, написавшим об этом донос вышестоящему начальству. Это повлекло за собой посещение двух губернских чиновников, но увидев, что широкие ворота открыты настежь, а ссыльные спокойно занимаются каждым своим делом, «чиновники засмеялись в лицо городничему». Проверяющие оказались не так придирчивы, но зато корыстолюбивы: состоятельные иностранцы собрали около 1000 руб. и получили возможность «поехать повеселиться в Нижний Новгород».

Не отставал от губернских чиновников и макарьевский городничий, который также «нашел предлог к новым вымогательствам», открыв за мзду для них двери больницы.

15 мая 1813 года нижегородский вице-губернатор А.С. Крюков предложил графу Ростопчину перевести иностранцев из Макарьева в другое место, поскольку с наступлением весны и открытием судоходства «представилась необходимость в помещении для больных, особенно с проходящих мимо города по реке Волге судов бурлаков». Вместе с тем «приближается время к открытию знаменитой Макарьевской ярмарки, на которую со всех сторон государства съезжаются купечество и другого звания люди». Эти два обстоятельства, по мнению А.С. Крюкова, «никак не позволяют оставлять далее иностранцев в Макарьеве», где кроме больницы для высланных не было другого помещения. Да и в других городах губернии, оговаривался он, нет ни острогов, ни зданий, где было бы возможно их содержать. Сверх того, и «ярмарочное многолюдство» заставит удалить их от настоящего местопребывания как «людей подозрительных». Ростопчин разрешил удалить иностранцев на время в другой город, где «к содержанию их более представится удобности», но после ярмарки по усмотрению нижегородских властей вернуть вновь в Макарьев, в котором они и «должны остаться впредь до дальнейшего о них распоряжения».

Макарьевские затворники находились под охраной одного унтерофицера и шести рядовых местной инвалидной команды, а ночью она увеличивалась еще на два человека. Но на время наступающей ярмарки городничий считает этот караула недостаточным и хлопочет о его усилении.

Новый гражданский губернатор С.А. Быховец рекомендует тех иностранцев, которые могут себя содержать, отправить «за надлежащим присмотром» в Нижний Новгород, в Макарьеве же оставить только тех, кому «даются кормовые деньги». Затем было решено и оставшихся иностранцев отправить в губернский город.

Француз Домерг выдвигал свою версию, считая, что все зависело от городничего, который, «утомясь тщетным ожиданием взятки, решил окончательно отпустить последних арестантов».

Последняя группа «арестантов» прибыла в Нижний Новгород 28 сентября. Начальник конвоя оставил их во дворе немецкого трактира и намеревался удалиться. На вопрос мемуариста, «надо ли нам за ним следовать», тот грубо ответил: «Сказано, что ты и все вы можете идти, куда хотите: ваша тюрьма – целый город». Автор воспоминаний встретил в Нижнем Новгороде соотечественника, бывшего офицера, разгуливающего по городу с французской трехцветной кокардою.

Десять прибывших в Нижний Новгород французов обратились к полицмейстеру Бабушкину с просьбой об отпуске им кормовых денег, «как получали они по бедному состоянию их в городе Макарьеве». После согласования с губернатором французам были даны просимые кормовые по 10 копеек в сутки.

Почему нижегородский губернатор решил перевести иностранцев в губернский город? Как он объяснял, причина заключалась в личном его ознакомлении с проживавшими в Макарьеве иностранцами. Приехав на открытие ярмарки, он «нашел при них многих жен и малолетних детей, помещающихся весьма тесно, отчего было немало больных». С.А. Быховец приказал пользовать их командированным на торжище «медицинским чиновникам», но эта помощь не могла продолжаться после окончания ярмарки, а в Макарьеве штатного врача не было. Сосланные принесли губернатору жалобу, что при Макарьеве по окончании ярмарки невозможно достать никакой пищи и покупают они ее в Лыскове. А это село находится на другой стороне Волге и в пяти верстах от Макарьева, и переправа через реку на лодке, в особенности во время сильного ветра, бывает крайне затруднительна, а иногда и крайне опасна. Так что они нередко оставались без свежей пищи по два-три дня. Эту подтвердил и городничий, объяснив, что в уездном городе, кроме ярмарочной поры, никакой торговли съестными припасами не бывает. Но при всех таковых стесненных обстоятельствах, удостоверял городничий, иностранцы «вели себя смирно, послушно и не навлекали на себя ни малейшего сомнения ни сами собою, ни чрез постороннее чье-либо на них мнение».

«Убедившись таковыми неудобствами содержания иностранцев» и учитывая малочисленность охраняющей их команды, губернатор и решил перевести их в Нижний Новгород, который уже освободился от «московских гостей и тамошних присутственных мест», а по роспуску резервного ополчения не имел «никакого стеснения» в квартирах. К тому же здесь за иностранцами «можно иметь ближайший… надзор полиции», а также особенное губернаторское «внимание» за поведением каждого из них.

С.А. Быховец просил санкт-петербургского главнокомандующего С.К. Вязмитинова об отправке иностранцев обратно в Москву, так как многие из них «суть давнишние тамошние жители и записаны были в купечество и при долговременном содержании под присмотром добрым своим поведением заслуживают снисхождение».

Однако С.К. Вязмитинова ответил, что «люди сии должны еще оставаться в Нижегородской губернии под наблюдением полиции, но воспрещать им однако же промыслом своим снискивать себе пропитание не следует».

Наблюдение за высланными из древней столицы иностранцами было ослаблено. А на следующий год семи французам-купцам даже были выданы билеты на право въезда и торговли на Макарьевской ярмарке.

По окончании победоносного войны был издан высочайший манифест Александра I от 30 августа 1814 года. 19-й пункт его провозглашал

дарование всеобщего прощения и свободу всем людям, «заблудившим во время прошедшей войны, из которых иные от страха и угроз неприятельских, иные от соблазна и обольщений, иные от развратных нравов и скудности сердца, забыв священный долг любви к отечеству и вообще к добродетели, пристали к неправой стороне злонамеренного врага». Манифест повелевал «всех по сим обстоятельствам взятых, сосланных или иным таким образом задержанных, освободить».

Во исполнение Манифеста 21 сентября нижегородский губернатор предписал полицмейстеру Бабушкину объявить высланным иностранцам об этой высокомонаршей милости и освободить их, «отобрав от них сведение, куда кто из них желает отправиться», и приказал явиться к нему «для получения надлежащих видов». Полицмейстер же должен был удостовериться, «не имеется ли за ними каких-либо по здешнему городу претензий».

Губернатор в докладе в Петербург подробно перечислял фамилии освобожденных иностранцев. По причине болезни в Нижнем Новгороде осталось всего четыре человека. Последним губернатор и объявил предписание Комитета министров, что «предоставляется им на волю, остаться в России или выехать за границу». Вследствие чего они подали губернатору «объявление». Купец Морис Альмарт указал, что он находится в России 17 лет и «на верность подданного» дал присягу и был записан в московское купечество 3-й гильдии. «И как он присяге своей ни явно, ни тайно не изменил», то ныне пожелал остаться в России «вечно и по праву подданства быть по-прежнему в московском купечестве». Учителя Венсант Сент-Агат и Лаврентий Морино указали, что живут в России 23 года, дали присягу на верность и «с указанного дозволения Московского университета» учили в разных дворянских домах юношество французскому языку. Они также пожелали остаться «вечно в России и заниматься, как верноподданные, прежним своим занятием». Четвертый иностранец – фабрикант Мишель Андрей Пиверт заявил, что он был «зазван в Россию» по соизволению императора «для заведования бронзовой фабрикой» в Москве, но она разорена во время нашествия Наполеона. Он пожелал остаться в России, чтобы восстановить столицу. Вот этим четверым и было дано разрешение министра полиции переехать в Москву.

Такова незатейливая история высланных из Москвы в нижегородские пределы подозрительных иностранцев, происшедшая почти двести лет тому назад и связанная с Отечественной войной 1812 года.

Несмотря на притеснения со стороны уездной администрации и негативное отношение большей части населения, учитывая обстоятельства военного времени, их положение, хоть и незавидное, не назовешь трагическим. Они не подвергались физическим страданиям, а лишь испытывали нравственное унижение. То же можно отнести и к военнопленным французской армии, которые также получали от государства довольствие и не содержались за колючей проволокой, как это стало обычным в более близкие к нам времена.

Значит ли это, что двести лет назад общество было гуманнее и сострадательнее?

2011

Стихи по кругу

Лариса БУХВАЛОВА
Павлово, Нижегородская область

* * *

Вихри в небе несусветные
или вправду – Божий Суд?
Только жёны раболепные
Мир в ладонях нам несут.

Это жёны мироносицы
под Архангела крылом.
Кто несёт, с того и спросится –
как был этот Мир несён?

К Солнцу Правды, к Свету Родины
по огням идут свечей.
Сколько дол и болей пройдено,
что идти всё горячей.

Ведь идут землёю русскою,
с песней, полною чудес.
А тропа такая узкая.
И поют – Христос воскрес!

От Покрова и до Казанской

Есть дни в обычном мире бренном,
когда возвышен человек.
Грачи летят осенним небом
и от лесов исходит свет,
преображая счастьем лица.
Стожаром клёнов выси жжёт.
Тогда по палой охре листьев
в мир Богородица идёт.
От Покрова и до Казанской
в патриархальном октябре
Господь смиренно наказал ей
ходить меж нами по земле.
Как бы меж Раем и меж Адом,
где суета и лет просчёт,
над Вифлеемским скорбным садом
Эдем возвышенный встаёт.

Обнажены его оливы,
и видно светлые следы.
В людских садах роняют сливы
свои последние плоды.
Весь мир открыт, полуразрушен.
Над кровлей тленные леса.
Но наполняет осень души
наивной верой в чудеса.
И ты, мой друг спешащий, входишь
в аллеи ясный коридор,
где осень, будто на исходе,
и кружевной плывёт подзор
так, что блаженствуя, болея,
душа не просит ни гроша –
глядит, как тюль метёт аллеи,
немарким золотом шурша.
И разговор о том в народе,
при доле скудной и простой,
как эта женщина проходит
сквозь мир предзимний и большой.
Что каждый здесь уже не прежний,
приняв причастие её –
святую радость и надежду,
что осветили бытиё.
Что очень скоро несказанно
застелют льнами неба дно.
От Покрова и до Казанской
всё светлой радостью полно.

Андрей ДМИТРИЕВ
Нижний Новгород

* * *

Гуси-лебеди
над чёрным бором –
в детском лепете
были поводом к разговору
об изнанке реальности,
ещё неизведанной вширь
и вглубь. «Баб, пожалуйста,
расскажи,
что там было в конце
сказки», – пытало юное сердце,
желая узнать рецепт
чуда и предложить свою версию…

Проснёшься в начале года,
а сердечко: тук-тук.
И верить охота,

что это – не вдруг,
не просто биомеханика,
а пружинка загадочной табакерки,
к которой есть маленький –
изготовленный в незапамятном веке –
серебряный ключик.
Кто-то сделал положенный оборот
фарфоровой ручкой
по часовой стрелке
до упора – и вот
зазвучала мелодия, мелкие
дверцы открылись,
взошло крохотное светило,
и хрустальному богу на милость
вспыхнул мир, скопивший свежие силы…

«Баб, пожалуйста,
расскажи,
чем всё это закончится», – часто
спрашиваешь в тиши,
но вопрос уже риторический…
В январском снегу
мёрзнет, привыкший к вычетам,
взаправдашний город – будто в стогу
лунной травы, обратившей в подкожный лёд
вчерашнюю почву,
впрочем, гуси-лебеди продолжают полёт,
и ты видишь это воочию…

* * *

Лошадь в соломенной шляпе,
возница – старик-водовоз,
и солнце такое жаркое – будто в Анапе,
и звон прибрежных стрекоз.
В бочке – плеск, под ободом – шорох.
Ребятня – как запятые и точки –
расставленные невпопад – не как учат в школе –
но кто сейчас вникнуть в правила хочет,
когда в листве – такой хаос жизни,
что вот-вот возникнет вселенная.
Знали б о том фашисты,
уже загружающие железо
в чрево своих самолётов,
чтобы порвать это всё на корню…
Лето – утлая лодка.
Подставишь плечо комарью –
почуешь ещё не боль, и даже ещё не зуд.
Боль – будет позже,
когда полыхнёт мазут –
предрассветный обжиг
на разбомбленном складе
под вопли рабочих –

и оплавит страницы тетради,
где все эти запятые и точки
станут горстью пепла…
Лошадь встала, остановилось и колесо.
«Ну, давай, милая, неужто ослепла –
вон за пригорком уже село».

Олег ИГНАТЬЕВ
Москва

* * *

Нет лучше прибежища мыслям, чем общий вагон,
Скрипевший не раз на путях поворотного круга
И так в тупике накалившийся, что не резон
Его и отапливать при возвращении с юга.

Кому своевольная жизнь не помстится в пути?
И не отступает, а к горлу комком подступая,
Она заставляет на станциях, как ни крути,
Считать каждый гривенник, словно торговка скупая.

Кто выстоял честно у кассы дорожный билет,
Тот слышать не слышит, как буксы устало скрежещут,
А грустно следит, как торопятся бабы чуть свет
Забыть о своей, о божественной сущности женщин.

Зажатым бок о бок, на лавках заёрзанных нам
Привычно держать кулаки на коленях, а если
Сквозь пыльные стёкла таращиться по сторонам,
Оплачешь в душе придорожный повал мелколесья.

Зачем я об этом? Да, может быть, только затем,
Что все родословные корни в земле перевиты,
А общий вагон тесноват во спасение всем
От пагубы высокомерья, с которой мы квиты.

* * *

Березник густой, как молозиво,
Разбавлен сырым повечерьем,
И воздух качает, как озеро,
Линяющей осени перья.

И лес, обезволенно тенькая,
Так тени свои растенётил,
Что кладбище за деревенькою
Навеки увязло в болоте.

Да ладно! Зарубки и затеси
И лето корой не латает.

Поблёкли надгробные надписи,
Да кто их сегодня читает?

О прошлом ни звука, ни отзыва!
И образа нет выразимей,
Чем этот саврасый, берёзовый,
Стреноженный сумрак предзимья.

И нет в мире листьев освистанней,
Чем листья вечерней осины
У сгнившей какой-нибудь пристани,
Где плавает дух керосинный.

Игорь ГРАЖДАНИНОВ
Нижний Новгород

Репейники

Репейники, репейники,
Шаги мои негулки.
Опять цветут репейники
В заросшем переулке.

Репейники, репейники,
И ничего не надо –
Не надо мне сирени
Из городского сада.

И никакой нет ко́рысти,
Пускай звонят к обедне,
Не надо даже горести
Моей любви последней.

И счастья на копейку
Мне даже не видать.
Репейники, репейники
Не стоит корчевать.

Роман КРУЧИНИН
Брянск

* * *

Какая странная роса –
красна, но это не от крови...
(Глаза закрою – набросать
хоть пару строчек – и открою.)
И где я только не бывал, –
и ворон там полынью болен,

и гор-то нет – и всё ж обвал,
а вот на этом русском поле...
Какая тишь, какая гладь!
Ромашка с васильком в обнимку...
(Не дай мне, Боже, удалять
душою сделанные снимки.)
О, из всего любовь лишь есть! –
к заре, росе, родному дому...
...да был я здесь, всегда был здесь,
я просто видел по-другому.

* * *

Писал бы и писал, как Лев Толстой,
ведро чернил и уйму лет потратив,
чтоб всё сказать, мне надо: полтетради,
простой в делах и карандаш простой.
...Ан нет, не всё словами передашь...
я битый час сидел какого чёрта? –
лишь этот стих, и то вот так – X – зачёркнут,
и как-то так – V – разломлен карандаш.

Анна ШМАЛИНСКАЯ

Тюмень

* * *

Снова мне больница
снится
Белая палата
анекдот без мата
Спим без одеяла
мало
Кто-то часто плачет
плохо ему значит
Греют тут подушки
ушки
Тянемся украдкой
за конфеткой сладкой
Он идёт шатаясь
каясь
Мы стоим без дела
отвернувшись смело
Схватится за грудь
и в путь

* * *

Ропщи, ропщи… Но на себя.
Беги, беги… Но дальше – море.
Устав привычно прозябать,
Увидишь пустоту в просторе.

Молись, кричи, чтоб боль ушла,
Кляни бездушных злую волю.
Отбросив света удила,
Ты пустоту наполнишь болью.

Найдут. Простят. Но вновь не те.
Забудь. Построй мосты, что тонут.
Открой в безгрешной темноте
Той пустоты безвольный омут.

Борис АНДРИАНОВ
Нижний Новгород

Станция «Правда»

Ах, друг мой, есть и в этом отрада, –
Сесть на поезд и мчаться во мгле
К полустанку с названием «Правда»,
Размышляя о русской земле.

Сколько бед пронеслось над Россией,
Бушевало, оставило след,
А её глухомань всё красивей,
Всё милей с накоплением лет.

Эти кашки- ромашки вдоль поля…
Правда – вот она, и не из снов:
У сараев, ветшающих толью,
В глубине обнищавших домов.

Воздух Родины. Шум электрички
Уж доносится эхом едва…
Отчего мы спешим по привычке,
Всё не те произносим слова?

Игумен Паисий (Валерий САВОСИН)
Рязань

На полях рисунка

Пишет и переписывает рассвет
Небо разнообразное, полноту земную,
Море, мерцающее в золотой листве
Мотыльком меж пальцев, и страшно так – не сомну ли

Цвет бесцветный, сошедшее между строк
Ослепительное событие, посещенье,
Сказанное вполголоса, глухотой, пестро
Прерываемой звуками: льётся в щели

Малозначное, ясное больше слов,
В простоте разборчивой столько непостижимой,
Что стою, настигнутый, и белым-бело
На полях молчания. Лишь акварелью плоть
Росных трав переписана. Но о чём, скажи мне...

Татьяна БОБЫШЕВА

Нижний Новгород

* * *

Пришла весна, и будоражит
Сердца капели перезвон!
Пусть вам «люблю» сегодня скажет
Тот, кто в вас искренне влюблён!
Пусть все признания, сплетаясь,
В чудесный сложатся букет,
С ним, в ритме вальса растворяясь,
Закружится весь белый свет!
Пусть счастьем лица озарятся,
Пусть души светятся сполна,
И все мужчины восхитятся:
«Да, женщина – сама весна!!!»

Публицистика

Роман СЕНЧИН

Родился в 1971 году в Кызыле, Тувинская АССР. Работал монтажником, дворником, грузчиком. По окончании Литературного института вел в нем семинар прозы (2001–2003).

Публикуется в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Урал». Автор ряда романов и сборников рассказов. Роман «Ёлтышевы» в 2011 году вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия». В 2015 году роман «Зона затопления» удостоен третьей премии «Большая книга».

Живет в Екатеринбурге.

АВТОМАТИЧЕСКИ РЕАБИЛИТИРОВАННЫЙ

Недопроклятый поэт Александр Тиняков

Писатель больше всего боится забвения. Казалось бы, публикация произведений избавляет от него, но это не так. Тысячи лет назад выбитые на камнях надписи скалывали, слова с пергамента соскабливали и смывали, писали новое, свое. Позже книги сжигали, и не только потому, что они вредны – попросту печки топили, и в огонь летели последние экземпляры; а с увеличением тиражей и сжигать оказалось не надо – большинство книг, бумажных или цифровых, не замечают. Совершенно. Почти всё написанное, изданное, опубликованное тут же погружается в реку забвения. Вместе с именем автора.

Вынырнуть из этой страшной реки едва ли кому удается. По сути, мы читаем, скажем, из русской литературы пусть золотые, драгоценные, но крупицы. Протопопа Аввакума из XVII века, двух-трех авторов века XVIII-го, десятка два XIX-го, десятка три-четыре XX-го. Еще кое-кого знаем лишь по фамилии, а другие творившие для нас – пустой звук.

Может быть, это справедливо, вернее – закономерно. Даже самой богатой в смысле духовной культуры нации невозможно иметь слишком широкий первый ряд. Иначе он потеряет ценность. Соответственно, небесконечен и ряд второй. Остальное – сотни тысяч писателей и миллионы их произведений – исчезает бесследно или оседает в подвалах архивов в ожидании энтузиаста-исследователя, который может вывести автора и его наследие на свет божий.

Серебряный век породил множество талантливых поэтов. Живут в русской литературе несколько имен. Еще несколько появляются в антологиях,

кто-то упоминается в статьях и монографиях через запятую… Время от времени литературоведы пытаются вернуть читателю очередного забытого сочинителя, издатели выпускают сборники стихов, но почти всегда это заканчивается неудачей: сочинитель вновь уходит в небытие.

Воскреснуть в литературе – такое же чудо, что и в реальной жизни.

Чудо произошло с тем, кто, казалось, был забыт прочно и навсегда; кто писал о себе в тридцать восемь лет от роду и за девять лет до смерти: «…к сожалению моему, судьба неудачника отяготела надо мною и, вероятно, я не только не добьюсь известности и успеха, но погибну безвременно от голода и нищеты. <…> неудачником рожденный и в гроб должен сойти неудачником, не поведав о себе ничего и никакого следа в жизни не оставив».

Человек, как говорится, предполагает, а Бог (или некие другие силы) располагает. И теперь этот человек на слуху. Более того, на него возникла чуть ли не мода. О нем пишут литературоведы и историки литературы, его лирические стихотворения, красиво оформив виньетками, выставляют на своих страницах в интернете девушки с нежной душой, а стихотворения иного рода – декаденты, панки, некрофилы, эзотерики наших дней.

Евгений Евтушенко не только включил его произведения в «Строфы века», но и посвятил ему свое, где есть такие строки: «…недопроклятый русский поэт, / кому даже в земле ни объятия, / ни проклятия, / столь долгожданного, нет».

Зовут этого «недопроклятого» Александр Иванович Тиняков.

Интерес к нему возник в начале 1990-х, и не потому, видимо, что тогда было многое рассекречено, стало доступным исследователям (получая не так давно в архивах и библиотеках его прижизненно изданные книги, рукописи, письма, материалы о нем, я видел, что большая часть их была затребована и в 1960–1980-е годы); нет, скорее всего, противоречивая фигура Тинякова, его необычная судьба оказались созвучны происходящему в ельцинский «переходный период», да и тому, что продолжает происходить сегодня.

«…О жизни Тинякова можно было бы написать увлекательный роман, особенно если бы о ней было известно лучше, чем нам сейчас», – предположил составитель и автор предисловия к первому после семидесятипятилетнего перерыва сборнику его стихотворений Николай Богомолов.

Замечу, для написания биографического романа не нужно особенно много материалов о жизни героя, но в общем полностью согласен – жизнь Александра Ивановича (это не фамильярность – его именем-отчеством назвал один из очерков, а вернее, по сути, рассказ, Георгий Иванов) тянет на роман. Психологический, приключенческий, исторический, морализаторский… Но я ограничусь очерком жизни и творчества.

* * *

Орловская земля щедра на литераторов. Тургенев, Тютчев, Лесков, Фет, Апухтин, Якушкин, Писарев, Бунин, Зайцев, Пришвин, Андреев, Вольнов, Потемкин, Блынский, Шорохов… Всё это красавцы, большинство – настоящие русские богатыри. Изумительные лирики и пейзажисты (включая и Дмитрия Писарева). Но почти всех объединяют и странные, с изломами, роковыми поступками судьбы, которые нельзя объяснить только изломами русской истории. Дело здесь скорее в особенностях натуры.

Лириком и пейзажистом по природе своей был и Тиняков. Правда, с первых же шагов на писательском поприще он обратился к вроде бы со-

вершенно чуждому тому миру, в каком родился и рос, своей собственной природе декадентству. Смешно ведь – декадент из мужиков, Шарль Бодлер Мценского уезда. Но попытаемся понять, откуда это взялось и посмотреть, к чему привело…

Родился Александр Тиняков 13-го (25-го по новому стилю) ноября 1886 года в селе Богородицком Мценского уезда Орловской губернии. Ныне это – Свердловский район Орловской области. В районе два Богородицких; нужное нам – теперь в нем двадцать с небольшим жителей – стоит на реке Оптухе, впадающей в Оку. Природа классически русская: равнины, рощицы, овраги. Над этим всем – широкое поле неба.

Правда, в уголовном деле Тинякова, хранящемся в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, местом его рождения указано село Становой Колодезь. Впрочем, это рядом, каких-то несколько километров.

В своей повести в документах «“Исповедь антисемита”, или К истории одной статьи» («Литературное обозрение, 1992, № 1; сокращенный вариант – «Ной», 1994, № 8), давшей старт десяткам и десяткам статей о Тинякове, Вардван Варжапетян пишет: «Крестьянский сын, он и гордился, и стыдился за мужицкое свое происхождение; выдавал себя то за нищего, то за наследника богатого орловского помещика, радовался, читая на конвертах “Его высокородию А.И. Тинякову”».

В утверждениях Тинякова, что он то из крестьян (подчеркну – государственных, а не крепостных), то нищий, то наследник богатого помещика, нет противоречия. Его род по отцу действительно был крестьянский. Но еще в 1860-х прадед купил первое имение (300 десятин земли), затем второе (600 десятин), третье, четвертое… Это были богатые помещики, но не дворянские, не купеческие, а именно крестьянские. (Кстати сказать, почти не освещенное литературой сословие.) Порядки в таких имениях царили отнюдь не аристократические.

Отец время от времени лишал непутевого, оторвавшегося от их среды сына наследства, не высылал денег, и тот превращался в нищего, выпрашивающего у знакомых дворян-литераторов поношенные костюмы. Потом отец прощал, и Тиняков превращался в наследника… (В скобках замечу – в полном собрании сочинений Льва Толстого, том 74, «Письма 1903 года», Александр обозначен как «шестнадцатилетний сын купца, церковного старосты».)

Дальше я буду периодически цитировать «Отрывки из моей биографии» (так, с высокомерной скромностью, назвал семь листочков из школьной тетради в клеточку, ныне хранящихся в Пушкинском Доме, сам Тиняков), написанные в апреле 1925 года по просьбе библиографа Петра Васильевича Быкова. Этот документ до сих пор является, в общем-то, единственным источником сведений о детстве и отрочестве нашего героя.

Хотя род Тиняковых на Орловщине известный (советую обратиться, например, к работам орловского краеведа Василия Агошкова). Дед поэта Максим Александрович был фигурой поистине знаменитой – богач, жертвователь на строительство храмов, настоящий образец патриархального семейства. Жители Станового Колодезя отлили его бюст, который пропал после революции.

Но в семействе этом кипели нешуточные страсти. Вот что вспоминал Александр Иванович в своих «Отрывках…»:

«Всех своих многочисленных сыновей и замужних дочерей, а также и внуков, он держал в полном у себя подчинении. Помню, как в 1897 г. по его настоянию его старшая внучка, моя кузина, вышла замуж

за нелюбимого человека. Таких слез, какие проливала она, – да и почти все ее близкие, – перед этой свадьбой, я не видал и на похоронах. Эта самая кузина была моей первой страстной любовью: у меня до сих пор цела ее карточка с надписью от 1893 г. (мне шел тогда 7-й год).

На мою жизнь дед пытался повлиять только однажды – в 1897 г., когда отец решил отдать меня в гимназию. Дед решительно воспротивился. Но и отец, во всем ему подчинявшийся, на этот раз настоял на своем.

Теперь я думаю, что дедушка был по существу прав. О моих психических особенностях, в частности о моих литературных способностях он, конечно, тогда знать не мог, а среднего ребенка из такой патриархальной крестьянско-кулацкой среды отдавать в гимназию безусловно не следовало, так как для того, чтобы вести хозяйство и торговлю и выжимать из крестьян пот, вовсе не нужно знать ни Цезаря, ни Овидия, ни геометрию, ни русскую литературу. Дедушка был мудро последователен, а отец проявил здесь очень нездоровый уклон, разросшийся впоследствии до того, что он даже и дочерей не только отдал в гимназию, но и отпустил их потом на высшие женские курсы, правда, – не без борьбы. Это я считаю явным признаком разложения праведной патриархальной жизни.

Предки моей матери происходили из мещан г. Орла. Дед с материнской стороны – Лука Федорович Позднеев (†1895 г.) также был человеком выдающимся. Не получив никакого образования, он играл видную общественную роль в городе, в 1881 г. был в числе депутатов, поздравлявших императора Александра III с восшествием на престол, принимал у себя на дому архиереев и губернаторов. С семейными он также обращался деспотически. Его старший сын отравился, потому что дед мой не позволил ему жениться на любимой девушке. Хотя этого моего деда я не люблю, но в данном случае считаю его правым, а к памяти моего дяди-самоубийцы отношусь с величайшим отвращением, хотя я и никогда не видал его, т. к. в год его самоубийства мне не было еще года от роду.

Отец мой – Иван Максимович (†1921 г.) унаследовал от деда его коммерческие способности и до значительной степени его властный, крутой характер. Но дедовской силы в нем все же не было. Надо, впрочем, сознаться, что и внутренние жизненные условия, выпавшие на его долю, оказались значительно тяжелее, чем те, среди которых жил дед.

Дед был женат на крестьянке из родного села; она нарожала ему здоровых, грубоватых ребят и до глубокой старости (†1906 г.) хлопотала по хозяйству, следила за каждой тряпкой и щепкой, за каждым куриным яйцом и грошом.

Отец же мой женился на горожанке, взятой из семьи состоятельной и на вид почтенной, но уже тронутой вырождением. <…> Мать моя – Мария Лукинична (†1919 г.) также не была психически здоровой женщиной. Ей бы надо было уйти в монастырь, сидеть за пяльцами, вышивать алые розы на белом шелку, мечтать и молиться. Там бы она была обезврежена. Но ее выдали замуж за грубого, земного, напористого человека, соединили огонь и лед, и – в результате – еще одна патриархальная русская семья оказалась подточенной изнутри.

Я до сих пор ненавижу мою мать, хотя я знаю, что никто в жизни не любил меня так глубоко, так мучительно и беззаветно, как любила меня она. Но я знаю также, что если бы мой отец женился на здоровой деревенской девке, я не был бы литератором-неудачником, издыхающим от голода и еще больше от всевозможных унижений, а заведовал бы теперь где-нибудь Откомхозом, и была бы у меня смачная, мясистая

баба, крепыши-ребята, а в кармане хрустели б червонцы и позвякивали полтинники...

Было бы долго рассказывать здесь о моих семейных отношениях, о моей борьбе с отцом, закончившейся только с его смертью, о моих детских и юношеских впечатлениях. Это – тема для целого романа, и, если б я выбился когда-нибудь из невероятной нищеты, я написал бы его».

Вот из такой среды вышел один из самых колоритных персонажей Серебряного века.

* * *

«Писать прозой» Тиняков начал еще до поступления в гимназию; первые стихи сочинил в пятнадцать лет. В конце 1902 года бросил Орловскую гимназию, одним из преподавателей в которой был уже тогда известный литератор Фёдор Крюков, и впервые серьезно рассорился с родителями.

Что он – шестнадцатилетний – делал несколько месяцев, где жил – практически неизвестно. От того периода осталось очень мало документов. Например, коротенькое письмо Зинаиды Гиппиус от 2 мая 1903 года, извещающее, что стихи Тинякова не могут быть напечатаны в журнале «Новый путь».

Еще один документ – письмо Тинякова Льву Толстому от 17 сентября 1903-го, отправленное из Орловской губернии: «Я был у Вас в Ясной Поляне в январе, когда Вы были больны. В ответ на мое письмо Вы ответили мне коротенькой запиской, в которой, между прочим, не советовали разрывать с родителями. Вы дали этот совет, не зная меня и моих обстоятельств, но тем не менее мне тогда же пришлось последовать ему. Я возвратился в семью и даже в гимназию».

Письмо Толстого, на которое ссылается Тиняков, неизвестно. В своем рассказе «Дедушка» (журнал «Урал», 2017, № 1), я попытался представить последние часы жизни Александра Ивановича, его воспоминания о детстве, юности, мысленное раскаяние перед дедом Максимом Александровичем (умершим как раз в переломном для нашего героя 1902-м) и сочинил то пропавшее письмо Толстого:

«Возвращайтесь домой, помиритесь с родителями, дедушкой. И, пожалуйста, не становитесь современным поэтом. Современные поэты – люди ненормальные. Вы крестьянин, а крестьян в свете не любят. И в литературном кругу тоже. Будете на побегушках у дворянских фуражек, смеяться над вами будут – и погубят».

Забавно, что теперь это сочиненное письмо можно найти в интернете в некоторых очерках о Тинякове, представленное как подлинный документ…

Дошедшее до нас послание Толстому Александр отправил через несколько дней после своего литературного дебюта: 14 сентября в «Орловском вестнике» было напечатано стихотворение в прозе «Последняя песня» за подписью «Одинокий».

Этот псевдоним, по общему мнению литературоведов, был позаимствован у шведского писателя Стриндберга – как раз в 1903-м вышел роман с таким названием. Впрочем, быть может, на него Тинякова натолкнуло название деревни Одинок, находящейся от его родного Богородицкого в трех десятках верст.

Первые публикации Тинякова-Одинокого были в надсоновско-декадентском ключе.

…И, припомнив все Страданья, мрак и холод Умиранья,
Высоко в простор небесный взглядом мертвым я взгляну,
И к лучам звезды прелестным из темницы своей тесной остов рук
я протяну,
И, нарушив сон чудесный раздирающим рыданьем,
Воплем жалобы, стенаньем тишь Молчанья всколыхну…

Но писал он и другое:

Черные впадины окон
Нежно целует закат,
Землю и дали облёк он
В розово-грустный наряд.

Сумерки – темные чёлны
Близят к закатным огням.
Сумерек мягкие волны
Солнечным ранам – бальзам!

Кротким молитвенным гимном
Встречу прибытие их;
В воздухе вечера дымном
Тихо зареет мой стих.

В декабре 1903 года Тиняков побывал в Москве, где завел первые литературные связи – с Серафимовичем, Леонидом Андреевым, Брюсовым. «Знакомство с первыми двумя мне не дало почти ничего, но зато Брюсов на долгое время стал моим литературным учителем и предметом моего поклонения».

В 1904 году состоялась публикация в московском альманахе «Гриф», затем стихотворения печатались в «Весах», «Золотом Руне», «Перевале», «Голосе жизни», «Аполлоне». В конце 1904 года Тиняков посылает своему знаменитому земляку Ивану Бунину подборку для журнала «Правда» и вскоре получает сердитый, но честный ответ:

«…А кое-что мне прямо не нравится – как напр<имер> стих<отворение> “Мертв<енно>-бледн<ые> крылья”... с его “скорпионовскими” выкрутасами в роде какой-то “свечи” в какой-то совершенно для меня непонятной “Заброшенной” дали, написанной почему-то с больш<ой> буквы, и мелких декадентских новшеств, состоящих в употреблении во множеств<енном> числе таких слов, как “шум”, “дым”, и т. д.»

Впрочем, некоторое время Бунин не терял надежды сделать из Тинякова реалиста.

Автором «Скорпиона», возглавляемого главным символистом России Валерием Брюсовым, Александр Иванович, кстати, как раз не стал (в отличие от Бунина)… Вообще отношение Брюсова к нему странное: на протяжении лет он давал молодому последователю надежду на издание книги, обещал протекции и печатные отзывы о его стихах, но ничего этого не сделал. Может быть, причина была в том, что Тиняков публиковался на страницах главного конкурента «Скорпиона» в Москве – альманаха «Гриф»? Не исключено, что Александр Иванович, столь приятный честолюбию Брюсова как последователь его символистских теорий и практик, был все-таки поэтом (по крайней мере в то время) более чем посредственным, и мэтр не хотел «мараться» похвалами.

Есть мнение, что корень публичного молчания Брюсова о Тинякове – любовный треугольник: Брюсов – Нина Петровская – поэт Одинокий.

Вскоре после выхода первой тиняковской книги «Navis Nigra» в 1912 году, на которую Брюсов, вопреки обещанию, не отреагировал ни рецензией, ни хотя бы несколькими словами в печати, их отношения практически сошли на нет… В 1915-м в письме Владиславу Ходасевичу наш герой напрямую называет своего учителя «бездарным».

* * *

Тиняков в 1904–1916 годах – достаточно заурядный стихотворец, плодовитый литературный журналист и рецензент (особенно после переезда в Петербург в 1912-м), эксцентрическая личность. Периоды поистине каторжного писательского труда сменяются шумными запоями, от которых его лечат в психиатрических клиниках; заискивание перед более успешными собратьями по перу перерастает в озлобление. Тиняков то революционер-эсер, то монархист. Хотя черту он не переходит. С ним ведут переписку очень многие литераторы, в числе которых Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Николай Гумилев, Алексей Ремизов Игорь Северянин. Он «на дружеской ноге» с Александром Блоком.

Но отношение к Тинякову несерьезное. Он сам давал к этому повод: несмотря на поражавшую современников начитанность и память, постоянно просил совета, кому-нибудь подражал. И в жизни, и в стихах.

«…Сквозь романтическую наружность сквозило что-то плебейское», – через три десятилетия напишет о Тинякове 1900-х в то время его приятель, а позже враг Владислав Ходасевич.

Сборник «Navis Nigra. Книга стихов. 1905–1912 годы» он готовил тщательно и долго. На обложке поместил и свой псевдоним, и настоящие имя и фамилию. «Чтоб не спутали с другим Александром Тиняковым или другим Одиноким», – иронизировали современники.

Но, наверное, готовил слишком долго – книга вышла в год, когда читателей увлек только что народившийся акмеизм, когда критики ругались из-за будетлян и эгофутуристов. Запоздалого символиста Тинякова, которому тогда исполнилось двадцать шесть, почти не заметили. «Всегдашние дети вчерашнего дня», – охарактеризовал собранное в «Navis Nigra» Николай Гумилев.

Несколько коротких и, в общем-то, дежурных рецензий за авторством Бальмонта, Городецкого, Гумилева, М. Чуносова (Иеронима Ясинского), Ходасевича привлечь к книге широкое внимание не могли. По сведениям литературоведа Николая Богомолова из девятисот экземпляров за год было продано лишь семьдесят пять.

«…В публике моя книга успеха не имела, и мне никогда не дано было изведать тех сладостных и упоительных (пусть хоть мимолетных!) – радостей, которые выпали на долю С. Городецкого, потом – Игоря Северянина, еще позже – Есенина и которые теперь каждый день выпадают на долю самых бездарных и безмозглых бумагомарак». К такому заключению Тиняков придет в «Отрывках…» спустя тринадцать лет.

Приведу два полярных стихотворения из «Navis Nigra». Первое отсылает нас одновременно и к Бунину, и к Бальмонту:

В златые саваны деревья облеклись,
И скупо льётся свет на землю с поднебесья…
Бледна и холодна и безучастна высь
Печальною порой, порою златолесья.

Как скорбная вдова, смирясь, лежит земля,
Глубоко схоронив в груди своей обиды,
И пустота мертвит открытые поля,
И буйный ветр поёт над ними панихиды…

Впрочем, немногочисленные читатели отметили совсем другие строки:

Любо мне, плевку-плевочку,
По канавке грязной мчаться,
То к окурку, то к пушинке
Скользким боком прижиматься.
Пусть с печалью или с гневом
Человеком был я плюнут,
Небо ясно, ветры свежи,
Ветры радость в меня вдунут.
В голубом речном просторе
С волей жажду я обняться,
А пока мне любо – быстро
По канавке грязной мчаться.

Здесь слышится желание эпатировать, чувствуется игра и надуманность. Но придет время, и эта тема – плевка, человека-плевочка – станет у Тинякова главной и выстраданной. И она даст повод о нем вспоминать, пытаться понять, что это была за личность…

О его жизни до 1916 года сведений немного. Подписи к стихотворениям показывают, что он много ездит. Москва, Орел, Богородицкое, село Пирожково, Киев, деревня Кишкино, Самара, Брянск, Курск, Тула… Несколько стихотворений апреля 1906 года подписаны «Орел, тюрьма, камера № 81». За что он попал за решетку – доподлинно неизвестно. Позже Тиняков намекал на свою революционную деятельность.

Отношения с родителями то налаживаются (деньги на издание первой книги дал отец), то портятся.

Наверное, более-менее объективный портрет Тинякова второй половины 1900-х – начала 1910-х можно найти в письме Ходасевича Борису Садовскому от 22 апреля 1916 года:

«Тиняков – паразит, не в бранном, а в точном смысле слова. Бывают такие паразитные растения, не только животные. На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкиной, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эс-эром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. Потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем, (уход из Северных записок), потом кадетом (Речь). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. Эта способность (или порок) физиологическая. Она ни хороша, ни дурна, как цвет волос или глаз. В моменты переходов он, вероятно, немножко подличал, но я думаю, что они ему самому обходились душевно недешево. Он все-таки типичный русский интеллигент из пропойц (или пропойца из интеллигентов). В нем много хорошего и довольно плохого. Грешит и кается, кается и грешит. Меня лично иной раз от этого и подташнивало, но меня и от Раскольникова иной раз рвет».

Это написано в разгар так называемой «тиняковской истории», речь о которой впереди и в которой Ходасевич занял позицию Садовского. Поэтому характеристика Тинякова резка, хотя упоминание о метани-

ях от эсеров к монархистам, от черносотенцев к кадетам справедливо. Александр Иванович будет метаться еще не раз.

* * *

В конце 1912 года он оседает в столице империи.

«…Переехав в Петербург, я начал работать энергичнее, – вспоминал Тиняков в “Отрывках…”. – В 1-м номере “Северных Записок” за 1913 г. появилась моя статья о Тютчеве – “Великий незнакомец”. В том же году я начал работать в “Новом Журн<але> для всех”, где поместил ряд стихотворений, рецензий и повесть “Старый редактор” (1914 г., № 3), надо сознаться, очень плохую.

Вершиной моей литературной деятельности и известности надо считать 1915-й год, когда я писал в газетах “День”, “Речь”, “Голос”, в “Историч<еском> Вестнике”, в “Ежемес<ячном> Журнале” Миролюбова и во множестве еженедельников. Мои рецензии обращали на себя внимание, о моих фельетонах говорили (особенно сильный шум вызвала моя статья “В защиту войны”, направленная против Леонида Андреева и напечатанная в “Речи” 26 октября 1915 г.). Виднейшие писатели интересовались мною. Одно время я был в очень хороших отношениях с Ф.К. Сологубом, затем еще ближе сошелся с Д.С. Мережковским и с Зин.Н. Гиппиус, которую я и сейчас считаю самой замечательной и безусловно самой очаровательной личностью среди всех наших литераторов. Ко мне с неизменной благожелательностью относился Ал. Блок (мои воспоминания о нем в петербургск<ой> газете “Последние новости”, 1923 г., 6-го августа). Завязалась у меня переписка и личное знакомство с М. Горьким. Старый мой учитель по Орловской гимназии Ф.Д. Крюков предлагал мне работать в “Рус<ском> Богатстве”, я имел также предложение возобновить работу в “Северн<ых> Записках”. А.С. Изгоев говорил мне о работе в “Рус<ской> Мысли” и т. д.

Но в начале 1916 г. все это разом оборвалось…»

Да, именно – «оборвалось». В 1916 году открылось, что наш герой почти одновременно печатался и в кадетской газете «Речь», и, под псевдонимом Александр Куликовский, в черносотенной «Земщине». Причины этого открытия, по-моему, тянут на детективный роман, в котором отлично можно показать нравы литературного мира.

По сути, таковым произведением и является повесть в документах Вардвана Варжапетяна «Исповедь антисемита, или К истории одной статьи».

Рамки очерка не позволяют рассказать о «тиняковской истории» подробно. Поэтому – в общих чертах.

Дело в том, что весной 1915 года Тиняков опубликовал заметку, в которой критически оценил книгу статей «Озимь» своего покровителя Бориса Садовского. Тот обиделся и стал намекать в беседах с прогрессивными собратьями по писательскому цеху, что Тиняков сотрудничает в «Земщине». Осенью появилась совсем не хвалебная рецензия Александра Ивановича на сборник рассказов Садовского «Адмиралтейская игла», Садовский в начале 1916-го ответил стихотворным фельетоном «Литературные типы. История одинокого человека» в «Журнале журналов», где уже вполне чётко поведал о связи Тинякова-Одинокого с «Земщиной».

Обвиненный напечатал в том же журнале «Исповедь антисемита», обвинив Садовского в том, что это он познакомил его с Борисом Никольским, Василием Розановым и вообще ввёл его, Тинякова, в черносотенный круг. Себя же оправдывал тем, что он не низок по своей природе, а – «неустойчив».

Дело, может быть, спустили бы на тормозах, тем более что оно касалось прошлого – в «Земщине» Тиняков печатался в основном в 1913 году, но чем больше он оправдывался и обвинял Садовского, тем больше раздражал либеральный кружок. Его пытались увещевать Гиппиус, Блок, Ремизов, Тиняков же распалялся всё больше и в конце концов в апреле 1916 года вернулся в «Земщину».

Похоронил себя Александр Иванович статьей «Русские таланты и жидовские восторги». Приведу из нее выдержки:

«Хотелось бы всем этим юношам, падким на похвалу иудейскую, сказать, как друзьям и согражданам своим:

“Не верьте вы, братцы, жидовской ласке и не гонитесь за дешевой газетной славой. Не на то вам дал Господь зоркие очи и чуткие сердца, меткую речь и певучую песню, чтобы вы несли их на потеху и усладу жидам. Давши вам дары, Господь возложил на вас тем самым и труд, и призвал вас к деланию добра. <…>

От вас, “Есенины”, требуется большее. И чтобы сделать это большее, надо не по эстрадам таскаться, а в тишине и близости к родному народу работать над развитием и раскрытием данных вам духовных сил. <…>

Но как неразумные бабочки на огонь, летят Есенины, Андреевы, Городецкие на обжигающий свет Иудиной ласки. И падают опаленные, и ползают во прахе, вымаливая хоть “корочку славы” у всемогущего рекламиста еврея...

Но за чертою жидовской эстрады жива еще бесконечная, смиренная и сильная Русь, и жив еще тот мужик Марей, “с запачканным в земле пальцем” и “с материнской улыбкой”, который успокоил и утешил когда-то великого писателя нашего – Ф.М. Достоевского».

Записка Алексея Ремизова Тинякову от 26 апреля 1916-го:

«Дорогой Александр Иванович!

Завтра 27-го часа в 4-е можете зайти к нам.

А. Ремизов

Да захватите № Земщины, где про Есенина написали».

А из письма Тинякова Ремизову от 14 мая мы узнаем, что автор знаменитой «Посолони» прекращает с ним отношения. Ремизов, кстати сказать, держался дольше всех…

Прогрессивные простили дворянина Садовского (Блок поцеловал, Ходасевич написал ему письмо, где есть такие слова: «Оправдывал я Вас тем, что многое, по-моему, Вы делаете “так себе”, а может быть, и с беллетристическим и ядовитым желанием поглядеть “что будет”, понаблюдать того же Тинякова, ради наблюдения мятущейся души человеческой. Правда, это немножко провокация, но почему-то не хочется (а не нельзя) судить Вас строго»), а Тиняков стал изгоем. До поры до времени его еще публиковала «Земщина», но и она в конце концов ему отказала.

Статьи, напечатанные в этой газете, читать неприятно. Они отвращают от себя, главным образом, грубой прямолинейностью, зашкаливающей и неоправданной экспрессией. Мысли же, высказанные Тиняковым, во многом повторяют Достоевского и Розанова, которым он в тот период явно подражал…

Кстати сказать, подражал Александр Тиняков на протяжении почти всей творческой жизни. То Брюсову, то Блоку, то Бунину, то Бодлеру, Верлену… Лишь в начале 20-х наконец выплеснул несколько ни на кого не похожих стихотворений, которые составили третий его сборник, а затем променял литературу на нищенствование. (Или сделал вид, что променял?)

Был ли он убежденным антисемитом? Может быть, и был – в том числе и за бытовой антисемитизм его арестовали в 1930-м. Но написать те статьи, что печатала «Земщина», Тинякова, по-моему, подтолкнула потребность быть человеком наоборот. В деле Бейлиса почти все здравомыслящие если и не уверились в невиновности подсудимого, то уж точно видели и осуждали предвзятость суда (в том числе такой крайний антисемит-теоретик, как Василий Шульгин, сделавший для оправдания Бейлиса очень много), а Тиняков – не хотел видеть и осуждать. Закатив глаза, клекотал об арийской расе, которой суждено спасти цивилизацию, а ей мешают…

Желание быть не как все наш герой демонстрировал многократно, и зачастую довольно глупо. К примеру, по свидетельству Алексея Ремизова, в начале Первой мировой войны, когда антигерманские настроения были на пике, он кричал на всю Фонтанку: «Да здравствует император Вильгельм!» В конце 1920-х, когда даже шепоток против советской власти мог стоить очень дорого, Тиняков… Впрочем, об этом позже, и это, наверное, самое важное, что он сделал в своей не получившейся жизни…

* * *

Чем занимался и чем жил Александр Иванович с лета 1916-го до осени 1917 года – покрыто мраком. От того периода не осталось писем, или они пока не пущены в оборот. Почти нет и стихотворений. Вот датированное сентябрем 1916-го. По-моему, оно одно из сильнейших у Тинякова-Одинокого, по-настоящему искренних:

Все равно мне: человек и камень,
Голый пень и свежий клейкий лист.
Вечно ровен в сердце вещий пламень
И мой Дух непобедимо чист.

Всем терзаньям, всем усладам тело
Я без сожаленья отдаю,
Всем соблазнам я вручаю смело
Душу преходящую мою.

Мне уже не страшно беззаконье,
Каждый звук равно во мне звучит:
Хрюкнет ли свинья в хлеву спросонья,
Лебедь ли пред смертью закричит.

Уж ни жить, ни умирать не буду,
Стерлись грани, дали, времена,
Только Я – Один во всем и всюду,
А во Мне – лишь свет и тишина.

Известно, что он попытался выпустить вторую книгу стихотворений, но не нашел издателя…

Кстати будет сказать, что в то же время остракизму подвергся и другой поэт из крестьян – Сергей Есенин. Вот как об этом много позже вспоминал Георгий Иванов:

«Кончился петербургский период карьеры Есенина совершенно неожиданно. Поздней осенью 1916 года вдруг распространился и потом

подтвердился "чудовищный слух": "Наш" Есенин, "душка-Есенин", "прелестный мальчик" Есенин представился Александре Федоровне в Царскосельском дворце, читал ей стихи, просил и получил от Императрицы разрешение посвятить ей целый цикл в своей книге! Теперь даже трудно себе представить степень негодования, охватившего тогдашнюю "передовую общественность", когда обнаружилось, что "гнусный поступок" Есенина не выдумка, не "навет черной сотни", а непреложный факт. Бросились к Есенину за объяснениями. Он сперва отмалчивался. Потом признался. Потом взял признание обратно. <…> Книга Есенина "Голубень" вышла уже после февральской революции. Посвящение Государыне Есенин успел снять. <…> Не произойди революции, двери большинства издательств России, при том самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких "преступлений", как монархические чувства, русскому писателю либеральная общественность не прощала. Есенин не мог этого не понимать и, очевидно, сознательно шел на разрыв. Каковы были планы и надежды, толкнувшие его на такой смелый шаг, неизвестно».

Есенин сразу после Февральской революции стал сотрудничать с эсерами: «…Работал с эсерами не как партийный, а как поэт».

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное
Слово:
«Рре-эс-пуу-ублика!»

А что Тиняков? Месяцы после свержения Николая Второго и до Октябрьской революции никак не отражены в его биографии. Единственное свидетельство я нашел опять же у Георгия Иванова в очерке «Человек в рединготе»:

«Он сидел на Мальцевском рынке среди старух с серебряными ложками и мальчишек с пирожками. Он сидел в своем рединготе и цилиндре и торговал книгами. Вернее, безучастно смотрел, как любопытные перебирают его никому не нужный товар и уходят, ничего не купив. Шарф был туго замотан вокруг его короткой шеи, и в стоячих глазах светилась ледяная тоска. Это было при Керенском».

В предисловии к сборнику стихотворений Тинякова-Одинокого 2002 года Николай Богомолов сообщает, что именно «25 октября 1917 года совсем обнищавший поэт отбыл в родной Орел». Затем новое «белое пятно», а 1 мая 1918-го в орловских «Известиях совета рабочих и солдатских депутатов» появляется статья «Два праздника», подписанная псевдонимом Герасим Чудаков, за которым скрывался Александр Иванович. У него было еще несколько псевдонимов в то время – Александр Орловский, Антип Хлыстов, Г-м. Ч., Г.Ч. и так далее.

В годы Гражданской войны Тиняков жил сначала в Орле, затем в Казани, писал статьи о революции, революционном искусстве, откровенно подражая блоковской работе «Интеллигенция и революция»; выступал против антисемитизма («Позор и беда тем темным людям, которые поверят буржуазной клевете и начнут думать, что всякий еврей – враг. Пора уже забывать о разделении людей на ев-

реев и русских и т. д., пора вспомнить, что каждый человек есть прежде всего человек!»); печатал рецензии, где клял своих бывших кумиров вроде Зинаиды Гиппиус; сочинял рифмованные агитки. К примеру:

Революции грозная сила
Пред собою не знает препон:
В феврале она в щепки разбила
Николая Бездарного трон.
В октябре она смелым ударом
Соглашателей свергла во прах, –
И по сёлам промчалась пожаром,
И огнём расцвела в городах.
В этом огненно-грозном прибое
Гибнет старый, палаческий строй,
Но спасается в нём всё живое:
Воскресает народ трудовой…

Позже он не поместит их в свои сборники. Там будут совсем другие стихи.

Николай Богомолов разыскал многие десятки публикаций Тинякова в орловских, казанских и петроградских газетах 1918–1924 годов, собрал их названия и даты публикаций в «Материалах к библиографии А.И. Тинякова». Но это далеко не всё…

Выделяется статья «Корни контр-революции» от 10 и 18 сентября 1919 года, в которой «Антип Хлыстов» требует обратить внимание «Ч. К.» на И.М. Тинякова – Ивана Максимовича, отца нашего героя. Чекисты, видимо, не успели этого сделать, так как к городу подходила Добровольческая армия, которая заняла Орел 13 октября. (Иван Максимович умрет в 1921-м, мать, Мария Лукинична, скончалась как раз в 1919-м.)

Тиняков с октября уже в Казани. Активно публикуется в тамошних «Известиях» вплоть до конца сентября 1920-го. Чего стоят одни только названия: «Надо бить до конца», «В наступленье!», «Надо уничтожить дезертирство», «Колчак добит!», «Революция. Поэма в картинах», «С панами надо кончать!»

В «Отрывках из моей биографии» Тиняков очень лаконично напишет об этом периоде:

«Как выше я не касался вопроса о том, каким образом пришел я к крайним правым политическим взглядам, так и теперь не буду касаться вопроса о том, каким образом изменились эти взгляды под влиянием революции. <…> В 1918–19 гг. я работал в Орле, в 1919–20 гг. – в Казани, где, между прочим, выпустил в свет отдельными изданиями (за подписью Герасим Чудаков) книгу статей “Пролетарская революция и буржуазная культура”, антирелигиозную брошюру “Кое-что про Бога” и маленькую брошюру “О значении искусств” (все три – 1920 г.)».

В Пушкинском Доме хранится фотография нашего героя. Довольно молодой на вид – моложе своих тогдашних тридцати четырех, в отличном костюме-тройке, при галстуке, белая рубашка. Руки покойно сложены на круглом столике. И подпись: «Александр Тиняков. 16 марта 1920, Казань». Не скажешь, что еще идет Гражданская война, в Казанской губернии бушует крестьянское восстание, что повсюду разруха, голод. Фотография почти благостная, и человек на ней вполне мирный. Хотя есть

во взгляде какой-то огонь – «ястребинка в глазах», которую подметил поэт Алексей Лозина-Лозинский еще в дни «тиняковской истории».

Летом 1921 года большевистский агитатор Александр Иванович вернулся в Петербург (Петроград в то время снова стали называть именно так). Его ждали новые метаморфозы.

* * *

Работает в Политуправлении Балтфлота, заполняет полосы газет революционными материалами, но, оказывается, высокое искусство им не позабыто – в 1922-м в издательстве «Поэзия» увидел свет «Треугольник. Вторая книга стихов. 1912–1921 гг.». Псевдоним Одинокий отброшен, автор подписался четко и ясно: «Александр Тиняков».

Читая «Треугольник», понимаешь, что и эта книга вышла с запозданием на несколько лет. Появись такие стихотворения в гибнущем Петрограде в 1919-м, на них бы, может быть, обратили внимание. По принципу: вот он, голос смерти, дух разложения. Но в годы только что народившегося нэпа, некоторой эйфории после окончания войны стихи про секс со старой нищенкой в чужом подъезде, про мальчика из уборной, про собак – «дьяволоподобных уродов», про «захворавшего проказой», написанные до революции, вызывали лишь недоумение и брезгливость. Тем более что автор не скрывая меняет маски. То он египетский раб, то проститутка, то шудра, то прокаженный, то Христос… Искренностью здесь и не пахнет.

Впрочем, есть в книге несколько хороших (но не прекрасных) лирических стихотворений, есть и, на мой взгляд, шедевр:

ЕДИНОЕ

Я и блеск луны и солнца, и Священное
Слово в Ведах, и звук в эфире, и
Человечность в людях.

Бхагавад-Гита, VII,8.

Былинкой гибкою под ветром Я качаюсь,
Я Сириусом лью лучи мои в эфир,
И Я же трупом пса в канаве разлагаюсь,
И юной девушкой, любя, вступаю в мир.

И все очам людским доступные картины,
Все тени, образы и лики бытия
Во глубине своей божественно-едины,
И все они во Мне, и все они – лишь Я.

Христос израненный и к древу пригвожденный,
И пьяный сутенёр в притоне воровском –
Четою дружною, навеки примиренной,
е споря меж собой, живут во Мне одном.

Во всем, что вымерло, в деревьях, гадах, птицах,
Во всем, что есть теперь в пучине бытия,
Во всех грядущих в Мир и нерожденных лицах –
Во всем Единый Дух, во всем Единый Я.

Дата: «Апрель 1919 Орел».

Но коллеги Тинякова запомнили и потом цитировали в мемуарах другое стихотворение. Оно, в общем-то, стало его визитной карточкой, а вернее – ярлыком:

Я до конца презираю
Истину, совесть и честь,
Только всего и желаю:
Бражничать блудно да есть.
Только бы льнули девчонки,
К чёрту пославшие стыд,
Только б водились деньжонки
Да не слабел аппетит.

«Треугольник» почти не вызвал откликов. Декадент из прошлого не был нужен в новом мире, дореволюционные знакомцы Тинякова или умерли, или находились в эмиграции, или к эмиграции готовились, или же просто не захотели поминать бывшего черносотенца, а теперь беспартийного большевика, вдруг вспомнившего о лире…

О Тинякове и его стихах отозвались позже: оставили яркие, колоритные воспоминания Владислав Ходасевич и Георгий Иванов, оба покинувшие Советскую Россию в середине 1922-го. Правда, насчет самостоятельности сведений Иванова о Тинякове до сих пор есть сомнения… Художественные воспоминания о творческой богеме Петербурга (да чтоб со скандальчиком, с пикантными подробностями) в эмиграции ценились, и Георгий Иванов поставлял такую продукцию довольно обильно. Об одном только Тинякове у него несколько очерков-вариаций.

Но вот что писал Ходасевич, знавший Александра Ивановича хорошо:

«…Потерял и я его из виду. Настали бурные и сумбурные годы “взвихренной Руси”. Я уже думал, что где-нибудь сложил он свою голову – у белых, у красных, а то и попросту под забором. Внезапно – не то в конце 1921-го, не то в начале 1922 года – он объявился снова.

Я жил тогда в петербургском Доме Искусств. В дверь мою постучались – на пороге стоял Одинокий, даже не постаревший, только оборванный, – но мы все ходили тогда оборванными. Приехал он прямо из Казани, где, оказывается, года два редактировал газету.

– Значит, вы теперь коммунист? – спросил я.

– Нет, но мне с большевиками по пути, поскольку они отрицают Бога. Бога я ненавижу, Владислав Фелицианович, – прибавил он конфиденциальным тоном.

– А Бабу Ягу?

Он ухмыльнулся:

– Вы хотите сказать, что если я ненавижу Бога, то, значит, верю в Него? Ну что ж? Оно, может быть, так и есть.

Он заставил меня написать ему стихи в альбом и ушел. Его поселили в том же Доме Искусств, в той части, которая была предназначена для неопрятных жильцов. Там он пьянствовал и скандалил. По ночам приводил к себе тех десяти-двенадцатилетних девочек, которые днем продавали на Невском махорку и папиросы. Его соседка по комнате, старушка, бывшая артистка Мариинского театра, жаловалась, что он стучит к ней в тонкую дощатую перегородку и ругается:

– Скоро ты, старая ведьма, угомонишься? Перестань ворочаться, дьяволица, не мешай!

Он пробовал заняться литературной работой – из этого ничего не вышло. Меж тем нужны были деньги. Перед самым моим отъездом из Петербурга я встретил его на Полицейском мосту. Он был в новых штиблетах и сильно пьян. Оказалось – поступил на службу в Чека.

– Вы только не думайте ничего плохого, – прибавил он. – Я у них разбираю архив. Им очень нужны культурные работники.

И, подняв верхнюю губу, он захихикал. Больше я его не видел.

Конечно, злоба на мир жила в нем как следствие осознанной бездарности. (Я говорю о бездарности чисто поэтической, потому что вообще человек он был скорее одаренный.) Но на отдельных людей он эту злобу не обращал. К чести его надо сказать, что в нем не было злобы и на все сословие литераторов. Больше того: как ни было низко его падение, до зависти вообще и до персональной зависти к кому бы то ни было он не падал, за поэтическую свою неудачу не мстил никому».

Это из очерка «Неудачники», написанного во Франции в 1930-х.

Подтверждать или опровергать слова Ходасевича невозможно – слишком мало свидетельств. Но и у него, и у Иванова, и позже у Зощенко, который наверняка об эмигрантских очерках ничего не знал, Тиняков предстает именно неудачником, пьяницей, конченым человеком. Лишь в последние годы открылось, как этот конченый жил в последние годы. Жил двойной жизнь – одна проходила на Литейном проспекте, где он стоял с протянутой рукой, а другая в комнатке дома на улице Жуковского.

* * *

До весны 1924 года Тиняков держался на плаву. Его много печатали в петроградских газетах (писал он в том же бешеном темпе, что и в Орле и Казани, и с тем же революционным жаром); в 1922-м вступил во Всероссийский Союз писателей, тогда же издательство «Парфенон» выпустило составленный Тиняковым сборник статей о Федоре Тютчеве, включающий и статью самого Александра Ивановича. В 1923-м Орловское отделение Госиздата напечатало книжку «Русская литература и революция», которую сам Тиняков назвал «замечательной» и в этот раз не ошибся с оценкой. Замечательной эта работа является хотя бы по заложенной в ней мысли: русская литература на всем протяжении своего существования была контрреволюционна…

Достается в ней и, пожалуй, самому уважаемому Тиняковым человеку после разрыва с Брюсовым – Александру Блоку. Вот по поводу «Двенадцати»:

«В этой поэме нет ни одного прямого суждения по адресу революции, но, тем не менее, вся она звучит как обвинительный акт против революции <...> Вся суть нашей революции сведена к тому, что двенадцать красноармейцев убивают проститутку Катьку, которая изменила одному из них».

Написана «Русская литература и революция» была в Казани в 1920 году, но что заставило Тинякова напечатать ее в 1923-м, когда он уже издал «Треугольник» и явно отходил от агитационной прямолинейности, пытался вернуться в литературную среду?.. Мало того, добивался переиздания в Москве, но оно было запрещено Главлитом.

В те годы Тинякову покровительствовал Аким Волынский, один из первых теоретиков русского декадентства, не изменивший эстетиче-

ских убеждений и после Октября и в то же время поощрявший самые радикальные суждения строителей нового общества (такая вот редкостная широта взглядов), человек к тому времени пожилой, но активный, влиятельный: председатель правления ленинградского отделения Всероссийского Союза писателей в 1920–1924 годах, председатель коллегии «Всемирной литературы». В архивах можно найти немало заявлений и просьб Тинякова на его имя.

В 1924 году Волынский по своей или чужой воле стал отходить от дел (он умрет в 1926-м), это наверняка повлияло на то, что для Александра Ивановича наступили очередные трудные времена. И тоненькая книжечка стихов под названием «Ego sum qui sum (Аз есмь сущий)», увидевшая свет в конце того года, стала воплем отчаяния. Который пусть далеко не всеми и далеко не сразу, но был услышан.

Сборник выпущен в конце 1924-го (на обложке 1925-й, на титульном листе 24-й), за свой счет, на обложке указано «Ленинград. Издание автора». В нем двенадцать стихотворений, присутствуют предисловие и послесловие.

Появление этого сборника, где, по мнению Зощенко, «все стихи были необыкновенные. Они прежде всего были талантливы. Но при этом они были так ужасны, что нельзя было не содрогнуться, читая их», хоть и в молодом, но уже окрепшем СССР удивительно. Конечно, в годы нэпа издать за свой счёт книгу мог (теоретически) любой, но, естественно, не любого содержания… Почти каждое из тиняковских стихотворений буквально вопиет об отчаянии отдельно взятого человека в коллективном обществе, призывает быть одиночкой, хищным и агрессивным, потому что только так возможно уцелеть… Эпиграфом к «Ego sum qui sum» вполне можно поставить возникший позже в лагерях девиз: «Сегодня ты, завтра – я», который в 90-е годы внедрился в ткань общенародного сознания. Не раз приходилось слышать эти слова от вполне интеллигентных людей, – интеллигентных, но доведённых до предела.

Причём, отстаивая в стихах право индивида всеми силами, всеми правдами и неправдами бороться за существование, Тиняков не оправдывает это тем, что его герой чем-то лучше большинства остальных. Нет, герой его – обыкновенный человек, ничем не выдающийся, но тем не менее очень хотящий жить дальше, знающий, что для себя-то центр вселенной – это не Бог, не коммунизм, не монархия, а – он сам.

…Неудачи мои и пороки
И немытый, в расчёсах, живот,
И бездарных стихов моих строки,
И одежды заношенной пот –
Я люблю бесконечно, безмерно,
Больше всяких чудес бытия,
Потому что я знаю наверно,
Что я – это – Я!

Страшный, уродливый, но романтизм. Подобный романтизм расцвел в конце 30-х во Франции. Мир трещал по всем швам, но индивиду до этого не было дела, – он хотел поплотнее поесть, совокупиться, выпить, не дать себя в обиду никаким силам… Первые романы Генри Миллера пышут этими желаниями. Обыкновенными для реального человека, но дикими для литературы…

Книжка «Ego sum qui sum» стала причиной того, что от Тинякова в очередной раз отвернулось литературное сообщество. Главным образом из-за строк, где упоминается Николай Гумилёв: «Может, – в тех гробиках гении разные, / Может, – поэт Гумилёв…» Создаётся впечатление, что Тиняков глумится над ним, недавно расстрелянным. И тщетно автор оправдывался, что написал стихотворение до ареста Гумилёва, тогда же читал знакомым… Сделавшись предметом какой-никакой, но литературы, оно вызвало у читателей (гумилёвских друзей и поклонников) законное негодование. Пополз даже слух, что именно Тиняков стал виновником ареста Гумилёва, впрочем, подтверждений этому не нашлось. Зато вспомнили (по наводке самого Александра Ивановича в предисловии к книжке), что он в 1921-м приветствовал приговор по таганцевскому делу в газете «Красный Балтийский флот» – статья «Работа буржуазной интеллигенции» от 10 сентября. В списке расстрелянных «мы находим… имя поэта, кстати сказать, весьма бесталанного, Николая Гумилева <…> невольно сначала поражаешься, а потом с благородным порывом обращаешься к нашей петроградской ЧК и невольно восклицаешь: “Прав твой суд, справедливо возмездие!”».

Может быть, Тиняков написал «Радость жизни» действительно до ареста и расстрела Гумилёва. То, что употребил фамилию именно этого поэта, достаточно закономерно – Гумилёв был воплощением активной жизни в поэтическом мирке Петербурга. Путешествия в Африку, действующая армия, своя поэтическая школа… И вот такой человек от какого-нибудь тифа или от голода умирает, а ничтожный герой стихотворения остаётся жить. Хоть на несколько дней («Скоро, конечно, и я тоже сделаюсь / Падалью, полной червей»), но протянет на этой земле дольше, чем мятущийся, жаждавший действия, приключений кумир тысяч барышень и юношей… Да и многолетнюю любовь Тинякова к Анне Ахматовой, его ревность к более удачливому ровеснику Гумилеву нельзя здесь не учитывать.

(1886-й, кстати сказать, был необыкновенно урожаен в России на литераторов. Кроме Гумилева, Ходасевича, Тинякова в тот год свет увидели Владимир Пяст, Михаил Лозинский, Сергей Дурылин, Пимен Карпов, Алексей Кручёных, Михаил Зенкевич, Алексей Лозина-Лозинский, Борис Эйхенбаум…)

В предисловии и послесловии к «Ego sum qui sum» Александр Иванович постарался подстраховаться на случай возможных идеологических и политических обвинений. Но оправдания то и дело перестают в декларацию:

«Я знаю, что многие читатели встретят мои стихи с негодованием, что автора объявят безнравственным человеком, а его книжку – общественно-вредной.

Такой подход к делу будет, однако, вполне неправильным.

Дело поэта, – как и всякого художника, – состоит не в том, чтобы строить или переустраивать жизнь, и не в том, чтобы судить ее, а в том, главным образом, чтобы отражать ее проявления.

В жизни же, как известно, всегда было, есть и будет, наряду с тем, что считается прекрасным и добрым, и то, что признается безобразным и злым. Художник, в моменты творчества по существу своему чуждый морали, волен изображать любое проявление жизни, “доброе” рядом с “злым”, “отвратительное” наряду с “прекрасным”.

За сюжеты и темы поэта судить нельзя, невозможно, немыслимо! Судить его можно лишь за то, как он справился со своей темой.

Я в моей книге беру современного человека во всей его неприкрашенной наготе.

Рожденные и воспитанные в нездоровых и неестественных условиях, созданных развитием капитализма, все мы – вплоть до самых лучших из нас, – не свободны от эгоизма, от известной косности и распущенности, от склонности к различного рода эксцессам и т. п.

Поскольку я являюсь общественным деятелем – хотя бы, например, в качестве сотрудника Советских газет, – я боролся и борюсь с такими антиобщественными навыками и склонностями.

Но поскольку я выступаю в качестве художника, желающего отразить психологию, скажем, кутилы или дошедшего до предельной черты эгоиста, тем более, если я говорю от лица подобных типов, – я не могу в то же время судить их и подчеркивать в моих стихах, что эти типы – плохи и что их ощущения, переживания и действия суть "зло".

Если я передаю настроения загулявшего литератора, с восторгом говорящего о своем загуле, – это отнюдь не значит, что я "воспеваю" его и утверждаю как нечто положительное. Я только остаюсь в пределах художественной добросовестности, я только рисую, а судить о нарисованном мною образе с моральной или общественной точки зрения предоставляю читателю.

Убежден, что нарисованные мною образы и выраженные мною ощущения современного среднего человека никого не соблазнят и никому не повредят. Кутилы и распутники будут и без наших стихов предаваться кутежам и распутству, а людей, к этому органически не склонных, не увлечешь в эти дебри никакими картинами, никакими стихами.

<…> В моей книге высказана некая несомненная правда.

Но правда не есть Истина, – это читатели должны помнить во-первых.

Во-вторых, – я предвижу, что иные читатели, брезгливо улыбаясь, будут говорить: "Это автор про себя писал!"

Не совсем так.

Конечно, я писал и о себе (что бы я был за урод, если бы мне были чужды переживания, изображенные в моей книге!) – но все же больше я писал о тебе, – читатель-современник».

Через полгода с небольшим после выхода книги, Тиняков в «Отрывках…» отозвался о ней кратко: сборник «также был глупо облаян мелкотравчатыми газетными борзописцами. На самом деле эта маленькая книжечка – одно из самых замечательных явлений в области нашей новейшей поэзии».

«Ego sum qui sum» он выпустил, причем немалым тиражом в 2000 экземпляров, находясь в бедственном положении – в мае 1924 года были закрыты «Последние новости», газета, в которой Тиняков стабильно публиковался на протяжении почти двух лет, – и наш герой сделался безработным. Ни революционные агитки, ни рецензии, ни литературоведческие статьи Тинякова ленинградским изданиям не были больше нужны.

Видимо, значительную часть скопленных денег он потратил на издание этой своей «лебединой песни». А в марте 1926 года вышел на улицу то смиренно просить, то нагло требовать милостыню.

* * *

На протяжении довольно долгого времени существовала одна точка зрения на этот тиняковский поступок – спился, потерял человеческий

облик, опустился на самое дно. Историки литературы повторяли то, что написал о Тинякове Михаил Зощенко в повести «Перед восходом солнца» (советскому читателю 70–80-х ее большой фрагмент был известен под названием «Повесть о разуме»).

Я не буду цитировать посвященный «поэту Т.» отрывок из этого произведения. Во-первых, не позволяет объем, а во-вторых, быть может, не читавшие «Перед восходом солнца» найдут книгу и прочтут. Она уникальна. И образ «поэта Т.» здорово работает на идею, это, пожалуй, один из самых сильных отталкивающих персонажей, заставляющих героя-повествователя противостоять ударам судьбы, преодолевать депрессию, меланхолию. Но образ этот во многом придуман Михаилом Зощенко, создан в интересах общей темы.

Тиняков, ставший нищим, «потерявший человеческий облик», ужаснул не только героя «Перед восходом солнца», но и самого Михаила Михайловича. Он вспоминает о нем в письмах, рассказывает знакомым, в том числе Дмитрию Шостаковичу, который позже одним из первых выдвинет альтернативную версию ухода Тинякова в нищие. Вот из «Воспоминаний» великого композитора:

«Новые стихи Тинякова были посвящены голоду поэта – это была их центральная тема. Поэт прямо заявлял:

“И любой поступок гнусный / Совершу за пищу я”.

Это было прямое, честное утверждение, которое не осталось пустым звуком. Всем известно, что слова поэта часто расходятся с его делами. Тиняков стал одним из редких исключений. Поэт, еще не старый и все еще интересный мужчина, стал просить подаяния. Он стоял в Ленинграде на людном перекрестке с табличкой “Поэт” – на шее и со шляпой – на голове. Он не просил – он требовал, и испуганные прохожие давали ему денег. Тиняков хорошо зарабатывал таким образом. Он хвастался Зощенко, что зарабатывает намного больше, чем прежде, потому что людям нравится давать деньги поэтам. После тяжелого трудового дня Тиняков шел в дорогой ресторан, где ел и пил и встречал рассвет, после чего возвращался на свой пост.

Тиняков стал счастливым человеком, ему больше не надо было притворяться. Он говорил то, что думал, и делал то, что говорил. Он стал хищником и не стыдился этого.

Тиняков – это крайний случай, но не исключительный. Многие думают так же, как он, только другие культурные личности не говорят этого вслух. И их поведение не выглядит столь вызывающим. Тиняков обещал в своих стихах “пятки вылизать врагу” ради пищи. Многие культурные люди могли бы повторить гордый крик Тинякова, но предпочитают помалкивать и потихоньку “лизать пятки”».

(В наше время на страницах «Нового мира» (1998, № 7) литературовед Никита Елисеев выразит эту точку смелее:

«Современниками Тинякова были В. Катаев, С. Городецкий, Н. Тихонов, Вс. Рождественский.

Встает вопрос: кто ради “сладкой и вкусной пищи” (уж во всяком случае не ради конины и гнилой трески) вылизал “пятки врагу” – Тиняков, вставший с протянутой рукой на углу Литейного и Невского, или ученики расстрелянного Гумилева, ставшие советскими классиками?»)

В отличие от Шостаковича в герое зощенковского «Перед восходом солнца» говорит только оскорбленное чувство: «поэт Т.» предал искусство, стал животным. Никакого протеста, никакой высшей честности он не видит.

Повесть была написана во время Великой Отечественной войны и частично опубликована в 1943 году в журнале «Октябрь» (выпустить главку с «поэтом Т.» редакция не успела) после чего на Зощенко обрушились не только партийные руководители («вывернул свою мерзкую душонку» – Андрей Жданов), но и собратья, друзья. Михаил Михайлович был в прямом смысле раздавлен, остался без возможности жить литературой. Быть может, тогда он особенно часто вспоминал о стоявшем на перекрестке Тинякове, мысленно представлял себя на его месте. На месте антигероя той повести, из-за которой его буквально вышвырнули из советской литературы.

Зощенко не повесил на грудь картонку с надписью, подобную той, что повесил Тиняков. (Замечу, что надпись «Подайте бывшему поэту» Зощенко выдумал, в реальности она была другой – «Подайте на хлеб поэту, впавшему в нужду».) Он предпочел каяться, «перековываться». В письме своей подруге Лидии Чаловой в 1945 году он признавался: «Я теперь вроде начинающего. Мне-то это безразлично, даже легко. Но тебе, вероятно, будет досадно за меня, будешь огорчаться. А по мне, все равно, чем заниматься. Хоть куплетами. Работать буду, а что именно – это уж не такой значительный вопрос. Несомненно, театром займусь. Опереттой. Эстрадой. Мало ли дела.

Отдаю себе полный отчет, что все это не на 2-3 дня. Тут процесс длительный, так как дело не только во мне, а в новом требовании к искусству…»

Да, дела стали налаживаться, но через год с небольшим Зощенко вновь раздавили – на сей раз поводом стал рассказ для детей «Приключения обезьяны», – и он уже не смог оправиться. Доживал сломленным и тихим.

…Кстати, сюжет «Тиняков и Зощенко» достаточно многослоен. Известно, что Михаил Михайлович знал Тинякова еще задолго до революции, посещая литературные кафе. Общались по литературным делам в первой половине 1920-х; Тиняков подписал и подарил ему две последние книги стихов… Нищенствующий Александр Иванович стал прототипом героя повести Зощенко «Мишель Сипягин» о падении интеллигента. «Вообще человек, “потерявший человеческий облик”, – писал Корней Чуковский в воспоминаниях о Михаиле Михайловиче, – стал в ту пору, в конце двадцатых и в начале тридцатых годов, буквально преследовать Зощенко и занял в его творчестве чуть ли не центральное место».

Герой «Перед восходом солнца» заявляет, что не знает «его дальнейшей судьбы» (после примерно 1928 года), но сам Михаил Зощенко о судьбе Тинякова знал.

Не так давно благодаря литературоведу Марии Котовой в научный оборот было введено письмо Тинякова от 6 июля 1933 года:

«Дорогой Михаил Михайлович!

Был я в лагерях, где мне жилось очень хорошо, но откуда меня, к сожалению, освободили досрочно; отбывал я затем конец срока, – на положении почти свободного гражданина, – в Саратове, где голодал и бедствовал невероятно. Став полноправным гражданином, я вновь вернулся в Питер и нашёл здесь жену, совершенно больную (туберкулёз костей), безработную, голодную. Попрошайничать на улицах боюсь, – как бы опять не выслали! Ищу везде работы, есть надежда, что недели через две получу и буду иметь хоть кусок хлеба. Но что делать до тех пор? Невыразимо тяжело отнимать последние крохи у больной женщины, которая и без того много-много для меня сделала.

Вы были в своё время добры ко мне, подавали мне… Но не думайте, что я бессовестный и бесчестный попрошайка по натуре. С краской стыда, с болью в сердце обращаюсь к Вам я сейчас. Если Вы в состоянии, то помогите мне на эти ужасные две недели маленькой суммой (не больше 25 руб.). И если у Вас среди хлама найдутся какие-нибудь рваные, никуда не годные брючёнки и что-нибудь из бельишка, это тоже пожертвуйте мне: дошло дело до зареза.

Простите меня! Если не отвергнете моей просьбы, то черкните, когда зайти: беспокоить я Вас не буду, возьму и уйду, унося в сердце вечную, неизмеримую благодарность к Вам.

Искренно любящий Вас

Александр Тиняков.

Адрес мой: ул. Жуковского, д. 3. кв. 7.».

Как бы хотелось узнать, помог ли ему Зощенко, отозвался ли как-то на это письмо. Не исключено, что и нет – это было попросту опасно, а Михаил Михайлович тогда находился в зените славы, собирался в писательскую командировку на Беломорканал…

«Он имел несчастье прожить больше, чем ему надлежало», – сожалеет Зощенко в «Перед восходом солнца», вспоминая Тинякова 1912 года, когда тот был чист, красив и читал эстетские стихи.

На мой взгляд, Александр Тиняков и был создан природой как раз для вот этой своей жизни, которая была «больше». После. Не будь её, мы бы имели другое представление об истории страны середины 20-х – начала 30-х, о людях, её населявших. Впрочем, о людях – это громко сказано, – Одинокий и остался одиноким. По-настоящему одиноким, единственным в своём роде. Не прятался, как Александр Добролюбов, в Узбекистане, не убил себя (эта версия существует, и игнорировать ее невозможно), как, видимо, понявший, что писать ему свободно уже не дадут, Есенин, не пытался наводить мосты к чуждой ему идеологии, как Михаил Булгаков, не продался за пайки, дачи и квартиры, как большинство перетёкших из одного социального строя в другой литераторов. Тиняков остался свободным.

* * *

Глеб Морев, первым, кажется, из литературоведов открывший уголовное дело Тинякова и скопировавший часть содержащихся в нем дневниковых записей, не так давно опубликовал статью «Нет литературы, и никому она не нужна» (интернет-журнал «Гефтер», 2018, 21 февраля), в которой, на мой взгляд, убедительно доказывает, что причиной ухода Александра Ивановича в нищие был не алкоголизм. Нищенство стало, демонстрацией, формой протеста: «Вариант писательской социализации, предложенный весной 1926 года Тиняковым, не имел ничего общего с бессознательным “падением” – это был его решительный и принципиальный выбор, все мотивации, общественно-политические смыслы и риски которого прекрасно им осознавались и тогда же вербализировались».

Но перед тем как сделать этот шаг, наш герой пытался найти работу, сотрудничать с газетами и журналами. Когда в Ленинграде это не удалось, он отправился в Москву. Сведений о поездке, состоявшейся в сентябре 1925 года, и ее цели почти нет, но она угадывается – Тиняков попытался устроиться там, в новой столице государства. Наверняка ничего не получилось, он вернулся в город на Неве и через полгода стал нищим.

Он подготовился к этому шагу. В марте 1926 года подал заявление о выходе из Всероссийского Союза писателей (в который вступил в 1922-м с большим трудом), изготовил табличку с надписью «Подайте на хлеб писателю, впавшему в нужду», запасся экземплярами своих книг для продажи. В конце марта или самом начале апреля 1926-го поэт Одинокий встал под стеной здания, в котором расположилось издательство «Колос».

Одно из самых, пожалуй, пронзительных свидетельств тиняковского нищенствования можно найти в книге Павла Лукницкого «Встречи с Анной Ахматовой». Запись из его дневника от 15 июня 1926 года: «По дороге к Замятиным, на Симеоновской, увидела просящего милостыню Тинякова. Смутилась страшно. Но подошла. Поздоровалась… После двух-трёх слов спросила – можно вам двадцать копеек положить? Тот ответил: “Можно…” АА эта встреча очень была неприятна. Было очень неловко».

(Эх, как бы хотелось узнать, как Ахматова поздоровалась, что это были за два-три слова, почему ей было неловко!)

Уход Тинякова в нищие явился, по общему мнению тогдашнего петроградского общества, уже окончательным финалом его непутёвой жизни. Потеря человеческого облика… Таких легче всего завербовать в осведомители, провокаторы, шпионы. Государству, да и всяким шарлатанам такие и нужны. Наверное, поэтому именно Тиняков стал прототипом омерзительнейшего Одинокого в романе Дмитрия Быкова «Остромов, или Ученик чародея». Приведу фрагмент размышления одного из персонажей, литератора Льговского да и, в общем-то, самого автора (о своем отношении к Тинякову-Одинокому Быков высказывался не раз):

«Страшней было другое – что Одинокого в самом деле никогда не тронут: посадят всех, в том числе вернейших, – а этот, как памятник бессмертной, неприкосновенной низости, образцовый минус, от которого станут отсчитывать всё, будет стоять у себя на Измайловском или где он ещё там стоит в центре своего кружка… Он переживёт всех и останется, может быть, последним, округлый, нечёсаный, страшный, пахнущий сырым мясом. Время благоприятствовало теперь ему, ибо всё остальное не вышло, а Одинокому была самая пора».

Но доказательств провокаторской и тому подобной деятельности Тинякова в реальности нет, а вот в том, что его «никогда не тронут», Льговский оказался не прав – тронули… Не превратился Александр Иванович, оказывается, и в нищего в общепринятом смысле слова – имел крышу над головой, довольно большую библиотеку, которая каким-то образом сохранилась с еще дореволюционного времени и в которой имелись, между прочим, рукописи Тютчева; в 1928 году он женился на учительнице английского языка Марии Николаевне Левиной, которая взяла его фамилию.

А главное – Тиняков писал дневник, о существовании которого стало известно относительно недавно. Глеб Морев обнаружил выдержки из него в архиве ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и частично опубликовал в своем «Живом журнале» в 2008 году. Готовясь к работе над этим очерком, я тоже посетил архив, прочитал уголовное дело нашего героя, переписал кое-что и из дневника…

Подшитые к делу странички школьных тетрадок нужны были следствию для доказательства антисоветской деятельности Тинякова. Особенно важные высказывания подчеркнуты красным карандашом.

Но есть в дневнике и лирические, и вполне бытовые записи, много внимания уделяется подсчету денег, собранных на панели.

«7 ноября <1929>. В прошлом году в этот день мы с Муричкой были вместе, гуляли по Невскому. Теперь я пришел в 6 ч., съел яблоки и булку, почитал немного Шпенглера (которого плохо понимаю) и так стало сиротливо, что пошел побродить по улицам. Невский – почти такой же, как в будни, ни особой толпы, ни огней. Шел и думал о том, что жена своим отъездом ушибла мне душу и что этот ушиб никогда не пройдет. Нашел на панели 2 коп. И хочу думать, что это – на счастье».

Жена вернулась, и вот запись от «26 (-13) ноября 1929 г. Мне исполнилось 43 года. Милая Муся! Милая жёнка! Подарила мне портфель…»

Да, жена наверняка страдала от того, что ее муж занимается нищенствованием. Дневник показывает, что и сам Александр Иванович периодически пытается пристроить то в одной газете, то в другой какие-то рецензии или статьи, переписывается с Городецким, живущим в Москве, по поводу публикаций и изданий.

В то же время (вернее, немного раньше сохранившегося фрагмента дневника) он отвергает просьбу издателя и библиографа Петра Витязева «написать стихи на тему “Книга”». «Я очень желал бы отозваться на Ваше предложение <…> Но – к сожалению, – не могу! Я не могу написать что-либо в похвалу книге в то время и в той стране, где книга превращена в орудие насилия над массами и в орудие издевательства над свободой мысли, совести и слова. И вообще – я думаю – нельзя сплести “благовонного венка книге” в стране, где нет свободы печати», – ответил Тиняков в письме Витязеву от 11 января 1929 года.

В своем дневнике бывший красный агитатор еще более откровенен в отношении к установившемуся строю.

«28 января <1930>. Мексика порвала сношения с совразбойниками. По этому поводу, конечно, “демонстрации”. Это всегда так: как только дадут по морде компалачам, так они сейчас же посылают на улицы совдураков и те ходят с красными флагами, играют “интернационал” и поют…»

«20 июня <1930>. На страну надвигается голод, быть может, величайший из всех, которые когда-либо переживала Россия. Половину скота порезали во время колхозного беснования: мяса почти нет и, конечно, не будет совсем, как и масла, молока, яиц. Рыбы и селёдок, из-за того же колхозного безумия, не выловили и половины того, что надо. Нет ни овощей, ни ягод, ни фруктов, ни табаку. Во вчерашней веч<ерней> газете появилась заметка о заготовке грибов, но и ведь грибов сукины дети не соберут и не заготовят. Дров тоже нет и не будет. Будет голод, будет небывалый мор и грузинский идиот Сталин будет справлять “пир во время чумы”».

«14 июля 1930 г. 12 июля К. М. Аксёнов дал мне 145 экз. “Треуг<ольника>“. Уплатил ему 3 р., продать же могу (если же себе оставлю 15 экз.) на 36 р. Но продать трудно, п<отому> что мелочи нет и ходить по пивным бесполезно.

Все последние дни были заняты 16<-м> съездом большевиков. Грузинский дьяволодурак ещё раз поставил на колени Рыкова и Томского и мимоходом давнул Крупскую. Молчал только Бухарин, но возможно, что на вчерашнем заключ<ительном> заседании и он растянулся на брюхе перед “дивной жопой Кавказа”. Эти “правые”, конечно, тоже сволочи, но они всё-таки понимают то, что надо же населению хоть что-нибудь жрать. Сталин же и его подручные обрекли на голодную

смерть десятки миллионов людей и не поперхнулись. Им бы только самим лопать до отвала, распутничать (Калинин) и властвовать над всеми и всеми помыкать. <…> Сегодня болит голова и пугает предстоящий день отсутствием у публики “мелочи”. Да и, кроме того, по-видимому начинают забирать нищих и отправлять их в “трудовые колонии”, т. е. в могилы для живых».

27 августа придут и за ним самим Тиняковым.

…Согласимся, что это писало не потерявшее «человеческий облик» существо, не конченый похабник и подонок Одинокий из романа «Остромов…». Писал некто более глубокий и всё-таки цепляющийся за цивилизованную жизнь, и в то же время смело судящий о политической и общественной жизни… Конечно, Александр Иванович наверняка терял человеческий облик, похабничал, но периодами, как немалая часть запойно пьющих.

Публикация повести в документах «Исповедь…» Вардвана Варжапетяна в «Литературном обозрении» сопровождена фотографией Тинякова, сделанной явно во второй половине 1920-х. Вполне себе человеческий облик, осмысленный взгляд. Даже борода подбрита на щеках.

Кстати, в повести Варжапетяна, одного из самых громких борцов с антисемитизмом, в 80–90-е есть неожиданный пассаж:

«Не оправдывая тиняковские гнусности, “тиняковщину”, замечу, что не будь их, Александр Иванович стал бы совсем иным человеком – чистеньким, приличным, трезвым, пахнущим одеколоном... и совершенно мне неинтересным. А истинный Тиняков мне с каждым днем роднее; пусть у него нет, как у великих, своего пространства в русской поэзии, но угол-то свой есть».

Угол действительно есть, и ощущение родства с ним заметно у многих, кто о нем писал. Даже если писал с отвращением и брезгливостью.

* * *

Да, демарш Тинякова был воспринят ленинградским литературным сообществом как оскорбление. Из-за этого поступка наш герой стал олицетворением падшего поэта, примером опустившегося на самое дно пусть не талантливого, но все-таки творческого человека, «человека книги», как сказал о нем Бенедикт Сарнов.

Интересно, что этот тиняковский жест вскоре повторил в Москве другой крестьянский сын, правда намного более известный, – тоже вышел с протянутой рукой…

Не так давно в журнале «Миллионер» была опубликована едкая колонка поэта и эссеиста Дмитрия Воденникова «Маленький человек на Литейном», центральной темой которой стало «“демонстративное” нищенство» Александра Тинякова. Автор относится к нему явно брезгливо, сравнивает с Воробьяниновым из «Двенадцати стульев».

В общем-то, каждый в своем праве, и я нисколько не осуждаю Воденникова и не хочу его разубеждать. Но, читая его колонку, я вспомнил про Николая Клюева.

Привожу отрывок из воспоминаний Ивана Гронского, главного редактора «Известий», сотрудника «Нового мира»:

«В 1932 г. мне сообщают, что Н.А. Клюев стоит на паперти церкви, куда часто ездят иностранцы, и просит милостыню: “Подайте, Христа ради, русскому поэту Николаю Клюеву”, – и иностранцы, конечно, кладут ему в руку деньги.

Я вызвал Н.А. Клюева к себе в “Известия”.

<…> Входит среднего роста человек. Одет бедно. Пиджачок потертый, рубашка, подпоясанная ремешком, штаны потертые, сапоги русские. Бородка, В руках картуз. Глаза – узкие, умные, хитрые, пронизывающие. Стоит, сложив руки, около дверей. Дальше не двигается.

<…> С ним было приятно разговаривать, потому что это был энциклопедически образованный человек, прекрасно понимающий и знающий искусство.

Я говорю:

– Николай Алексеевич, почему Вы пошли на паперть?

– Есть нечего.

– У Вас в вашей келье иконы Рублёва есть?

– Есть.

– А оригинальная Библия XVII века есть?

– Есть.

– Так вот, если Вы продадите хоть одну вещь в музей, то два-три года можете прожить не нуждаясь. Значит, на паперть заставила идти Вас не нужда, а кое-что другое, этим другим является ненависть к большевикам. Вы с нами хотите бороться, мы бороться умеем и в борьбе беспощадны».

Похоже на историю с нищенством Тинякова? Похоже. Но про «падение» Тинякова регулярно вспоминают уже лет восемьдесят, а про Клюева с протянутой рукой – не очень-то (я лично узнал этот факт из книги «Клюев» Сергея Куняева, серия «ЖЗЛ»).

Демонстративное нищенство было формой если не борьбы, то протеста, которую выбрали два поэта, вышедшие – в буквальном смысле вышедшие – из цивилизации русского крестьянства, где крайняя форма горя выражалась в том, чтоб пойти по миру...

Попрошайничая, Тиняков заодно продавал свои книги, носил их и по пивным; иногда он пытался возобновить сотрудничество с газетами. Сочинял и стихи. Сегодня известно три написанных после 1924 года, остальные же или пока не разысканы, или погибли (по словам самого Тинякова, он писал в годы своего нищенствования регулярно).

Одно уцелевшее было обнаружено загадочным, но знаменитым литературоведом с ником lucas_v_leyden в альбоме Евгения Сокола, тиняковского земляка, с которым он виделся в Москве осенью 1925 года. По форме и содержанию это стихотворение близко к тем, что вошли в сборник «Ego sum qui sum».

Не нужны ни солнце, ни птицы,
Ни правда, ни совесть, ни честь,
Ни прелесть весны и столицы, –
А только б дорваться – поесть…

Два других находятся в уголовном деле поэта, являясь, как и дневник, вещественными доказательствами вины. Потому, видимо, и уцелели.

Одно датировано 1926 годом:

Чичерин растерян и Сталин печален,
Осталась от партии кучка развалин.
Стеклова убрали, Зиновьев похерен,
И Троцкий, мерзавец, молчит, лицемерен.

И Крупская смотрит, нахохлившись, чортом,
И заняты все комсомолки абортом.
И Ленин недвижно лежит в мавзолее,
И чувствует Рыков верёвку на шее.

Второе, под названием «Размышления у Инженерного Замка», – 21 июля 1927-го:

Печальны осенние стоны,
Нахмурился, ёжится замок.
И каркают хрипло вороны,
Быть может, потомки тех самых,

Которые мартовской ночью
Кричали в тревоге не зря,
Когда растерзали на клочья
Преступники тело Царя.

И мудрый, и грустный, и грозный
Закрылся безвременно взор –
И пал на Россию несносный,
Мучительно жгучий позор.
Не так же ли грязные руки
Взмятежили тихий канал,
Когда на нём, корчась от муки,
Израненный Царь умирал.

Не та же ль преступная воля
В Ипатьевском Доме вела
Зверьё, – подпоив алкоголем,
Терзать малолетних тела?

Желябов, и Зубов, и Ленин –
Всё тот же упырь-осьминог…
По-своему каждый растленен,
По-своему каждый убог,

Но сущность у каждого та же: –
У князя и большевика,
У каждого тянется к краже,
К убийству, да к буйству рука.

А к делу? К работе? Смотри-ка,
Взирай в изумлении мир,
Как строют Калинин и Рыков
Из русского царства сортир.

И правильно, мудро, за дело
Утонет Русь в кале своём,
Когда не смогли, не сумели
Прожить с светодавцем – Царём.

Конечно, не шедевры, но – почти одинокий голос несогласного. Ехидного и саркастического врага тех процессов, что происходили

тогда в СССР. А ведь врагов, всех этих тайных монархистов, белогвардейцев, просто ненавидящих советскую власть, как оказалось позже (много позже!), было тогда в избытке. Но они молчали, а этот «потерявший человеческий облик» оставил документы.

Много ли ещё можно вспомнить подобных свидетельств времени? «Собачье сердце», например, «Послание евангелисту Демьяну…» (его почему-то упорно приписывают Есенину); «Мы живёт, под собою не чуя страны…», басни Федора Сологуба. Вот вроде бы и всё из середины 20-х – начала 30-х. Потом наступило новое время, от которого тоже почти не осталось художественных документов, где бы запечатлелось недовольство коллективизацией, массовыми репрессиями, охотой на космополитов. Может, повесть «Софья Петровна» Лидии Чуковской – единственный такой документ о «большом терроре», но его никто не читал в то время, а стихи Тинякова были известны многим, – он сам декламировал их на публике…

Его уголовное дело тонкое. Около ста листов, почти половина которых – фрагмент дневника. Малый объем не удивляет: Тиняков признавался, причем делал это, кажется, не без удовольствия, хотя во время обыска пытался ерепениться: «…посылал сотрудников ОГПУ к “чорту”, обзывал хулиганами».

Из протокола допроса от 27 августа 1930 года: «Очутившись в 1926 г. без всякой работы, я ничего не мог придумать, как просить милостыню, повесил на грудь плакат с надписью: “Подайте на хлеб писателю, впавшему в нищету!” и сел с ним на улице. Так как эта надпись вызывала различные вопросы и пересуды и могла вызвать репрессии со стороны милиции, то уже в 1927 г. я плакат этот снял <…> Основными мотивами, доведшими меня до панели, я считаю требования современной Советской печати, которые беспартийным и мало начитанным в марксистской литературе человеком выполнены быть не могут; а именно: освещать вопросы текущего момента я не могу, а нейтральные статьи на чисто литературные темы мало интересуют руководителей современных изданий. Кроме того, не скрою и своего идейного расхождения с Советской общественностью настоящего момента».

Из протокола от 31 августа: «В дополнение к моим предыдущим показаниям своё стихотворение “Размышления у Инженерного Замка” и мои другия стихотворения с антисоветской окраской я неоднократно читал в пивных вслух и у своих знакомых. В своих разговорах, которые я вёл в пивных и у своих знакомых, я иногда высказывал недовольство существующим строем и его политикой».

Из протокола от 8 сентября: «…белогвардейцев ненавижу не менее, чем большевиков...»; «…мечтаю о патриархальном режиме далекого прошлого, о временах Ивана III-го и Дмитрия Донского. Там мои идеалы, мой “золотой век”».

Из протокола от 17 сентября: «Не имея никакого желания вести какую бы то ни было активную работу или агитацию, направленную против Советской власти, я, однако, должен сказать, что не исключена возможность того, что в будущем я никогда не буду делиться своими монархическими мыслями с теми людьми, с которыми меня столкнет судьба».

В деле много заявлений жильцов квартиры о том, что Тиняков и его жена часто пили и скандалили, что приводили домой сомнительных типов, что он часто обзывал соседей еврейской национальности жидами.

Есть свидетельства тех, кто видел, как подозреваемый занимается нищенством. «Тинякова я видел неоднократно просящим милостыню со словами: “Подайте бедному обездоленному писателю, обиженному советской властью”». Некоторые вспоминают, что пьяный Тиняков хватал людей и требовал денег. А о трезвом отзываются, как о «смиренном, тихом и интеллигентном человеке».

Выписка из протокола заседания тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 11.11.1930:

«Постановили: Тинякова Александра Ивановича заключить в концлагерь сроком на ТРИ /3/ года, считая срок с 27.8.30 г.».

Из обвинительного заключения:

«Сочиняет контрреволюционные стихи и распространяет их за плату.

ТИНЯКОВ. А.И. вел антисоветскую агитацию на улице, в пивных и в среде своих знакомых. Особенной активности она достигла в 1926 г., когда он наблюдая наши достижения и успехи в области социалистического строительства понял, что его надежды на реставрацию в стране монархического образа правления, рушатся. Это свое возмущение и злобу на существующий строй ТИНЯКОВ выразил демонстративным выходом на улицу с плакатом: “Подайте на хлеб писателю, впавшему в нищету”, – при этом ТИНЯКОВ на словах прибавлял: “и обиженному Соввластью”».

Так что здесь огэпэушники ближе к истинному смыслу выхода Александра Ивановича с протянутой рукой, чем собратья по писательскому цеху и поверившие им литературоведы.

Вещественными доказательствами были признаны два стихотворения, дневник за 1929–1930 годы и «2 книги его печатных произведений “Аз есть сущий” и “Треугольник”». Остальное изъятое при аресте: «42 тетради с рукописями и выписками из книг; разные выписки; печатные книги. Сочинения Тинякова и дневники 5 шт.» постановлялось конфисковать. Скорее всего, позже они были уничтожены.

* * *

О жизни Тинякова в «концлагере» и в ссылке ничего не известно, кроме саркастической, а может, и вполне искренней фразы из приведенного выше письма Михаилу Зощенко. Где был тот «концлагерь», достоверно не установлено. То ли Соловки, то ли Беломорско-Балтийский канал.

В статье «Хождение за Тиняковым», опубликованной 10 ноября 2016 года в газете «НГ Exlibris», Вардван Варжапетян приводит воспоминания его племянницы, известного литературоведа Ксении Дмитриевны Муратовой (1904–1998), записанные им в конце 80-х:

«…Я видела его и девочкой лет шести-семи, и девушкой, когда приехала учиться в Ленинград. Однажды кто-то из наших земляков сказал: “Шурка-то Богородицкий <…> на Литейном стоит с шапкой: “Подайте поэту, впавшему в нужду”. Мы с сестрой написали маме: “Может ли такое быть?” Мама ответила: “Может; а вы подойдите к нему, скажите, что вы Муратовы”.

Мы пошли. А он пьяный, ругается <…> Мы тоже подали и убежали. Потом говорили: “Тинякова как нищего, пьяницу и вредный элемент определили строить Беломорско-Балтийский канал”. Он вроде и там сгодился как поэт, писал в газету, которую чекисты издавали

для заключенных. Максим Горький в августе 1933-го снарядил туда целый пароход писателей. Лучших писателей собрали: Алексей Толстой, Михаил Зощенко, Всеволод Иванов, Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Михаил Слонимский, Евгений Габрилович… Книгу писать. Думаю, Алексей Максимович говорил с чекистами о Тинякове, помог ему вернуться в Ленинград. Горький ведь считал, что Тиняков мог вырасти в большого прозаика, хвалил его рассказ “Пропащий”».

Ну, с Горьким Александр Иванович не мог встретиться ни на Соловках, ни на Беломорканале. В 1929-м, когда Горький посетил Соловки, Тиняков был на свободе, а на ББК не ездил вовсе. Писательская делегация побывала на канале в августе 1933 года, когда Тиняков уже вернулся в Ленинград.

Жить ему оставалось ровно год.

Известно, что на пропитание зарабатывал продажей в Пушкинский Дом, Гослитмузей, Государственную публичную библиотеку рукописей писателей XIX века, которые приобретал еще до революции, редких книг, страниц из книг с инскриптами известных литераторов.

О Тинякове этого периода современники почти не оставили свидетельств. Впрочем, как мне говорили архивные работники и в Петербурге, и в Москве, бумаги 1930-х еще только разбираются, поэтому появление новых фактов не исключено. Вот те крохи, что известны на сегодняшний день:

«…Прошёлся по Невскому. Встретил Тинякова на костылях и Хармса…» (Из записи в дневнике Михаила Кузмина от 28 июня 1934 года.) Интересно, порознь встретил или вместе? Известно, что Хармс очень интересовался Тиняковым, был с ним знаком.

А вот из воспоминаний Николая Александровича Энгельгардта «Эпизоды моей жизни», опубликованных в альманахе «Минувшее» в 1998 году:

«Каждый день, под вечер, идя из улицы Чехова (облагороженный Эртелев переулок) по Надеждинской в булочную на Невском (Проспект 25-го Октября) за полкило хлеба (1 р. 25 коп.), я встречаю медленно двигающуюся посреди тротуара, опираясь на палочки выставленными вперед двумя руками, высокую фигуру в широкополой серой, мятой, старой фетровой шляпе и в светло-коричневой плисовой поношенной бекеше, с длинными седыми волосами и бородой, с воспаленным лицом – и все же сохраняющую оттенок старого интеллигента. Это – писатель Тиняков».

Такие сочувственные строки написал, кроме всего прочего, тесть Николая Гумилева, в аресте и гибели которого периодически обвиняли и обвиняют Тинякова… (Умрет Энгельгардт, как и вдова Гумилева, и их дочь в 1942 году в блокадном Ленинграде.)

В давней уже, написанной до того, как многое о последних годах нашего героя стало проясняться, статье «Некто Тиняков. Одинокий…» орловский литератор Владимир Ермаков осторожно фантазировал:

«Вот вам версия, лишенная всякой доказательности, но заманчивая назидательной моралью. С началом террора Тиняков в депрессивном психозе, гонимый собственной тенью, исчезает из бывшей столицы. Теперь он жаждет безвестности так же страстно, как прежде славы. Бежать, скрыться! Куда? Инстинкт блудного сына ведет на родину. Здесь, в орловских улицах, доживает он свои никчемные дни, сколько бы их там ни было. Это уж совсем нам неважно. Никто его не узнает, никто его не хочет узнавать, да и не может узнать. Потому что и сам он уже

не Некто, а Никто. Карикатурный призрак декаданса, пародия на “проклятого поэта”. Умолкнувший неприличный звук. Бесплотный. Бездушный. Одинокий. Все – без следа. Вот только разве... неясная тоска. “Стоит в груди – и не тает...”»

Подобное писали и о Есенине, Клюеве, Клычкове: зачем, дескать, оставались в этих каменных мешках городов, вернулись бы на родину, к земле… Нет, прикипевшие к городам крестьяне очень редко из них вырывались, хотя и мучились, но в этой муке, видимо, черпали вдохновение.

«А у нас-то в деревне теперь – благодать. Сидел бы в валенках, читал бы Писемского и Мельникова-Печерского, пил бы умеренно водку, беседовал бы с немудреными деревенскими людьми, и не висел бы надо мной грозный и грязный вопрос: “А что я буду завтра жрать?” И к чему, и зачем я страдаю в Петрограде, – самому непонятно. Раньше, положим, был интерес к литературе и писателям, а это скрашивало ужас моей бедности. Но бедность перевесила, все почти убила, все опорочила – и теперь я – только голодный», – жаловался наш герой Борису Садовскому в 1914 году.

Петербург-Петроград-Ленинград раз за разом исторгал его, но Тиняков возвращался.

Первый исследователь его жизни Вардван Варжапетян в конце 1980-х установил, что умер Александр Иванович в ленинградской Больнице в память жертв революции (Мариинской), которая в трех сотнях метров от дома, где он обитал; умер 17 августа 1934-го в сорок семь лет. В этот день в Москве открылся Первый съезд советских писателей.

…В деле Тинякова последний лист отличается по цвету от других – он не серый и не желтый, а белый. Это справка о реабилитации от 18 марта 1998 года. В ней приписка: «Сведений о родственниках Тинякова А.И. не имеется».

– Извините, – решился побеспокоить я сотрудницу ФСБ, которая наблюдала за мной в кабинете (да и не наблюдала, а присутствовала для порядка, чтоб, наверное, не украл документы, не развернул сложенные листы, содержащие секретную информацию). – Извините, а если родственников нет, то кто подавал просьбу о реабилитации?

Вопрос, конечно, наивный, но я не специалист в этих вопросах.

Девушка взглянула на справку:

– Он был осужден тройкой. Таких автоматически реабилитировали. В соответствии с указом.

– А, да-да, – кивнул я, делая вид, что вспомнил; записал в блокнотик: «Автоматически реабилитированный».

Не знаю, согласился бы с этим «крайне своеобразный человек», по собственной оценке, Александр Иванович Тиняков.

Андрей РУДАЛЁВ

Родился в 1975 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета, два года работал там же на кафедре литературы. После был охранником в ночном клубе, замредактора в рекламной газете, корреспондентом «Северного рабочего», пресс-секретарем Совета депутатов Северодвинска.

Участник форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006). С критическими заметками выступает во множестве периодических изданий.

Живет в Северодвинске.

СОЛЖЕНИЦЫН НА РУИНАХ

Отношение к Солженицыну – определенная концептуальная проблема, особый водораздел. В этом пришлось убедиться однажды, когда один товарищ на литературном мероприятии стал обвинять меня и мое литературное поколение в бессовестности, в том, что мы оправдываем то, что происходило в Советском Союзе. Прилепин написал «Письмо товарищу Сталину», а я вот и вообще дошел до края – сфотографировался в футболке с изображением Сталина и выложил в соцсеть. Кошмар! Оправдание людоеда! Забыли о том, что писал Александр Исаевич!

Разговор этот происходил при Наталье Дмитриевне Солженицыной и, вероятно, должен был показать всю глубину бессовестности и беспамятства тех, кто пытается объективно и без лишних эмоций рассуждать о советском периоде страны. Разумно без стереотипов взглянуть на него, ведь история многим сложнее однозначных оценок и односложных реплик. Тот самый советский период воспринимают сейчас либо зияющей черной дырой, торжеством всего кошмарного и бесчеловечного, либо вспоминают с ностальгией по утраченному величию и грандиозным масштабам второй сверхдержавы. Без Солженицына здесь никак.

Солженицын был страстный человек. А страстность в России часто перерастает в жесткий выбор «или–или», в максимализм. До сих пор многие друг друга спрашивают: ты за «белых» или за «красных». Хотя прошло уже почти сто лет. Как правило, если человек делает выбор в ситуации «или–или», то он уже открещивается от всего остального. Если за «белых», то «красные» – воплощенное адище и нечего тут рассуждать, и наоборот. Разговоры о том, что вина на тех и других, как и правда

у тех и других, не воспринимаются всерьез. Нужен выбор. За ним идет причинно-следственная связь. Если за коммунизм, то значит и за ГУЛАГ. Хотя на самом деле, ничего это не значит. Все всегда намного сложнее.

Солженицын – художник-воин. В своей нобелевской речи он призывал: «Не отнекиваться безоружностью, не отдаваться беспечной жизни – но выйти на бой!» В состоянии боя он пребывал всю свою жизнь. Он создал себе образ мира, против которого страстно и самозабвенно выступал (надо сказать, что реальность щедро давала ему многие аргументы). Было в этом что-то донкихотское. Но в какой-то момент ты становишься несвободным от этой схватки. Уже не ты, а она тебя ведет, руководит тобой, без нее уже не можешь существовать.

Александр Исаевич не просто обличал ГУЛАГ, не просто был последовательным противником коммунизма, но его страстность довела до того, что он обрушился на все, в чем мог увидеть ростки этого самого коммунизма. «Имперский дурман», пробуждающееся русское национальное самосознание его крайне тревожило. Утверждал, что «надо перестать попугайски повторять: “мы гордимся, что мы русские”, “мы гордимся своей необъятной родиной”». Теперь вот мало кто гордится, а многие стыдятся…

Он почувствовал и приветствовал энергии разделения, распада и увидел в этом что-то новое, возможно, отличное от коммунистической «казармы». Он возрадовался распаду ненавистной Империи, отделению республик. Считал, что через это перед каждым новым государством будут подниматься его настоящие проблемы и они будут свободны от нацвопроса. Но не смог предусмотреть, что эти энергии, раз запущенные, потом будет крайне сложно остановить. И вот на территории бывшего СССР это разделение свирепствует уже больше двадцати лет и пока ему не видно предела. Он чувствовал распад, но не в силах был обозреть, насколько далеко он простирается, не понимал всю его опасность. Так сильно захватила его схватка, и только постфактум в своей работе «Россия в обвале» он сокрушался произошедшим, но не себя же в этом винить: все коммунисты, который в своей время сбили страну с пути истинного, а потом, перекрасившись в демократов, все сделали по наихудшему сценарию, и развал произошел тотальный.

Пассионарии типа Солженицына – люди кризисной эпохи. Они – архимедов рычаг, сдвинувший с привычной оси общество. Но дальше это самое общество живет уже своей жизнью, по своим законам, в судорожных попытках найти новую ось. А эти люди становятся либо утопистами, либо на их голову, как и на пророков, осыпаются многочисленные проклятия. Они искренне зовут от реального к идеально-должному, но потом может пойти совершенно непредсказуемое развитие событий или, наоборот, слишком предсказуемое. Разрушив коммунизм, компартию, «гранитную громаду КГБ», Солженицын видел свой проект будущего, но это будущее не ответило взаимностью. Надо ли его в этом винить?

Он считал, что с избавлением от государственного гнета, когда тот перестанет нависать «над каждым нашим действием и оплата станет справедливой – сразу поднимется качество труда и повсюду засверкают наши умельцы». Говорил, что «ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам наших недр». Раздача недр произошла, пусть и не только иностранным капиталистам. Призывал освоить «дух самоограничения», но главный

лозунг страны, в которую он вернулся, был: бери от жизни все и никто никому ничего не должен. Надеялся на построение демократии снизу, на то, что общественные силы будут нарастать снизу. Но вот пришел октябрь 93-го года, когда все низовые общественные энергии были расстреляны из БТРов и танков…

Счастье и благоденствие не появляется сразу, если убрать что-то кажущееся плохим. В итоге произошло все по его словам: «весь XX век жестоко проигран нашей страной», а «из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище». Он считал, что это произошло из-за того, что «достижения, о которых трубили, все – мнимые». Прошло два десятилетия, и все чаще возникает мысль: может быть, в это полудикарство привела демократическая революция или контрреволюция, разрушившая ту самую Империю до основания, не дав ничего взамен? Кто знает…

Надо понимать простое, что как по Льву Толстому не стоит изучать историю Отечественной войны, так и Александр Солженицын – в первую очередь художник. Если говорить за себя, то в конце 80-х казалось, что Солженицын ворвался в школьную программу, в репертуар ее внеклассного чтения, мистически-загадочной и непривычной фамилией, в которой слышаться созвучия со «словом», «солью», «солнцем». Он пришел сказочным заморским и, казалось бы, таким русским местечком под названием Вермонт, семитомным собранием сочинений, состоящим из клееных томиков в тонком переплете, устрашающей аббревиатурой ГУЛАГ и чудовищной объемностью этой книги. Он пришел с простым зэком с простым именем Иван Денисович, с воззванием «Как нам обустроить Россию?», которое было напечатано в стране многими миллионами. Пришел как символ борца.

Тогда казалось, что с его бородой мудреца, с его словами приходит необходимое животворное обновление жизни. Вот она, настоящая литература, плотно связанная с отечественной, вот она мощь настоящего коренного писателя – рупора совести. Писать по-солженицынски на каких-то клочках бумажки, которые потом уничтожались, а тексты заучивались наизусть. Не это ли лучшая иллюстрация тезиса о сакральной ценности слова?!

Тот же «Архипелаг ГУЛАГ» поразил и привлек твердой уверенностью в важности писательского слова, ради которого можно многим пожертвовать, многое преодолеть. Страдания, боль, кровь, искреннее сопереживание – все это собиралось, копилось, пока не трансформировалось в книгу. Все это вызывало восхищение, воспринималось некой реинкарнацией русской классики. Солженицын представлялся реликтом, занесенным в наше время драгоценным ветром, которым дышали Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Толстой.

К сожалению, так получается, что он переходит в разряд особых символов. О нем можно ничего не знать, не читать его книг, но иметь представление, как о некоем водоразделе, одинокой глыбе, которая стояла на развилке русских дорог, но линия истории опять пошла в каком-то совершенно ином направлении.

Теперь есть большие сомнения, что современный школьник будет испытывать подобные эмоции по отношению к тому же «Архипелагу» и что он вообще будет его читать. Эта книга важна была тогда в ситуации общественного бурления, когда легкие хватили свежего воздуха и от него закружилась голова, трещали по швам ризы старого мироустройства и мы с восторгом ожидали чего-то чудесного и замечательного.

Солженицын говорил про справедливость и совестливость. Стремился к подобию Царствия Божьего на земле. А как же иначе? Он – максималист.

Это уже практически ушедшая натура, исчезающий вид писателя, ориентированного исключительно на творчество, которое, в свою очередь, главным образом ставит перед собой задачу переобустройства мира с позиций морально-этических принципов. Мир всегда с ним входит в конфликт. Справедливости в мире не прибавилось, а может быть, даже и наоборот.

Шаламов в свое время обвинял русскую классику в тех бедах, которые свалились на страну в XX веке. По этой логике в бедах современной России можно упрекать Александра Исаевича, но это будет неправда.

Так получилось, что страна дважды впадала в зависимость от его творчества. В первый раз от «Архипелага ГУЛАГа». Ей сказали, что это зеркало, она всмотрелась в него, ужаснулась и стала иной. Второй раз, чтобы окончательно не потерять себя, пошла во многом по пути его публицистической книги «России в обвале», в которой он тоже вышел на бой.

Современная российская политика во многом – результат прочтения этой книги, которая появилась незадолго до президентства Владимира Путина. Результат чтения в первую очередь первым лицом.

От скреп и до Крыма, уход которого на Украину в 1991 году Солженицын называет государственным воровством и напоминает, что при разделе никто не вспомнил, что «Украине отдаётся несколько областей, фактически русских и по нынешнему населению, и по истории, отдаётся до 12 миллионов русских людей безо всякой гарантии хотя бы их культурного существования и юридической защиты». От отношения к распаду Союза, признания русских самым разделенным народом и до вопросов национализма и патриотизма. Екнуло сердце по поводу Южных Курил: Солженицын считал, что за них не стоит цепляться. Но нет, по счастью, вроде не во всем и не буквально следуют, хотя опыт вдумчивого прочтения отчетливо чувствуется.

Как это назвать? Особая форма литературной критики с переносом публицистики в плоскость реальной политики? Способ герменевтического истолкования текста посредством приложения его к реальной жизни?..

Относительно позиции самого Солженицына в нынешних реалиях даже вопросов не возникает: в 2014 году он горячо бы поддержал возвращение Крыма, переживал бы за Донбасс и наряду с Лимоновым и Прохановым писал бы колонки на RT, а я бы выложил фото нашего с ним соседства. Собственно, эти колонки он уже писал в своей книге «Россия в обвале». Кто-то прочел эту книгу и обвал остановил. Или скорее приостановил. Так или иначе, но сражений с этим обвалом еще много впереди.

Но собственно про «обвал». В книге «Россия в обвале» он в первую очередь обозревает события конца 80-х и последовавшие за ними девяностые, ставшие худшим из возможных сценариев развития событий.

По словам писателя «Россия – расплющена», при этом «оправдатели настаивают, что иначе и пойти не могло, другого пути не было, это всё – переходные трудности. Здравомыслящие – уверены, что здоровые пути были, они всегда есть в народной жизни». Писал он о том, что теперь надо думать «как выбираться из-под развалин». Сейчас ситуация также связана с этим самым призраком развалин, но вопрос

немного другой: как не допустить новых развалин. Россию кромсают, как единый организм, тогда это было и сейчас повторяется вновь. Своеобразный эффект эха получается, хотя уже давно нет этих самых коммунистов, от которых якобы было все зло в отечественной истории XX века. Или разве что винить себя за то, что не покаялись или плохо покаялись…

Александр Исаевич сетует на то, что «в самые ключевые дни, когда судьбу России можно было формовать как тёплый воск», верхушку власти занимали другие дела: «Победившая, наскоро сплотившаяся верхушка, войдя в очередной роковой акт Истории России, оказывается, думала только о власти, скатившейся в руки нечаянным подарком, ни о чём другом». У обвала был эффект неожиданности, все свалилось в руки разом, вот и побежали прибирать, пока не отобрали и за свалившемся не пришли. Печально знаменитое «беловежское соглашение» – это ведь форма произвола и авантюры, но которая случайным образом устоялась и аукается до сих пор. Было головокружение от ситуации. Что делать в глобальном плане и на большую перспективу, мало кто понимал и понимать не хотел, поэтому и процветало своеобразное властное мародерство и избавление от ответственности. Поэтому и большую страну растаскивали бездумно, не заботясь о будущем, поэтому и русский народ оказался самым разделенным, поэтому и было возможно государственное воровство с Крымом, русскими областями Украины, Казахстана и многое другое.

Брошенный, разделенный народ в противоположность делу его сбережения – небывалый позор отечественной истории. «Эта скорбная беженская эпопея – ляжет тёмной полосой на российские 90-е годы XX века. Без неё нет понимания ни современной России, ни современного Русского народа», – пишет Александр Исаевич. В связи с этой трагедией как раз и называет президент Путин развал Советского Союза гигантской геополитической катастрофой XX века.

Вообще во всем происходящем тогда не сложно было увидеть корыстные мотивы властных элит и их повальное предательство, ведь, как писал тот же Солженицын, в демократы перескочили бывшие коммунисты. Учуяли ветер перемен и стали ему способствовать, используя романтический порыв масс в деле собственной прагматики и будущего большого дележа. Но и корыстью все не объяснить или будет слишком плоско и тенденциозно. Видимо, на самом деле, в сгустке причин произошел обвал. Понять бы формулу этих причин, прочесть ее.

Что ввергло страну в худший сценарий и обвал, ведь не только печать греха – коммунистов?.. То было время не только большого обмана, но и больших иллюзий. Мы сами придумывали себе сказки и самоотверженно в них верили, как и в то, что «общечеловеческие ценности» примирят нас со всем миром, станут залогом всеобщего благоденствия, счастья и воплотится заветная формула «Миру – мир!». Может быть, так себе представляли тот самый коммунизм (только без коммунистов), о котором столько говорили?.. Вот и Солженицын писал о повальном ощущении счастливейшей поры, которая наступает в стране и осчастливит всех и каждого: «С конца 80-х годов разлившийся в нашей столичной образованности интернациональный восторг едва ли не перехлестнул и ранних большевиков. Российским либералам и радикал-демократам помнилось: распахивается отныне и навеки – счастливейшая эра на нашей планете: теперь и всем населением её, и всеми государственными деятелями овладеют общечеловеческие ценности,

которым, все дружно, мы и будем служить. А посему: какая-либо твёрдая внешняя политика России есть империализм или абсурд, крепкая власть в России – тирания».

Разве не эту установку вместе с «новым мышлением» давала тогда и сама власть, разве не ею она предельно ревностно руководствовалась в последние годы жизни страны, взяв на вооружение тактику капитуляции по всем фронтам и всем сферам? Александр Исаевич писал: «Сей интернациональный восторг, “новое мышление”, уверенно направил и действия горбачёвского руководства». Тогда поднимался и много обсуждался вопрос о необходимости самого государства, о разгосударствлении, о том, что не надо бояться слова «стихия». Тот же народ все сам лучшим образом управит, а еще лучше – рынок, который всемогущ и всеведущ. Об этом, например, проговаривалось в программном публицистическом сборнике тех времен с императивным названием «Иного не дано».

Та самая «эпидемия “общечеловечества”» позволила начертить и контуры современного мира с его жутким карнавалом, своеволием и системой подмен: «Новая Россия и помогла свершиться тому историческому переходу в мировом сознании, когда военное вмешательство держав в дела далёкой страны стало называться не “агрессией”, а “миротворческими усилиями”». В этом плане развал СССР трагическим образом сказался не только на народах некогда единого Союза, но и всего мира, который попал под ее ударную волну и своеобразное радиоактивное заражение, которое начало проявляться уже в девяностые Ираком, бомбардировками Югославии. Сейчас же, по сути, вернул мир в состояние новой-старой холодной войны. Произошло схожее воздействие на весь миропорядок, что и в начале века с его семью днями, потрясшими весь мир, только теперь, скорее, со знаком минус. Современный мир – следствие того недавнего обвала.

Мало того, развал Советского Союза – вовсе не финальный аккорд торжества «цивилизованных» стран и наступления эры тотальной демократии. Затем должны следовать процессы дальнейшей деградации России, что и наглядно проявлялось в девяностые. «Ясно же видно, что Западу нужна Россия технологически отсталая», – пишет Александр Исаевич. Могло ли такое откровение прозвучать в годы, когда торжествовала «эпидемия “общечеловечества”», сложно сказать. В данном случае писатель лишь фиксировал происходящие крайне удручающие процессы. В годы же самого распада он из своего вермонтского далеко рассуждал о том «Как нам обустроить Россию?», и рассуждения эти он предварял высказыванием: «Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами». И вот теперь развалины, и из-под них надо выбираться…

Или вот другое откровение, которое у нас, даже в годы санкций и импортозамещения, к сожалению, до конца не осмыслено и не принято: «даже в нынешних усеченных границах Россия – экономически самодостаточна. И наша умолительная погоня за иностранными инвесторами – истекает из нашего допоследнего душевного упадка и отчаяния». Может быть, проблема все в той же ориентации на «общечеловечество», которое было губительно в недавней нашей истории, и мы до сих пор не сняли розовые очки? Не ценим, не доверяем сами себе, лелеем чувство неполноценности, хоть и хорохоримся, что санкции эти мы переживем, но в тоже время все оглядываемся на то,

как бы не впасть в изоляцию, как бы, как бы... Забываем про свою самодостаточность, а между тем именно от этой отправной точки следует исходить, как в политике, так и в экономике. Что уж говорить, процесс перенимания «западных форм жизни», о котором писал Солженицын, до сих пор происходит, страна во многом стреножена им. И очевидно, что это тоже форма не только экспансии и закабаления, но и развала, когда постепенно выхолащивается собственный уникальный уклад и переносится чужой.

Солженицын полагал, что распад Советского Союза был неизбежен, но при этом писал, что «не было никаких причин ожидаемый распад подталкивать». Необходимо было использовать «подготовительное время, чтобы уменьшить вред глубоким экономическим, бытовым и многомиллионным личным связям», но и этого не произошло, времени такого никто не дал или его попросту украли.

«Раскол СССР был совершён в опрометчивой спешке и наихудшим образом», в какой-то мере можно сказать, что и воровски. Все было пущено на самотек и отдано на откуп стихии и парадов суверенитетов, и в итоге «Неуправляемый раскол произошёл по неестественным, этнически не обоснованным административным границам (ленинско-сталинско-хрущёвское наследие), – границам, к которым, ещё более необоснованно, цепко следящий Запад тут же применил гарантию Хельсинкских соглашений».

«Наихудшим образом» не только по факту произошедшего, но и по отношению к будущему, так как развалом была дана отмашка на перекройку всей мировой политики с заложенными в этот процесс проблемами, которые сейчас аукнутся. Но была заложена и мина замедленного действия под отношения между бывшими советскими республиками. Те же нерешенные и отложенные территориальные вопросы рано или поздно будут набухать. Причем не только сами собой, но их еще и очевидно провоцируют, как в случае с Украиной: «Президент России смотрел назад: от чего поскорее отделиться (прежде всего – от власти Горбачёва), с чем распрощаться, – и нигде в том соглашении и вокруг него не проявлена забота, даже сама мысль, что Украине отдаётся несколько областей, фактически русских и по нынешнему населению, и по истории». Сейчас все это стало разменной картой для дестабилизации.

Не обходит писатель вниманием и влияние западной пропаганды на провоцирование атмосферы конфронтации в обществе и межнациональной вражды. Да и вообще во всем деле развала эта пропаганда сыграла важную роль. Он сам долгое время был инструментом пропаганды, потом же наблюдал, что государствообразующая нация – русская объявлялась порочной и осмеивалась. Другими нациями она уже перестала восприниматься в качестве объединяющей и цементирующей государственную структуру, а в качестве своеобразной ржавчины, не способной ни к чему. Эта пропаганда много сделала для разобщенности в обществе. Солженицын вспоминает серию передач «Русская идея» на радио «Свобода», где «издевательски опошляла и русскую историю, и русскую мысль, прямо требовала “мутации русского духа”, сокрушала русские мозги в безнадёжность, а в других слушателях наращивала неприязнь к русским. “Не являются ли русские народом прошлого, которого уже нет?” Униженная и отчаявшаяся Русь могла слышать: “причина тоталитаризма – русский родовой соблазн”» (11.12.89); “у русских всё всегда на костях да на крови, а добром русский народ

не умеет” (27.10.89); “говорить о патриотизме русском в такой стране просто бессовестно, безнравственно” (12.1.88)».

Даже с оглядкой на те годы, на весь трагизм произошедшего и руины вокруг, писатель полагал, что с коммунизмом в России необходимо было разделаться, как с режимом, который 70 лет якобы душил страну: «Нынешние вздохи заблудившихся патриотов, что “не надо было сокрушать коммунизм”, так-де хорошо “скреплявший” Россию, – это постыдный упадок духа перед убийцами». С коммунистами он категорически не мог примириться. Полагал их время за иго, раковую опухоль отечественной истории, которая внесла раздрай в ее путь.

Для примера, писатель Светлана Алексиевич, которую, видимо нобелевский комитет, воспринял за современного Солженицына, во всех бедах обвиняет «красного человека», который был выкован в стране за советские годы. Все это железобетонные версии, которые нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Этакая позиция на уровне личной веры. Удобная формула сосредоточения зла. Вон на Украине и в других странах бывшего Союза активно проводят десоветизацию, вплоть до насильственных форм. И как раз получается, что таким образом разделываются с Россией. Совпадение это или так естественным образом получается, что от нашей советской истории никуда не деться, не замарать ее, не проклясть, так как она – последование тысячелетнему отечественному пути? На самом деле сложный вопрос, к которому нельзя с наскока подходить и удалой шашкой однозначные ответы вершить. Впрочем, можно сказать, что и этот солженицыновский посыл во многом воспринят российской властью, которая также ведет свою последовательную линию десоветизации.

В версии Солженицына причина «катастрофического крушения России» в 1991 году состояла и в том, что Советский Союз не был жизнеспособным образованием. Но в процессе обрушения его обломки сильно покалечили и Россию: «За несколько коротких дней 1991 года обессмыслены несколько веков русской истории. За два-три августовских дня смазаны и смыты два столетия русских жертв и усилий (восьми русско-турецких войн) выйти к Чёрному морю. Весь нынешний мир смотрит на нас и изумляется: как могла такая огромная Россия так внезапно ослабнуть, опасть духом и телом и начать стремительный саморазвал – не испытав ни крупного военного поражения, ни сотрясательной революции и гражданской войны, ни массового голода, ни эпидемий, ни стихийных бедствий. Всех поражает именно быстрота падения и непротивляемость наша в том – до утери самого инстинкта государственного существования. Земная история, может быть, не знает другого такого самоубийственного поведения этноса. Но это всё – совершилось. И мы обязаны это признать. И строить – вот уже на этих развалинах. При внешней мощи своей СССР (изобретенный Лениным к концу его жизни) внутренне не был здоровым государственным образованием». Тут логика понятна: СССР был ошибкой, болезненным сном русской истории, мало того, его гибель перечеркнуло многое из отечественной истории, в том числе территориальные владения. С Союзом писатель связывает «отказ от русского культурного своеобразия, от тысячелетия за нашей спиной». Да и это «самоубийственное поведение этноса», видимо, по его мысли, тоже определенное наследие СССР, который источил все самозащитные механизмы нации.

В стране была создана атмосфера тотальной распри, под прикрытием которой бывшая номенклатура переобулась в воздухе в соответствии с духом времени и вновь объявила себя хозяином жизни: «“Демократы” и “патриоты” полосовали друг друга бранью вместо того, чтоб объединиться против живучего, изворотливого коммунизма и комсомольства. И те и другие органически не были на то способны. Горе стране, где слова “патриот” или “демократ” считаются бранью… А за это время коммунистическая номенклатура успешно пересоставлялась в “номенклатуру демократическую”, коммерческую и вместе со сметливыми, ещё вчера никому в стране не известными хапугами – овладевала постами, капиталами. И после удачно выигранного времени только и могла благодарно кивнуть противоборцам на две растеснённые обочины: “Спасибо за вашу Распрю!”». По словам автора «России в обвале»: «между огненно накалёнными полюсами создалось мёртвое поле», а «мазутная полоса этой распри осталась промазана и через сегодняшнюю нашу жизнь», и сама она еще не изжита. Да и номенклатура, схожая с той, и сейчас живее всех живых, во многом копирует поведенческую модель того времени, которое стало эпохой ее победы.

Ответил писатель в своей книге и на вопрос о возможности реставрации СССР: «Нет, восстановление СССР никак бы не было теперь в интересах и ко здравию русского народа – это было бы утопление его в набухающем азиатском мире. Контуры СССР – для нашей страны невозвратимы, и всякие побуждения к тому надо покинуть как самые пустые. Они ещё и вредны: всякие требования или разговоры о восстановлении СССР лишь углубляют в отошедших от нас государствах – враждебность к тем русским, кого мы бросили, предали там, ставят их под новые гонения. А в нас самих – этот лозунг только подавляет собственное национальное сознание». Современная российская политика также последует за этой писательской мыслью. Но, с другой стороны, дело ведь не только в «контурах СССР», а в первую очередь о духе той эпохи, о той же справедливости и превознесении простого человека, для которого были предоставлены все социальные лифты, о социализме, в конце концов…

И, конечно же, главный посыл и вопрос «России в обвале»: выстоим или рухнем, и отечественной цивилизации грозит «национальная гибель». Вопрос этот и до сих пор не снят с повестки, а возможно, даже сейчас более заострен.

Александр Исаевич резюмирует, что «русский народ в целом потерпел в долготе XX века – историческое поражение, и духовное, и материальное. Десятилетиями мы платили за национальную катастрофу 1917 года, теперь платим за выход из неё – и тоже катастрофический. Мы сломали не только коммунистическую систему, но доламываем и остаток нашего жизненного фундамента. Осознать – не значит принять и покориться. Но значит: опомниться, пока ещё не истекли все сроки». Мысль его однозначна и, конечно же, связана с донкихотским порывом и настойчивым стремлением сражаться с коммунистическими мельницами, а в этом деле по пословице «лес рубят – щепки летят». В какой-то мере этот процесс рубки и оправдывает и щепки и обломки. В этой однозначности есть и ее слабость, и сужение взгляда, да и комплекс вины, который так или иначе перекладывается на русский народ. Эта вина за поражения становится практически первородным грехом, который необходимо искупить, чтобы в будущее получить заветный билет.

В солженицынском восприятии «наше спасение – только в нашем самодействии, возрождаемом снизу вверх. Ах, если бы, если бы мы были способны к истинному всеобъединению: мирными средствами, но воистину всенародно выразить наш гнев – так, чтобы власти в своём мраморном корыте задрожали и очнулись. В других странах такими массовыми выходами и поворачивают ход своей истории». Писал он это так будто, весь XX век не был русским самодействием, и народ тут не менял ход истории. А где же тогда был народ? Куда его спрятали, извели подчистую и испортили?..

Солженицын был идеолог, был и инструментом пропаганды. Ревизию своих взглядов он не проводит, ведь это было бы равносильно перечеркиванию многого, а то и отречению от своего творчества. Что в его случае невозможно. Он был догматиком, причем довольно-таки фанатичным. Он не искал, а изрекал. И даже руины его ничему не научили, хотя вполне возможно, что он и жаждал их, чтобы начать все сначала. Быть может, фанатизм многих в те годы и не дал шанса для страны пойти по менее печальному и трагическому сценарию развития событий.

Елена КРЮКОВА

Родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького.

Автор книг стихов и прозы, куратор и автор художественных проектов в России и за рубежом. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой, Кубка мира по русской поэзии, премий журнала «Нева» за лучший роман года («Врата смерти», 2012), им. Горького (2014), им. И. Гончарова (2015), Международной литературной премии имени А. Куприна (2016), Международной премии им. Э. Хемингуэя (2017).

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ДУША ЖИВАЯ

(Нина Ягодинцева. «Человек человеку». Стихотворения. М.: Российский писатель, 2017)

Этот поэт уже летит в таких небесах, что ни руками, ни сетью его не поймать; только – сонастроенным, любящим сердцем.

Летит там, где летят птицы и ангелы.

У нас в России есть Нина Ягодинцева, поэт милостью Божией; и погрузиться в тексты ее новой книги – все равно что нырнуть в эту слепящую, широкую, на полмира, небесную синеву.

Губы смочить – в горсти
Пусто. Дыханье – пламя.
Нечего жечь. Костры
Ходят лихими снами,

Жадно лелея месть
И не тая иного
Смысла. Но есть же, есть
Слово – я жажду Слова...

Книга Нины Ягодинцевой «Человек человеку» – сплав исповеди, музыки, летописи, наблюдения, молитвы, философии, красоты, трагедии. Этот крепчайший сплав и есть, в сущности, подлинная поэзия – редкая птица в век, где искусной и неуловимой стала профанация,

притворяющаяся подлинностью, где ложный гремящий пафос заслоняет и удачно скрывает плачущее, молчащее лицо правды, где щемящая струна лирики подменяется условностью геометрически выверенного, игрового текста.

По книге Нины можно проверять градус времени, уже приучившего нас к постоянным контрастам – социальным, культурным, интимным. Удивительная жизнестойкость стихов – у них превосходный живой скелет, стойкий словесный каркас, упругость почти мужская, почти минеральная кристаллическая решетка, – и одновременно их поразительная, глубинная женственность, то великое вечное Инь, что навек вбирает в себя любое военное жесткое Ян, тот океан лиризма и неутаенной (и разделенной, и неутоленной) любви, что льется из этих строк и слов, – это тоже контраст, и это тоже гармония.

Гармония и контраст – родня; еще Бетховен говорил об этом, и все лучшие художники во все времена соблюдали этот космический закон – не столько как композиционный, скорее как нравственный, по Канту. У Нины Ягодинцевой – то же образное коромысло; поэт идет, и оно балансирует на его плечах:

Как же мы эту землю любили,
Как несли сквозь беду на руках!
Невозможные розы Сибири
На студеных взошли берегах –

И стоишь в изумлении: дай мне
Наглядеться на буйный пожар!
Из чего эти розы? – Из тайны.
Ради тайны и сердца не жаль.

Открытость просторам, живописность и яркость, огненное буйство пресветлого и сверкающего под солнцем дольнего мира – а рядом – нежная тайна твоей, только твоей души. Личная, бессловесная тайна; ее только музыкой сказать, выдохом, лаской. И цветы женского сибирского полушалка, «разноцветные диковинные» розы, внезапно становятся этой мегаметафорой мира: женщина несет мир на плечах, кутается в него в мороз, обхватывает его ярким цветением щеки и грудь – чтобы нести, не стыдясь, сквозь все страданья, по своему пути – свою красоту.

Эстетика, красота стиха у Нины Ягодинцевой плотно сплетена с философией. Всякий художник – философ, это уже аксиома. И самый трепетно-трогательный, самый интимный лирик – если обернуть медаль другою стороной – самый народный, самый людской, человеческий поэт. Намеренно не произношу слов «социальность», «социум»: они чересчур приземлены для ощущения, восчувствования неподдельной народности. Когда-то славой и почетом было для поэта – стать народным: даже не в смысле всенародно читаемым – скорее в смысле звучащим голосом, голосами народа. Нина – это голос народа в платье высокого искусства. Так вышло. Так получилось. И для русской поэзии это – счастье. Счастье это еще поймут, примут, осознают. Искусство проверяется временем.

...Черным-черна зимы изнанка
И дышит пламенем из пор.

Я молча говорю: прости.
Не знаю, ныне или присно
Мои снега – моя отчизна.
Мне больше некуда идти.

Да не воспримутся репризной традиционной формулой эти слова – любовь к Родине. Нелишне их повторить – они тоже наша молитва! Да, любовь к Родине, к Уралу, к широкой могучей Сибири, хотя Нина смело живописует и другие земли – Кавказ, дальние странствия:

Это по южной степи ковыли
Молча, безропотно в пламя ложатся,
Это с востока везут корабли
Розовый пепел сгоревшего царства,

Это на севере белая мгла
Смотрит угрюмо и дышит свирепо...

Много копий за десятилетия и века сломано мыслителями на тему соотношения формы и содержания в произведении искусства. Чем пользуется поэт внутри традиции? Строфой, рифмой. Сам стих будто налит в некий сосуд, в незримый кувшин, который и есть форма для лавы, огня души и духа. У Нины стих классичен. Но это на первый взгляд – мысли, чувства, накал эмоций постоянно взрывает эту форму изнутри и на ходу по-своему, по-иному лепит ее – материя художества рождается прямо на наших глазах (а что есть поэзия, как не такое вот остановленное на лету, единственное мгновенье?), и мы становимся живым свидетелями чуда. «Свидетельствую, ибо истинно».

Горы клубятся дымом грядущих гроз,
Замер у кромки губ лепет воды.
Небо встает во весь исполинский рост,
Не уронив ни одной золотой звезды...

Вот так и поэт: во весь рост встает и храбро идет через боль жизни, через житейские и летейские воды, держа в ладонях – и не роняя никогда – светящиеся драгоценности сердца.

Это, конечно, позиция. И опять этика и эстетика здесь сплетены. Художник не может жить без веры и никогда не живет без замысла и умысла. Слово, насыщенное смыслом, наполненное большим чувством, искусство большого масштаба, взгляд, что видит прошлое и настоящее и проникает в будущее – это выбор собственного действия в искусстве, когда то, что тебе врождено, соединяется с твоим желанием и с велением Бога (судьбы).

А лейтмотивы книги, и это правильно, это справедливо, – Бог и огонь. Молитвы здесь и явные, и скрытые. А пламя пылает то и дело, то взвивается, то гаснет, то тлеет под спудом, то горит нежной тонкой свечой, – огонь всюду, он сопровождает поэта, не покидает его, и он – еще одно доказательство огненной природы и огненной силы этой поэзии; автор просто не дает стихии вырваться на волю безудержно и безоглядно, однако с огнем на страницах книги мы столкнемся не раз:

...туда, где всходила
и пламенем рваным
Тоску прожигала чужая звезда...

...но сколько ни живу – живу и думаю:
Мы здесь,
У этой страшной пристани пылающей,
Где пламя с каждым выдохом сильней...

...Июнь. Темнеет поздно.
Жара стоит по самую душу,
Порой языками пламени выплескиваясь наружу...

...Я никуда не денусь:
Дороги сердцу нет,
Пока свеча-младенец
Сосет из мрака свет...

Этот лейтобраз, эта огненная красная нить, возможно, загорается в поэтической тьме, как бикфордов шнур, тайно, интуитивно, – но там и здесь в стихах просвечивающий, а то и откровенно горящий огонь говорит о многом. Прежде всего о пылающем, изначально пылком сердце поэта (и такое сердце есть благодать). Огонь – и мегаметафора нашего времени, беспощадной современности, что жестким и жестоким костром так или иначе вспыхивает перед каждым ныне живущим. От огня войны до огня любви – всего лишь шаг. Мать, думая о сыне, о родной крови, слышит, как летят истребители над жилыми кварталами, слышит грозный грохот. Огонь вырывается из реактивного самолетного сопла. Мать включает настольный свет в спальне. «Кроме жизни моей, у меня ничего и нет». Сын спит. Мать – охранительница, оберег, живая защита. Пока есть такие земные матери, кто может сказать людям свое о войне отвергающее, защитительное слово, – мы последнее горе от нас оттолкнем, отведем.

Сказано же, что земная жизнь держится сейчас на нескольких истовых святых молитвенниках, таких, каким был святой преподобный Серафим Саровский... Мы только не знаем их имена...

Но тревога останется. И эта книга поэта, несмотря на всю ее нежную красоту и любовь к миру, полна тревоги и боли – не декларируемой, подспудно и тихо звучащей: так печальная и суровая тема просвечивает сквозь толщу мотивов в пятиголосной фуге.

Жизнь как юдоль страданий, как сгущение инферно, констатирована была еще Эсхилом и Софоклом, подтверждена Данте и целою вереницей позднейших земных мастеров. Но поэт – всегда Человек Рождающий. Он не мирится даже с неизбежностью смерти. И высшими, лучшими страницами в книге звучат стихотворные молитвы Нины Ягодинцевой – они сплетаются в надмирный молитвенный, в рифму, венок, и он, вырываясь из живых рук поэта, опять летит в небеса, чая достучаться до наших с вами сердец, ведь и благодаря такой любви, возможно, кто-то из нас – пусть хоть одна живая душа! – восстанет, воскреснет, возродится из бездны горя:

Человек человеку – такая печаль
Неизбывная, Господи!

По лукавым речам, пересохшим ручьям,
По мерцанию в голосе

Приближаемся к небу, где все на просвет –
Даже горы и крепости.
Человек человеку... Печальнее нет
Сей невидимый крест нести.

Занимается сердце: боли, но вмещай
Все, чем жили – да бросили...
Человек человеку такая печаль
Неизбежная, Господи!

Невозможная, Господи! Всюду темно –
А иду как с лампадою.
Что мне в этой пресветлой печали дано,
Коль иду, а не падаю?

СВЕТ ВРЕМЕНИ

(О романе Марии Бушуевой «Отчий сад». М.: Вагриус-Бослен)

Родня, семья, близкие люди, род.

Архетип семейного портрета либо семейного романа – это общечеловеческий архетип, и едва ли не самый главный в иерархии архетипов, с которыми работает искусство.

Те, из чьей плоти и крови, из чьих судеб мы слеплены, порою настоятельнее, чем знаменитые исторические персонажи, требуют их запечатлеть.

Чтобы род не пожрал тлен времени – существует масса способов, как этот род во времени оставить. Остановить время, хотя бы для самого себя; создать еще одну иллюзию вечности.

Альбомы со старыми фотографиями уступают место живым воспоминаниям. А воспоминания – формату романа.

Литература о семействе (семействах) делится на два мегапространства: на мемуарную (документальную) и на собственно искусство – тогда реальная история семьи лишь притворяется жанром, фикшеном, выдумкой, – для того, чтобы читатель смог свободно и непредвзято погрузиться в дразнящие воображение истории любви и смерти, верности и измены, рождения и гибели, во всю событийность, иногда опасно, огненно граничащую с вечностью.

Мария Бушуева дает в названии романа слишком ясный, явный намек на подлинность его воздуха и его героев: «Отчий сад». Существование прототипов и прототипичности тут несомненно, даже если они и не принадлежат истории рода автора. Сразу идут ассоциации с архетипическим мотивом «отчий дом» (а тут – сад! внезапно – иная оптика!) и, конечно же, с чеховским «Вишневым садом» – пьесой столь же знаменитой, сколь и многажды истолкованной.

Сад как камень преткновения – на принадлежащей Богу земле пребывающий людской собственностью; сад как ипостась Райского Сада, Эдема – вечного Эдема детства, истоков, чистой любви, яблоко от древа которого, откатившись в сторону соблазна и будучи жадно испробованным, направляет нас к человеческому греху. А за грех нужно платить. Чем? Вереницей непредсказуемых событий? Сердцем? Жизнью?

Один из героев романа, Дмитрий, Митя Ярославцев, – художник. Этим сказано многое, если не почти все. Художник (творец, созидатель, «рождатель», наблюдатель), поставленный в центр большого рассказа, временнго круга, призван тоньше и безусловнее, чем остальные, почувствовать, увидеть то тайное, о чем не догадывается

никто вокруг. Вектор жизни художника и направлен к запечатлению тайны:

«Нет, нет, как-то объяснял он Наташе, колдуя над её мордочкой, я лучше рисую с внутренней натуры, мне нужно вчувствоваться в человека, чтобы он отчётливо был мне виден, когда я закрываю глаза: вот он, в тёмной комнате, освещённый так, будто в потолке перевёрнутый колодец, из которого свет, истекая непонятным образом, оставляет всю комнату в тени кроме сидящего или стоящего человека. И тогда я делаю портрет».

Мария Бушуева тоже делает портрет. Заявленный в начале книги образ художника функционально перетягивает на себя красочным лоскутным одеялом незримый автор. В этом романе автор и выступает как еще один невидимый герой – как истинный художник, причем художник без грана сентиментальности, без намека на вздохи по утраченному быстротекущему времени и уходящим (а то и ушедшим...) людям: создавая этот текст, автор работает как древний летописец, мудро и печально, и как современный живописный мастер, запечатлевая и души живые и живую эпоху в четких и рельефных приметах; именно в них и прячется время.

Этот роман – попытка портрета времени.

Время – главная загадка мира; никакие объяснения физиков о едином континууме «пространство – время» не закроют от нас горькой сентенции: «Время – главный враг», высказанной вереницей лучших земных художников, философов, поэтов. А штрихи времени – это и есть люди. На примере жизни одной семьи и незамысловатого сюжета, что крутится вокруг одной загородной дачи и одного сада (и жаль, что это не Эдем...), разворачивается, как гигантский веер, картина канувших в вечность времен: все наше сегодня ведь немедленно становится нашим вчера, а значит, его уже можно рассматривать в лупу, как жука в коллекции или как лессировки на старом полотне. Именно в райском саду едва не случается грех кровосмешения; как в старинных королевских семьях, посягновение брата на честь сестры – оправдано ли или навек проклято? а кто видел? да ведь ничего и не было... ни другой брат, никто другой из семьи не стал свидетелем опасного события – спасительную правду видел только Бог, и это счастье... – и именно сам сад, его ночная тьма и дневное сиянье способны простить преодоленный страх и закрыть его вечным покоем торжествующей природы.

Героиня Ритка при живом муже Лене спит с Митей и Сергеем Ярославцевыми, двумя братьями; порочная чувственность исподволь нагнетается автором, и тут надо разгадать, почему, не ради же пресловутой «клубнички» – ее-то как раз нет и в помине, вместо нее – жесткая констатация чувственного факта, с соблюдением всех необходимых стилистических деликатностей; со стилем в «опасных» романных мизансценах все комильфо – а не комильфо совсем с другим; что-то трагически (и, может, бесповоротно) рухнуло в «датском королевстве» отдельно взятого семейства. Что?

Старики родители в этой латентной трагедии большую часть времени стоят за кадром, за занавесом. Но именно они, в особенности старый Антон Ярославцев, пусть на уровне почти призраков, на ватерлинии отжившей эпохи, но светят тайными маяками заблудшим, рвущимся, мечущимся детям.

В этом романе есть одна особенность, и она играет ему то на откровенную пользу, то на тайный вред. Но кто знает, минус ли это?

А может, наоборот, тайный плюс, о котором когда-то Борис Пастернак сказал:

Всесильный бог деталей,
Всесильный бог любви,
Ягайлов и Ядвиг.

Не знаю, решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина
Осенняя, – подробна.

«...всесильный бог деталей, / Всесильный бог любви, / Ягайлов и Ядвиг. Не знаю, решена ль / Загадка зги загробной, / Но жизнь, как тишина / Осенняя, – подробна». Так же, как во множестве рассыпаны, расслоены по тексту вкусные подробности, приметы эпохи, приметы жизни семьи, бытовые детали, внезапно вспыхивающие колористические чудеса, так же и во множестве в нем присутствуют подробные событийные ходы. Жизнь тесно (семейно!) сплетенных героев – Мити, Сергея, Наташи, Риты, Лени, Муры – уснащена этими многочисленными ходами и связями, как невидимыми червоточинами в «теле» сужденного им времени. Налицо разветвленные топологические сочетания судеб, брачно-любовная их подоплека перерастает в социальную, и подчас бывает тяжеловато разобраться в первопричинах поступков, хотя (в житейском смысле!) они все объяснимы и с виду даже обыденны. Сергей требует у отца дарственную на дачу. Небесный Эдем, среди грешных людей, становится вещным, дарящимся и продающимся. Продажным. В человечестве все имеет цену. До понимания бесценного Божьего промысла, хоть мы о нем и толкуем, нам еще далеко:

«– Наташа, в общем, ты возьми сад, – лучше сразу так, без предисловия, – а Сергею – дачу. Тамара ждет второго ребенка…

Наташа молчала.

– Ты обижаешься?

Нет, такой откровенный разговор не в правилах нашей семьи, семьи Ярославцевых. И он тоже замолчал, глядя тревожно на нее, а она – в темное окно.

– Отдавай Томе и сад, – наконец сказала она тихо, – все равно… заберет…

А он вдруг закричал:

– Не могу! Я устал! Устал! – он встал, обхватил руками голову. – Что вы меня все хороните!

– Да, – сказала она, – ты устал.

И подумала: слабый он человек».

Да, человек слаб – и человек библейски силен и трагичен; человек подл и порочен – и человек всепрощающ и нежен, нежен так пронзительно, что в один жест нежности он может вложить целую жизнь страданий.

Человек делает выбор и накладывает на себя руки, как Сергей Ярославцев – он выстрелил в себя на даче из охотничьего ружья. И, после его похорон, Наталья пытается окончательно очиститься от грехов-ных страшных воспоминаний: «...живи, моя дорогая, хорошая, чистая девочка, живи». Человек переживает возвращение, сперва сделав

выбор побега, как старик отец, Антон Андреевич, и в ночи, что дышит теплом, текут его единственные в жизни мысли: «Свет их, лунный, далекий, в детстве приснился мне, и долго-долго сомнамбулой брел я на серебряный звон, мне приходилось часто останавливаться в пути, и на каждой станции некто встречал меня, я притворялся то мужем, то сыном, то кем-нибудь, но, сбросив свой груз непосильный, стал я самим собой...» Круг замыкается, и громадный круг этот свободно и спокойно укладывается в стариннейшую эзотерическую формулу, применимую к художеству: человек – Бог – дьявол – человек. Формула вполне достоевская и вполне современная, ибо начертана на все времена.

Да, у каждого времени свой портретист.

И что для него, для его, художника, мастерства главное? – главное то, чтобы никогда не терять из виду свет. Ибо им одним, светом, оправдана и освящена (освещена!) вся наша непредсказуемая, толкотливая, броуновски-анархичная, непонятная и преходящая человеческая тьма.

«Свет, рассеянно серебрясь, создавал у него иллюзию нереальности – точно ему снится то, что было с ним когда-то – и эта комната, увешанная фотоснимками, вспыхивающие пылинки, долгим шлейфом тянущиеся от окна, и этот массивный диван в белом чехле, несколько пожелтевшем, и вышитая «думочка» на нем. Стол с черными ножками, покрытый скатертью серой с цветами, выгоревшими от света и времени, от света времени, от времени, в котором, видимо, все-таки был свой свет».

НИ ОТ СУМЫ, НИ ОТ ТЮРЬМЫ

(Мария Скрягина, повесть «Бутырка» . «Нева», № 9, 2018)

Это странная проза, еще немного – и реквием, еще чуть-чуть – и лития по живым; прекрасная строгая и суровая проза; печальная, как тонкое нежное лицо молчащей у окна девушки, и сжатая в крепкий кулак – почти железный.

Это повесть о тюрьме и свободе.

Сила жеста нужна – приняться за неторопливый, с виду такой спокойный рассказ о том, как парня посадили в тюрьму, а девушка, в чужом городе, у чужих людей, ждет его: когда выпустят. И даже не его ждет. А того, что произойдет.

Произойти может все что угодно. К этому «все что угодно» главная героиня повести, Аглая, готова. Так на войне солдат готов к атаке.

Егор, тот, кого в тюрьму посадили, – революционер. А мог бы жить, как все. Он сделал выбор. Против чего восстает? Да против обреченности. Обречены все. Власть – потому, что не может править, как должно. Старики – потому что жизнь прожили, а их втоптали в грязь нищеты. Молодежь – их поманили богатой жизнью, показали ее как киношный миф: и ты так сможешь, ты этого достоин, беги за деньгами, беги! – а бежать нельзя, мышцы слабые, судьи давно пущены на мыло, и стадион разрушен. Кто же в выигрыше? Неужели никто? Тогда зачем он нужен, этот старый новый строй, вернувшийся в обреченную страну капитализм?

Люди в повести Марии Скрягиной и действуют (на то оно и действие), и раздумывают.

Раздумья – да, личные. И – да! – политические. Человек – социален, он живет не в вакууме. И сейчас личное настолько сопряглось с общественным, что их если и разорвать, только с кровью.

«Деньги, работа, карьера. Выходить на площадь, что-то требовать – не глупость ли, не безумие? На что он надеялся? Все искал правды и справедливости. А есть ли они? И под силу ли одному-единственному человеку сдвинуть горы?

Зачем ты, Егорушка, зачем, мой хороший...»

Мать того, кто в тюрьме, Вера Александровна, преодолевает отчаяние, но ей и утешить-то себя нечем: оглядывается назад и понимает – вся жизнь – погоня за несбыточным: за деньгами, квартирой, фантастическим богатством, – а потом уже не до богатства: фастфуд, чтобы – выжить. «А потом надо было уже ложиться спать, чтобы завтра снова в бой».

Героиня – отнюдь не простушка; она преподает в вузе философию, и в этом вся ее невероятная экзотичность: философ плюс революционер,

какой ансамбль... И она тоже – внутри этого каждодневного житейского боя. То, что она застряла в Москве из-за Егора, это поступок из рук вон, отнюдь не философский – плоть от плоти жизни и реальности; мать кричит ей по телефону: «...у тебя роман? Роман, да?»

К чему революция? Кто воистину пойдет за революционерами? Когда-то Захар Прилепин сильно и остро показал обреченность и трагизм новой революции в романе «Санькя». Не поставим повесть «Бутырка» рядом с тем романом: годы прошли, и «Бутырка» – гораздо более достоевская вещь, более сдержанная и сумрачная, где на тонкую тоскливую нить постоянного рефрена «тюрьма – свобода» нанизываются мысли и чувства не молодого паренька, а молодой женщины Аглаи. Мы, разумеется, вне гендерного вопроса. И все гендерных вопросов – пространство повести. Но героиня – женщина. Она видит все сущее вдумчивей и яснее: ей продолжать жизнь. И имя-то у героини достоевское. И сама она называет все в своем внутреннем монологе своими именами. Не боясь. Не лукавя. И мрачный колорит, скупые краски этой прозы призваны подчеркнуть сходство времен – а значит, вечность проклятых русских вопросов.

«Да что наступит! Все это было уже. Травли, доносы, вся эта интеллигентская возня. Раньше было непонятно, как такое возможно? Вроде же все честные, пламенные. Сейчас уже понимаешь. Этот с трибуны про честность, высокие принципы, моральность, у самого штук пять жен, другая – свобода, духовность, а сама – на грантах от миллиардеров пишет свои высокохудожественные эссе. Культура – она же без денег не живет, а кто ее может питать – либо к государству надо присосаться, но при этом его же, государство, и попинывать – а как иначе? Художник должен быть свободным. Кормиться, но чтоб не подавиться. Либо обслуживать частный бизнес с большими деньгами. А если не хочешь – будешь прозябать. Сторожем каким-нибудь в Воронеже».

А может быть, здесь, глубоко, спрятан неистребимый русский лиризм? Финал в этом смысле и освобождает, намекая на катарсис, и настораживает. Егор выпущен на волю. Воля, вон она! – это голос героя в мобильном телефоне. И радостное восклицанье Аглаи: «Здравствуй, Егор!» Здесь повесть обрывается: то ли деликатно, то ли классично-завершенно, то ли резко и даже грубо: думайте сами, соображайте, что будет потом, завтра! – то ли открыто, оставляя вместо констатации факта – вольный ветер.

Главный смысл «Бутырки» – внутри этих коротких, как клипы, кадров, выхватывающих из тьмы, опять же по-достоевски, а может, по-рембрандтовски, лица героев: каждый раздумывает о своем, а получается, что все – об одном.

О том, как жить.

И что делать.

И, конечно же, кто виноват.

Вот она, съединенность, трагическая, внецерковная соборность: страдают все, и все – в ответе.

Традиционность и жесткость извечных «русских вопросов» не смягчается даже ясно просматривающейся женственностью героини; впрочем, женственность ее проявляется отнюдь не явно, не открыто, эта девушка – тайна: Аглая вместе человечна и жестка, нежна и «остроугольна», – она может повернуться и уйти, но она же умеет ждать. Тоже – русский характер, сотканный из противоречий. И ни при чем здесь философия.

Обманчиво-груба, с виду вульгарно-скандальна старуха Марья Семеновна, подруга старухи Александры Тимофеевны (Шуры), у которой Аглая снимает угол. И потом, позже, проступая постепенно и неумолимо, через корку простецкой грубости старой бабы начинает просвечивать эта самая русская неистребимая человечность – этот свет достигает апогея ближе к финалу, когда Семеновна выгоняет из квартиры претендующую на жилплощадь дальнюю родственницу и тем самым спасает от хищницы больную хозяйку.

Название «Бутырка» на слуху у многих в России. Так же, как и Лефортово в Москве, и Кресты в Питере. Три русские темы время от времени поднимаются нашими писателями: война, революция и тюрьма. Доколе держится на поверхности земли человечество, дотоле эти темы, вечные не только для России, будут его сопровождать. Наказать за ослушание лишением воли – это справедливо? отвратительно? необходимо? ужасно?

Почему именно человек изобрел сам для себя такую пытку – тюремную камеру? В повести мы ее не видим: писатель сознательно не показывает нам эти картины застенка, окошко в клеточку. Мы вдруг осознаем, что Бутырка – боже, правда ли это? – она на улице, в жилищах, в трясущемся транспорте, – везде. Да, бред! Но так похожий на реальность.

Мария Скрягина поняла нечто важное про нас про всех. И нашла в себе смелость спокойно рассказать об этом.

Сдержанно; скупо; точно; больно; скорбно; а иногда с печальной улыбкой.

Тюрьма бессмертна. Так же, как и воля.

От них обеих – по крайней мере, в России – не уйдешь.

ПЕСНЯ АРЛИН

(Анастасия Ростова. «Лепестки». Роман-голограмма. Нижний Новгород: Дятловы горы, 2018)

Удивительное погружение во время, что становится любовью, трагедией, яростью, невозможностью, клятвой, победой и бессмертием.

Во время, которое мы, земляне, еще не пережили. Не прожили.

Потрясающая книга – она о будущем.

И о любви; будущее, оно ведь и есть любовь.

Арлин и Блайт, Блайт и Арлин.

Думаю, их имена будут повторять люди, когда обнаружат эту книгу, раскусят ее сладость и ощутят на губах и в сердце ее горечь; и эти имена станут синонимом Вечной Любовной Пары – так, как в сознании человечества такою Вечной Парой стали Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Кришна и Радха, Кармен и Хосе, Медея и Ясон, Петр и Феврония.

Об Ассоль и Грее уже молчим – эпиграф к Сфере второй (второй главе книги) – цитата из «Алых парусов» Александра Грина.

Странное ощущение: все историческое, все вроде бы родное, наше, пережитое, переслушанное-перечитанное – и звучащая в эпиграфах ABBA, и «Питер Пэн», и Иван Ефремов, – а время другое, и его подлинность другая; и какая же там, в ином времени, любовь? Все такая же... или другая?

Заглянуть хоть на секунду в будущее – это всегда и соблазн, и проблема. Футурология – это наука, а как быть художнику, главнейший инструмент которого – сердце?

Совсем юными людьми Арлин и Блайт полюбили друг друга. Первая любовь традиционно считается самой памятной и самой наивно-чистой. Счастлив тот, кто не утратил эту чистоту, пережитую впервые; кто потом пронесет ее через всю жизнь, как факел чистого (и святого, как Агиос Фос!) огня. Но время – безжалостный пожиратель, не только минут-секунд, но и душевного ДНК; время часто – не благословенный помощник, а главный враг. И в борьбе с этим врагом гибнут души лучших. Затемняется экран. Искажается пространство. И оправдывается то, чему нет оправдания.

И только редкие (редчайшие!) сердца, дав себе и любимому первую, юную клятву, делают это героическим лейтмотивом всей жизни.

Картины будущего в романе Анастасии Ростовой прописаны так легко и изящно (хочется воскликнуть: с натуры!..) и так просто и доверительно, что в их сугубой достоверности не сомневаешься ни на минуту.

Кто только из писателей не фантазировал на тему будущего! Сонмы фантастов выстраиваются в ряд... Но это роман *не* фантастический. Да, его антураж фантастический, ибо кто же усомнится, что запись Сферы счастья или чествование выпускников Академии Астрофлота – это не штрихи будущей цивилизации?

Стоп! А кто сказал про будущее? Или, наоборот, про прошлое?

Разве все, что происходит в книге, происходит не *в настоящем*?

И – не по-настоящему?

Настоящесть горячего, пылкого чувства не заслоняется легким сверкающим флером чисто колористических, искусно изобретенных приемов – изображением вещных признаков и примет иной эпохи. Но наше человеческое воображение – не принадлежность атмосферы компьютерной игры. В «Лепестках» все настолько живо, настолько приближено и к нашему сегодняшнему мироощущению и миронастрою, и одновременно к вечности (к той самой, пресловутой вечности Любовных Пар), что не возникает никакого диссонанса между картинами будущего быта и традиционным преодолением препятствий, – правда, они в будущем несколько иные, нежели в прошлом: если раньше для воссоединения разлученным влюбленным надо было переплыть моря, побороть соперников, вкусить голод и холод, все мученья скитаний, то теперь Рок, почти античный, судьба-Ананке встает перед возлюбленными в иной одежде – нам почти до конца романа предстоит догадываться, какие запреты и почему наложены на людей категории D. У цивилизации будущего свои законы. Галактическое бытие диктует новые формы общения и разрабатывает новые иерархии.

И разлука, такая простая в древние времена, в будущем становится так сложно организованной – хоть все с той же мерой – вернее, безмерностью – скорби и с тем же горьким привкусом безвыходности.

Героям предстоит переплыть смерть. Космос жесток.

И совсем не волшебной сказкой становится спасение жизни Адмирала Блайта: скорее непреложностью, тем, что должно быть. Иначе зачем все? Зачем тогда обе жизни, Певицы Арлин и Адмирала Блайта, принесенные на алтарь великого чувства – между строк читается, что оно одно такое на множество миров, может, на всю Галактику...

Арлин становится певицей не потому, что реализует талант, и не потому, что это ее каприз. Она поет свои песни для того, чтобы Адмирал ее *слышал*. Хоть однажды – услышал. И понял: она все так же любит его. Запрет – приближаться. Запрет – подойти. Где же тогда расстояние протянутой руки? Расстояние поцелуя? И то состояние, когда между любящими расстояния – нет?

«Человек черпает вдохновение у Природы, что бы он ни делал. Однажды я склонился над этим водопадом, и закатное солнце создало такую радугу, что я захотел увековечить её», – говорит мудрец Илле в Садах, куда Арлин приезжает, чтобы окунуться даже не в беседу с драгоценной земной душой – в диалог, быть может, с Небом. Илле – садовник и отшельник – выполняет функции, похожие на заботы древнего земного священника. Арлин и словами, и молча исповедуется ему. Илле поддерживает вектор ее судьбы, направленный на призыв и на память; и, может, он просто тайно любит ее. Певица обладает даром вызывать любовь; Финансист Эктар. владелец концертного зала «Гранд Колосс Арена», идет на первую и единственную сделку с Арлин, вымогая у нее тридцать Сфер счастья для Адмирала – и взамен она получает, для своего выступления, эту воистину грандиозную, галактическую

концертную площадку. Присвоить чужое счастье! Как, оказывается, это просто!..

...и страшно.

Смерть всегда рядом с любовью. А любовь есть предельная концентрация жизни.

Юный Эрос и старый Танатос крепко держатся за руки. Только наступает миг – и старый Танатос, сгорбившись и рыдая, уступает место огненному Биосу. Жизни.

Той жизни, что побеждает все.

Победа! Как говорит Арлин: «Я должна петь в Гранд Колоссе, и это случится. Победа или смерть».

Смерти не будет. Любовь поборола ее.

Правда, для этого любви – и Арлин вместе с ней – пришлось пройти той дорогой, которой не ходил никто из смертных.

Роман Анастасии Ростовой – открытое окно прямо туда, в любовь.

Те, кто любит, с восторгом окунутся в него и поплывут в нем, в его Новом Будущем Океане.

Те, кто уже не любит, со слезами вспомнят свою любовь.

Те, кто еще не любит, с замиранием сердца, читая, будут ее предчувствовать.

Остаются те, кто просто – не любит. Не любит, потому что не может? Или – не судьба? Или – наказанье?

«Любите друг друга» – прописная истина, пронзительная истина Евангельской Нагорной проповеди – так мощно оживает в этой прозрачно и ясно написанной, с виду такой простой и нежной утопии, а может, легенде, а может, игре, а может, сказании, что спето жителем еще более отдаленного, немыслимого будущего о баснословном прошлом, – что и не знаешь, книга ли это, текст ли это.

Может, это просто живая, живущая любовь белой птицей из Садов Илле слетела к нам.

А может, это просто песня Певицы Арлин.

В Гранд Колосс Арене. Между звезд. Рядом с навеки возлюбленным.

ГРАД НЕБЕСНЫЙ И ЛЮДИ ЖИВЫЕ

(О книге Александры Николаенко «Небесный почтальон Федя Булкин»)

Удивительная эта книга. Ни на что не похожая.

Все ведь сразу ищут аналоги и подобия.

У каждого произведения искусства есть скрытые смыслы. Как говорил Станиславский, сверхзадача.

Сверхзадача книги Александры Николаенко «Небесный почтальон» – обращение к невидимому и сакральному Небесному Иерусалиму, хоть он не упоминается в детско-эпическом рассказе про мальчика Федю Булкина и его бабушку, но звучат, звучат вслух намеки на мир горний, и сияющий сакрал все равно подразумевается:

«Папа мой, например, очень газеты читать любил за завтраком. Как же я не подумал?! Не доходят, конечно, газеты в Город Небесный! Потому не доходят они, что почтальонов их разносить нет! Наша почтальонка толстая. Еле-еле по лестнице до ящиков почтовых взбирается со своими стопками. Куда уж ей до Града Небесного подниматься.

Почтальоном нужно мне стать, только не как обычные почтари, а космическим! Буду на ракете газеты в Град Небесный возить. Если газеты и в Граде Небесном есть – на землю назад».

По сути, вся книга – диалог: мальчик Федя и старушка, бабушка его, все время разговаривают – то вслух, то даже молча. Сам рассказ идет-движется странно и прекрасно: то это собственно рассказ (от автора, от третьего лица), то голос Феди Булкина явственно прорезается и реплики и размышления идут от «я» – от лица самого мальчика-героя; то звучит вроде бы воспоминание, и такое ощущение, что оно никому из живущих не принадлежит, а автор только считывает и записывает это Безличное, Божие:

«Пустыми обещаниями кормит Бог человека! Завтра да вчера…

Завтра еще нет. Вчера уже было. Одно сегодня остается. Безвылазно!

А ведь ничего хорошего нет в сегодняшнем дне...»

Маленькие главки – как фрагменты из детского дневника. Фединого, наивного. Но вдруг наивность больно высверкнет взрослой, трагической мудростью, и страшно становится.

Интонация, взятая автором, взята как нельзя более точно – она неуловимо колышется между детским солнечным лепетом и безжалостным рентгеном взрослого искушенного взгляда. Правда, трагизм этого взгляда автор искусно прячет за самой history of childhood, которая на самом деле есть даже kind story. Слишком мало в наше жесткое и стремительное время, время скоростей, медленной доброты – доброты детства, доброты старения и старости. А ведь они и есть пища и воздух замотанного, замученного житейской толкотней земного насельника.

Эпизод в книге, где мальчик рассказывает о повесившемся дворнике, показателен. Читая, мы исподволь замечаем, что, оказывается, Федя в своих микроисповедях речь ведет об архетипических материях. Жизнь, смерть, рождение, гибель, отношение к животным (все живое! и все живое должно умереть!), любовь к людям. Вот они, извечные русские, а также общечеловеческие архетипы – через призму восприятия и понимания ребенка: преступление и наказание («...Не бывает, Федя, у Бога без вины виноватых, ни за что не бывает наказанных...»), о совести, о «возмездии справедливом», о «мира создании», и вот опять, снова (это уже лейтмотивом через текст проходит) – «о небесах обетованных».

Небеса есть синоним Бога, а Бог есть синоним жизни, но Он же, как понятно и Феде и бабушке, и смертью владеет, и незримо повелевает справедливостью и наказанием за грехи. Бог – всевидящее око, но странное ощущение! Вследствие невероятной чистоты и честности самих героев, их непредвзятости, их подлинной и пожизненной человечности, они сами – оба, и Федя, и старушка – становятся общим-сдвоенным проводником, дуэтом-синонимом Божественного, такими малыми, незаметными наместниками Бога на земле.

В этом главное чудо книги, балансирующей между детским дневником, взрослой исповедью, зарисовками (эскизами, этюдами) художника с острым глазом. И шаг за шагом, мало-помалу приближающейся к вечности – к той мечтаемой вечности, о которой и во имя которой и написана книга.

Вечность, бессмертие – какие, вроде бы, громкие слова! Мы шарахаемся от их привычного громокипящего пафоса. И в изумлении застываем перед простым раздумьем простого мальчишки об этих высоких материях.

«Размечтался я что-то, рассуждаю, думаю: какой смертью лучше умереть мне? «Все там будем», – сказала тетя с пятого этажа бабушке. Так вот я на этот счет…

– Ты какой смертью умирать лучше хочешь, бабушка?

– Какой Бог даст, Федя, той и пойду, что ты, на ночь глядя, о таком всполошился?

Что всполошился я?! А как не всполошиться мне? Все у Бога просят, чтобы не умирать, а ни одного еще жить в живых насовсем не оставили. Это я раньше бессмертным быть не хотел. А теперь раздумался. Бессмертным как-нибудь стать мне лучше, пожалуй. »

«Всякая смерть, как рождение», – шепчет Феде бабушка. И в устах старухи, что вот-вот переступит страшащий всех, заветный порог, это звучит не банальным намеком на то, что и там, за порогом, что-то есть, и более того, есть жизнь вечная, – а просто эти слова естественны, как вдох, как выдох. Я вдыхаю, но я и выдыхаю. И выдыхает – нами – Бог.

Советское время в книге изображено – а как вечное. БАМы всякие, луноходы, Владимир Высоцкий, да, все эти приметы эпохи маяками просвечивают в нехитром светлом рассказе, в рекой текущем вперед и вдаль дневнике Феди, но они мгновенно превращаются в залоги неведомого будущего – как винтажные драгоценности в шкатулке ждут своего часа и внимания неведомой будущей модницы.

А вот и момент сопротивления. Ребячьего восстания. Бунта против неизбежного, ибо дитя – а точнее, человек – а еще точнее, *Любой* человек – не хочет смерти, хочет уйти от нее навек и избежать ее.

«Не хочу, как дворник, в петле, язык высунув.

Не хочу, чтоб змея ужалила.

Не хочу стареньким умирать, потому что все кости болят и свет не мил. Не хочу…

Ничего не хочу!

– Выбрал я, бабушка…

– Что выбрал, Федя?

– Никакой смертью умирать я не буду!)»

Чередой сменяются зарисовки и раздумья Феди: вот о войне и о Победе, вот о прошлом и будущем (это опять о всесокрушающем времени!), о «никогда» и «навсегда», о подлости и честности, о вещих снах, а вот и о дедушке Ленине школьное сочинение, и...

...и совершенно потрясающий финал.

Финал, где воедино смешиваются, дружно сливаются и в одном пророческом, почти библейском котле варятся времена.

Где бабушка на старой фотографии, рассматривая под лупой фигурки человеческие, шепчет Феде – малышу? или уже взрослому, все знающему о неизбывной печали людской? – «– У дома, Федь, нашего стоишь, за десять лет до войны…. Да не нужно, Федь, лупы мне, это дедушка...»; где в записке о молитвах о здравии и об упокоении перечисляются все, все родные имена, и живых, и усопших, имена рода; и где приписывает мальчик Федя – вечный мальчик, у Бога на ладони, в Граде Небесном, ангельский мальчик – к записке той – от себя, от сердца своего живого: «БОГУ – О НАС».

Круг замкнулся. И круг разорвался.

Эту книгу *о нас* – как некий таинственный помянник – написал настоящий художник.

И хорошо даже, что в одной из главок бессмертного дневника Феди Булкина двое сирот земных, Федя и бабушка, переживают и воочию наблюдают грозную стихию – явление града, что побивает все: людей, машины, растения, крыши домов; и это ведь тоже град небесный.

Град Небесный восстает над облаками, а град небесный побивает землю.

Все правильно. Все справедливо.

Так на одной доске, отломанной от великого древнего Ковчега, в громадном море Потопа-Времени и плывут отныне эти двое, под присмотром Бога своего.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Ирина Горюнова (Москва)

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Александр Котюсов

Ольга Лисятникова

Надежда Преподобная

Владимир Седов

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ
ООО «КНИГИ»

Адрес редакции:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04
Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru
Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и краткой биографической справкой. Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Подписано к печати 05.08.2019.
Выпущено в свет 26.08.2019.
Формат 70×108 $^{1}/_{16}$. Усл.-печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии
АО «ИПК «Чувашия»
428019 Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13